

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Т. В. ЦИВЬЯН

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В БАЛКАНСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

Т. В. ЦИВЬЯН

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

*К структурно-типологической характеристике
балканского языкового союза*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1965

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. ТОПОРОВ

ВВЕДЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ БАЛКАНИСТИКИ. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕТОДЫ. ПРОЦЕДУРЫ

К настоящему времени структурная лингвистика располагает достаточными теоретическими основами и практическими приемами для описания языковых систем на всех уровнях (кроме, пожалуй, семантического); тем самым созданы необходимые предпосылки как для описания взаимоотношений разных уровней внутри одной системы, так и для описания всех возможных случаев отношения разных языковых систем друг к другу (в синхронном и диахронном плане). Такие описания будут способствовать развитию общей теории отношения лингвистических систем и соответственно приближать решение вопроса о лингвистических универсалиях.

До недавнего времени лингвистика уделяла основное внимание трем видам отношений языковых систем: 1) отношения генетически родственных систем, для которых хотя бы потенциально восстанавливается некоторый общий источник («праязык», «язык-основа»); 2) отношения разных состояний системы одного языка, следующих друг за другом во времени; 3) отношения произвольно взятых языковых систем. Эти задачи решались соответственно в плане сравнительно-исторического языкознания, исторической грамматики и сопоставительной грамматики. К этому можно прибавить, что анализ каждого конкретного языка практически строится на сравнении его системы с системой языка описания (что, правда, было осознано сравнительно недавно).

В последние годы встал вопрос об исследовании более сложных видов отношений языковых систем. Один из них, в частности, представляет собой такое взаимодействие нескольких языковых систем, когда не так существенна (или вообще несущественна) их генетическая близость или отдаленность — на первый план выступают результаты некоторых интерференционных процессов, вызвавших более или менее значительное изменение этих систем в направлении их схождения. Именно такой случай взаимодействия представляют балканские языки. Теоре-

тическое значение этого вида отношения языковых систем и именно балканских языков так велико, что дало начало теории языковых союзов; разработанной в 30-х годах Н. С. Трубетским и Р. О. Якобсоном¹ и продолжавшей развиваться на материале главным образом балканских языков. Поскольку балканские языки и отношения между ними невольно рассматривались как эталон языкового союза, возникла опасность слишком жесткой связи и взаимозависимости между понятием языкового союза вообще и балканскими языками.

Определение языкового союза, выведенное в сущности из особенностей балканских языков, будучи приложено к аналогичному виду языкового взаимодействия, реализующемуся на материале других языков, могло оказаться либо слишком узким, либо слишком широким. С другой стороны, так как было принято, что балканские языки составляют языковой союз и теория языковых союзов стала самодовлеющей, в центре внимания по преимуществу оказывались внешние факты балканских языков, подтверждавшие теорию или хотя бы не противоречившие ей. Возникал порочный круг, мешавший и развитию теории и развитию балканистики. Поэтому до сих пор нет работ, где содержалось бы корректное описание общей схемы отношений, которую следует назвать «балканским языковым союзом» (БЯС). Этим объясняется и то, что БЯС в сущности можно определить лишь как часть осознаваемой интуитивно и несомненно существующей балканской культурно-исторической общности, сложившейся в результате чрезвычайно долгого и интенсивного взаимодействия. В эту общность включаются существенные совпадения в области фольклора, верований, обычаев и обрядов, изобразительного искусства, игр, материальной культуры — костюмов, кухни и т. п., не говоря уже о весьма значительной языковой интерференции на всех уровнях, включая семантический; в целом эту совокупность можно определить как своего рода *mentalité balkanique*. Пожалуй, особенно ярки сходжения в области фольклора, где обнаруживаются значительные совпадения не только в области сюжетов и мотивов, что само по себе явилось бы недостаточным доказательством, но и в самой структуре произведения — композиции, размере, использовании языковых средств². Поразительный изоморфизм

¹ См.: N. S. Trubetzkoy. *Phonologie und Sprachgeographie*. — TCLP, IV, 1931; Он же. «Actes du 1-er Congrès International des linguistes à la Haye du 10—15 avril 1928». Leiden, 1928, стр. 18; Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. TCLP, IV, 1931; Он же. *Sur la théorie des affinités phonologiques des langues*. «Actes du 4-me Congrès International des linguistes». Copenhagen, 1936.

² См., например, соответствия структурного характера, обнаруживаемые при сравнительном исследовании южнославянского и албанского героического эпоса: S. Skendi. *Albanian and South Slavic epic poetry*. Philadelphia, 1954.

в поверьях, в образах мифических существ с одинаковыми функциями (а иногда и с одинаковыми названиями, например «вурдалак») также присутствует на всем балканском ареале³. К сожалению, нелингвистической части балканского сообщества посвящены сравнительно немногочисленные работы, так что в целом все указанные области еще ждут исследований синтетического характера.

Балканские языки предоставляют неисчерпаемый материал для исследования: можно с уверенностью предсказать на любом уровне любого языка интереснейшие явления именно общепалканского характера. К этому прибавляется разнообразие методов исследования: к балканским языкам приложимы все три типа языкового сравнения: генетическое, ареальное и типологическое. С другой стороны, может быть, именно этим богатством и неисчерпаемостью объясняется несколько разобщенный, атомистический подход к балканистике: поразительные совпадения, встречающиеся действительно в изобилии, отвлекают внимание от более общих задач. Отсутствие надлежащей четкости в выборе оснований для сопоставления приводит к обнаружению огромного количества частных сходств, которые не только не создают единой картины, но, напротив, способствуют хаотичности списка балканских сходжений. Разумеется, сказанное выше ни в коей мере не имеет целью дискредитировать сделанное до сих пор в области балканистики. За последние 50—60 лет здесь накоплено огромное количество материала и предварительных наблюдений. Так, чрезвычайно важное значение имеют работы чисто описательного характера, посвященные анализу отдельных языков и диалектов и сравнению их по два, по три и т. д. основополагающие работы Ф. Миклошича о славянских элементах в ряде балканских языков получили более специальное продолжение в многочисленных работах исследователей следующих поколений: Н. Йокля, Г. Вейгана, М. Фасмера, Г. Майера, А. Филиппиде, Б. Цонева, М. Будимира, Х. Барича, П. Скока, Г. Вендта, К. Тальявини, Г. Паску, С. Младенова, А. Росетти, И. Поповича, М. Павловича, М. Младеновича, И. Богдана, Г. Михаилэ и др.

Наиболее многочисленны балканистические работы, посвященные лексическому уровню. Пожалуй, самый доступный, он дает возможность сравнительно легко обнаружить максимальное число совпадений. В то же время, наименее поддающийся систематизации, он и менее всего показателен для характеристики БЯС, тем более, что лексическое взаимопроникновение реализуется при любом виде языкового контакта. В сущности

³ Подробный обзор народных верований на Балканах с указаниями их генезиса и изоглосс распространения см. в недавней работе М. Филиповича: M. Filipović. Volksglauben auf dem Balkan. «Südost-Forschungen», XIX, 1960.

лексические заимствования характеризуют не столько сами языки, сколько каналы связи между ними. Поэтому общий лексический фонд описывает скорее «мир» (социальное, культурное пространство) соответствующих народов Балканского п-ова. Внимание исследователей в области лексики было сосредоточено прежде всего на определении фонда заимствований в каждом балканском языке, с указанием преимущественных направлений заимствования и их хронологии, и реже — на попытках выделить некоторые частные сферы общепалканской лексики (исследования в области этимологии и топонимстики всегда занимали периферийное место по отношению к общепалканским темам и задачам). Достаточно сказать, что исторические грамматики балканских языков как правило строятся на исследовании заимствований. На современном уровне настоятельно требуется новый, более широкий, комплексный подход к исследованию лексики: наряду с частными, фрагментарными исследованиями, ценность которых неоспорима, очевидно, следует найти форму системного описания лексического уровня как элемента структуры БЯС. В связи с этим интересна идея общепалканского лингвистического атласа, высказанная М. Деановичем⁴. Есть все основания предполагать, что именно такой способ описания при условии разумного составления вопросника окажется эффективным для систематизации общего лексического фонда БЯС.

Менее многочисленны работы, посвященные описанию сходжений на других уровнях. Можно сказать, что, например, в отношении словообразования сделаны «заготовки» в виде подробного описания словообразовательных элементов в отдельных балканских языках и диалектах (см. работы Г. Вейгана, С. Пупкарю, К. Лева, Г. Паску, А. Буассена и др.; большое количество таких исследований помещено в вейгановских изданиях); однако сколько-нибудь полного и систематического сопоставления не существует. В области морфологии, если отвлечься от ряда второстепенных вопросов или работ с уклоном к синтаксису, особый интерес вызвали сравнительно немногие проблемы: слияние родительного и дательного падежей, категория вида в глаголе, образование степеней сравнения прилагательного, средний род в румынском языке; вопрос постпозиции определенного артикля как правило рассматривается с точки зрения его происхождения (см. работы Л. Милетича, Г. Сване, Д. Михова, И. Гыльбова, М. Павловича, А. Хансена, Р. Г. Пиотровского и др.). Инфинитив в балканских языках обычно рассматривают в синтаксическом аспекте (см., например, работы

⁴ См.: M. Deanović. L'atlas linguistique des Balkans et l'atlas linguistique méditerranéen. «Балканско езикознание» III., 1961, 2; Он же. Deux atlas plurilingues et la slavistique. «Revue des études slaves. Mélanges André Vaillant», XL, 1964.

К. Сандфельда, Г. Рольфа, И. Быка, И. Гылыбова и др.); вместе с констатацией факта его исчезновения и попытками установить генезис этого явления указываются конструкции, эквивалентные инфинитиву. Так как эти конструкции однотипны для всех балканских языков, они, естественно, привлекают внимание с точки зрения общепалканистических процессов. В такой же степени интересно и другое синтаксическое явление — местоименная реприза. Механизм ее действия в отдельных балканских языках и диалектах исследован достаточно полно (кроме нормативных грамматик см., например, работы Г. Вейгана, А. Селищева, К. Сандфельда, Х. Ольсен, И. Зайдель-Слотти, Ф. Славского, З. Голомба и др.). Существует и ряд работ, специально посвященных синтаксическим заимствованиям (см., например: E. Seidel. Elemente sintactice slave în limba romînă. București, 1958).

Фонологическая специфика БЯС и его отдельных частей получила освещение в работах Б. Гавранека, М. Малэцкого, Р. Якобсона, А. Росетти, Э. Петровича и др. (Следует сказать, что описания фонологических систем составлены в общем для всех языков, входящих в БЯС). В этих работах рассматриваются такие вопросы, как выделение в фонологической модели данного языка результатов интерференции с фонологическими системами других языков, установление общепалканистических черт; фонологический уровень привлекался в качестве вспомогательного при установлении хронологии лексических заимствований, что соответственно давало возможность реконструировать прошлое состояние отдельных фонологических систем. Работы Б. Гавранека являются первыми, хотя и, не вполне удачными попытками описания фонологических систем балканских языков как некоторого единства — и в этом их главная ценность.

Как ни важны эти исследования, они обычно не ставили перед собой общепалканистических задач, а если и ставили, то в плане весьма далеком от того, который может быть признан соответствующим современному состоянию лингвистической теории. Единственная работа, претендующая на постановку общепалканистических проблем с привлечением и использованием всех полученных результатов, принадлежит К. Сандфельду⁵, которого в определенном смысле можно назвать Линнеем балканистики. Сандфельд перечислил основные совпадения, или балканизмы, являющиеся до сих пор единственным критерием для включения или невключения языка в БЯС. Набор балканизмов (в который входит: отсутствие инфинитива, образование будущего времени со вспомогательным глаголом *xotetj*, постпозитивный

⁵ Kr. Sandfeld. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930.

«артикуль, единая форма для родительного и дательного падежей, удвоение личных местоимений) до сих пор принимается без изменений, лишь с некоторыми дополнениями, не получившими широкого распространения»⁶. Сандфельд выделил и перечислил 150 балканизмов, из которых 20 проходят по всем языкам (сюда включаются некоторые данные лексического уровня)⁷. Основное внимание автор уделяет лексическим заимствованиям, с попытками установления их хронологии и путей проникновения, указанием фонетических правил перевода и распределением их по языкам. В целом книгу Сандфельда можно считать своего рода «практическим» пособием по балканистике, или балканистической энциклопедией. Все упреки по адресу Сандфельда возможны лишь потому, что до сего времени труд более чем тридцатилетней давности продолжает оставаться единственной монографией по балканистике. Поэтому возражения по поводу механистичности похода, нерасчлененности уровней, увлечения лексическими совпадениями и т. д. обращены, в сущности, не к Сандфельду, а к его действительным или потенциальным продолжателям, которые за такой срок не создали труда, равного по масштабу и при этом основанного на современных теоретических достижениях. Описательное направление практически замкнулось на книге Сандфельда. Собранный и достаточно систематизированный материал требовал осмысления и теоретической обработки. Разногласия возникли уже на уровне признания и непризнания за балканскими языками единства⁸. Затем это направление трансформировалось в исследование генезиса балканизмов (практически в каждом случае все сводилось к доказательству их автохтонности), с целью таким образом проникнуть в причины сближения балканских языков. Работы этого рода характеризуются стремлением установить зоны преимущественного влияния, отводя отдельным языкам (меняющимся от работы к работе) первенствующую роль в БЯС, и

⁶ Так, Ф. Славский («Взаимоотношения между южнославянските езици». — БЕ, 1956, № 2) предлагает включить в список аналитическое образование степеней сравнения; З. Голомб («Some Arumanian-Macedonian isogrammatisms and the social background of their development». — «Word», XIV, 1959, № 3) — энклитический *D*. личного местоимения в посевивной функции.

⁷ Такой подсчет произвел Ван-Гинеккен, см. его выступление на IV международном съезде лингвистов (Копенгаген, 1936).

⁸ Как известно, упорным противником признания БЯС был А. Белич; возражения против объединения балканских языков в союз содержатся в некоторых работах С. Младенова, Т. Капидана, И. Руссу. Активным полемистом явился П. Скок, доказывавший, что любой балканский язык следует рассматривать только с точки зрения общепалканского единства (см.: P. Skok. O bugarskom jeziku u svjetlosti balkanistike, — ЈФ, XII, 1933; P. Skok, M. Budimir. But et signification des études balkaniques. — RIEB, I, 1934 (тезисы доклада к III съезду славистов. «III конгресс слависта. Београд, 1939». Издања извршног одбора, III).

приписать происхождение какого-нибудь балканизма конкретному языку⁹.

Широкое распространение получает теория субстрата; пожалуй, именно скудость сведений о Sprachreste на Балканах является стимулом для их привлечения к выяснению генезиса балканизмов. Вообще теория субстрата в применении к балканским языкам имеет достаточные основания, поскольку современной лингвистической карте Балкан предшествовали другие состояния, в которых важную роль играли иллирийский, фракийский, пеласгский, мизийский, дакийский и другие языки. Но явная недостаточность материала и неясность внутренних связей и отношений между языками Балкан в прошлом являются главным возражением против ее применения. Впрочем, если даже допустить возможность объяснения балканизмов таким образом, это объяснение имело бы минимальное значение для определения специфики БЯС, поскольку, во-первых, БЯС — явление актуальное, принципиально не сводимое и не выводимое из языкового состояния на Балканах две тысячи или более лет тому назад, во-вторых, стимулы для образования БЯС следует искать не в истории, а в повседневной необходимости использования языка как средства коммуникации, так что идеальная модель, к которой стремится БЯС, находится не в прошлом, а в будущем. Убедительная критика нецелесообразности такого подхода содержится в статье А. Врачу¹⁰. Впрочем, уже в 1928 г. Н. С. Трубецкой говорил о недопустимости с методологической точки зрения привлечения в подобных случаях теории субстрата.

К 30-м годам относятся первые попытки применения зарождающегося структурного метода к балканистической проблематике, получающие выражение главным образом в работах Пражского лингвистического кружка. Основной смысл такого под-

⁹ Поиски языка с преимущественным влиянием (проблема, существенная для ареальной лингвистики) сводят сложные взаимодействия балканских языков к простому заимствованию. В этом отношении показательна работа Б. Видоса (B. Vidos. Le bilinguisme et le mécanisme d'emprunt. «Revue de linguistique romane», XXIV, 1960), где автор доказывает, что не румыны заимствовали славянские элементы, а славяне вводили их в румынский язык (той же точки зрения придерживался и М. Кшпиньский). Основная мысль интересного обзора М. Павловича (М. Павлович и Ђ. Перспективе и зоне балканистичких језичких процеса. — ЈФ, XXII, 1958) сводится к утверждению главенствующей роли славянских языков в БЯС. Очевидно, что говорить о ведущем языке целесообразно, имея в виду не план влияний, а доминирующую, или более полную модель. Желание проникнуть в генезис балканизмов приводит к объяснениям, не затрагивающим собственно лингвистический план (см.: А. Росетти. К вопросу о балканском языковом союзе. «Revue de linguistique», III, 1958). Стремление утвердить самостоятельность, например, болгарского языка явствует из самого названия статьи Л. Милетича: «Удвовање на објекта в български јазик не е балканизъм» («Списание на БАН», 28, 1937).

¹⁰ А. Врачу. К вопросу о роли субстрата в истории славянских языков. «Romanoslavica», IX, 1963.

хода заключается в том, чтобы рассматривать балканское сообщество как единую систему с особым строением и особыми закономерностями развития, вытекающими из свойств самой системы. Было принято, что балканское единство представляет собой специфический вид языкового взаимодействия, возникающий при контакте географически смежных языков. Такой вид взаимодействия был назван языковым союзом (Sprachbund) и получил следующее определение (Н. С. Трубецкой): «Языковыми союзами называются группы, состоящие из языков, которые обнаруживают большое сходство в области синтаксиса, сходство в основах морфологического строения и обладают значительным количеством общих „культурных слов“ (Kulturwörter), вместе с тем в них отсутствуют какие-бы то ни было системные звуковые соответствия и совпадения в звуковом облике морфологических элементов и общие „элементарные“ слова (Elementarwörter)»¹¹. Определение, данное Н. С. Трубецким, оказалось наиболее удачным из существующих. Его преимущества особенно явны при сравнении, например, с определением Б. Гавранека: «Языковой союз есть географическая общность языков»¹². Несколько расплывчато и не вполне точно определение, предложенное Г. Беккером: «Языковым союзом мы называем группу географически близких языков, которые благодаря общему историческому развитию и взаимному влиянию так сблизились, что на каждом из них можно выразить приблизительно одно и то же, приблизительно одинаковыми средствами»¹³. Ценность определения Н. С. Трубецкого заключается, прежде всего, в четком противопоставлении языковых союзов (Sprachbund) и языковых семей (Sprachfamilie — группы языков, совпадения в которых вытекают из их генетической общности). Чрезвычайно важным методологически является требование обязательного различения уровней анализа. Вместе с тем для настоящего времени его определение обладает рядом недостатков: если Н. С. Трубецкой разграничивает группы родственных и неродственных языков, он не проводит деления внутри последних с тем, чтобы возможно было различать языковой союз и другие виды языкового взаимодействия. Определение вряд ли можно использовать для разбиения контактирующих языков на союзы и не-союзы.

В определении языкового союза можно усмотреть порочный круг: выводимое, в сущности, из свойств БЯС, оно затем к нему же и прилагается, но уже как нечто имманентное. Вслед за У. Вайнрайхом повторим, что термин «языковой союз»

¹¹ См.: «Actes du 1-er Congrès International des linguistes à la Haye du 10—15 avril 1928».

¹² Б. Гавранек. III конгресс слависта. Београд, 1939. Издања извршног одбора, III.

¹³ Н. Becker. Der Sprachbund. Leipzig—Berlin, 1948 (введение).

следует признать неудовлетворительным: основанием для группировки не служат специально выделенные типологические критерии¹⁴.

Из неудовлетворительности определения вытекают разногласия в отнесении языков к БЯС: если бы были известны критерии объединения языков в союзы, этот вопрос можно было бы решить однозначно. На данном уровне исследования наиболее целесообразным, если не единственно возможным, представляется приложение к балканским языкам списка балканизмов, выделенных Сандфельдом¹⁵.

Все эти замечания приобретают частный характер на фоне новаторского значения введения понятия «языковой союз», определяющего особый вид языкового взаимодействия. Работы Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона принципиально определили новое направление балканистики, в основе которого лежало требование системности подхода и рассмотрение исследуемого материала не как собрания разрозненных фактов, а как единой структуры, с присущими ей закономерностями. Общий путь был намечен, и тем острее чувствовалась необходимость в развитии более конкретной балканистической проблематики. Развернутую программу балканистических исследований должен был представить III международный съезд славистов в 1939 г. К сожалению, об этом можно судить только по кратким тезисам несостоявшихся докладов. Уже сами названия тем свидетельствуют о развитии нового подхода к балканистике¹⁶. Основными требованиями являются: создание исчерпывающих описаний на всех уровнях при неременном условии четкого разграничения последних; перенос центра тяжести с лексического уровня (по крайней мере в том виде, в каком он до этого описывался) на морфологический и синтаксический, постановка проблемы анализа в диахронии — все эти требования не потеряли своей актуальности. До сих пор конкретные описания такого рода оказываются в меньшинстве по сравнению с фрагментарными исследованиями «объяснительного» характера, так что приходится вновь призывать к комплексному, структурному подходу к балканистике¹⁷.

¹⁴ U. Weinreich. On the compatibility of genetic relationship and convergent development. «Word», XIV, 1958.

¹⁵ Этим приемом пользуется, например, М. Малэцкий, относя к БЯС пять языков: албанский, болгарский, новогреческий, румынский, сербско-хорватский (см.: M. Małeck i. Osservazione sull'unione linguistica balcanica. «Atti del III Congr. intern. dei linguisti, Roma, 1933». Firenze, 1935); в последнее время стало возможным относить к БЯС и македонский (см.: З. Голлоуб. Указ. соч.).

¹⁶ См. доклады балканистической секции. «III конгресс слависта. Београд, 1939». Издава извршног одбора, I—IV.

¹⁷ См. основную мысль работы Э. Зайделя (E. Seidel. Probleme und Methoden der Balkanlinguistik. «Omagiu lui I. Iordan». București, 1958). — К сожалению, автор замыкается в кругу изучения взаимовлияний.

Работы III съезда явились в сущности последним значительным взлетом балканистики: ни IV съезд славистов, ни V, на который возлагались большие надежды¹⁸, не произвели в ней заметного сдвига. (Едва ли не на всех международных лингвистических конгрессах затрагивались вопросы лингвистической интерференции. Однако как правило БЯС привлекался лишь в качестве наиболее яркой иллюстрации.)

В результате в настоящее время балканистика значительно отстает от уровня современной лингвистической теории. Это находит свое выражение в неудовлетворительном подходе к объяснению сущности БЯС и даже в некоторой тривиальности «практических» работ по балканистике, основанных на прежних критериях балканистичности, достоверность которых в данное время подвергается сомнению. Между тем в теоретическом языкознании уже созданы предпосылки для развития балканистики как науки, изучающей такой вид взаимодействия языков, когда приходится одновременно учитывать факты типологического, ареального и генетического характера. Так, структурно-типологический подход к изучению контактирующих языковых систем изложен прежде всего в трудах У. Вайнрайха¹⁹, в работах Х. Фогта и Э. Хаугена²⁰. Современная теория языковых контактов разработала детальный и достаточно точный аппарат для объективного и полного описания языкового взаимодействия, особенно на фонологическом уровне. Рассмотрение балканистических процессов в свете этой теории, построенной на исследовании способов осуществления коммуникации в условиях взаимодействия двух или нескольких языков, представля-

---

¹⁸ Несмотря на то, что вопросы по балканистической проблематике вызвали живой отклик (см.: «Славянская филология», I. София, 1963), сами доклады, за немногими исключениями (например, доклад Х. Клагстада: H. L. Klagstad. Morpho-syntactical treatment of the Balkan linguistic group. «American contributions to the 5th international congress of slavists.» 's-Gravenhage, 1963), касались более общих проблем (взаимовлияние языков, некоторые диалектологические характеристики и т. д.), принадлежавших скорее вообще ареальной или типологической лингвистике, чем собственно балканистике.

¹⁹ См.: U. Weinreich. Languages in contact. New York, 1953 (Изд. 2. The Hague, 1963); см. также практическую реализацию его идей: Он же. On the description of phonic interference. «Word», XIII, 1957; Он же. Yiddish and colonial German in Eastern Europe: the differential impact of Slavic. «American contributions to the 4th international congress of slavists». 's-Gravenhage, 1958; Он же. Four riddles in bilingual dialectology. «American contributions to the 5th international congress of slavists». The Hague, 1963 и др.

²⁰ См., например: H. Vogt. Dans quelles conditions peut s'exercer sur le système morphologique d'une langue l'action du système morphologique d'une autre langue. «Actes du 6-me congrès international des linguistes», 1948. Paris, 1949; E. Haugen. Language contact. «Proceedings of the 8th intern. congress of linguists, 1957». Oslo, 1958. Он же. Problems of bilingual descriptions. «General linguistics», I, 1955, и др.

ется наиболее целесообразным и плодотворным для дальнейшего развития балканистики. Поэтому в современной балканистике наиболее перспективными следует признать работы (не считая конкретных описаний отдельных языков и диалектов, что, строго говоря, не принадлежит к области собственно балканистики), посвященные рассмотрению языковых контактов, осуществляющихся на Балканах²¹, и таких изменений в структурах сравниваемых языков, которые в конечном итоге делают их более «балканистичными»²². Существенным является установление сферы ареального распространения того или иного явления, иногда с попыткой или призывом к картографированию (см. уже упоминавшиеся работы М. Деановича об общепалканском лингвистическом атласе), сближающее балканистику с традиционной ареальной, или спациональной, лингвистикой, восходящей к И. Шмидту, Г. Шухардту, И. А. Бодуэну де Куртене, Ж. Жильерону, М. Бартоли и др.; важны попытки установить взаимное расположение балканских языков в пространстве²³. Большую ценность для балканистики представляют работы З. Голомба, ученика и продолжателя М. Малэцкого. Посвященные в основном македонскому языку и его диалектам, они вместе с тем вскрывают ряд закономерностей, существенных для всего БЯС в целом, сочетая конкретность исследования с общепалканистическими задачами. Такой подход дает возможность сделать некоторые достоверные выводы о списке балканизмов, составе БЯС, генезисе некоторых балканистических явлений (в частности, модель фразы, сконструированная для одного македонского диалекта — см. соответствующий раздел — оказалась универсальной для подавляющего большинства языков и диалектов БЯС, что в данной работе послужило важным основанием для представления об общей грамматической модели БЯС).

²¹ См., например: В. Recatas. L'état actuel du bilinguisme chez les Macédo-Roumains du Pinde et le rôle de la femme dans le langage. Paris, 1934; М. Pavlović. Les processus balkanistiques et les perspectives du parler serbe de Prizren. «Orbis», VII, 1958 (рассматриваются случаи трилингвизма).

²² См., например, недавнюю работу П. Ивича о сербско-хорватских говорах на юге Баната (P. Ivić. Les balkanismes naissants dans les parlers serbes du Banat. «Cercetări de lingvistică», III, 1958, supliment), которые настолько продвинулись в своей балканизации, что их стало возможным сопоставить с торлачским, или призрено-тимочским, типом.

²³ Интересна нетривиальностью подхода работа Э. Зайделя (E. Seidel. Zur Rolle des Bulgarischen in der Balkanlinguistik. — ZfS, VIII, 1963, № 6), где автор, базируясь в основном на системе артикля, отводит болгарскому роль посредника между остальными языками в том смысле, что если, например, албанский язык обладает свойствами А и В, а румынский — С и D, то в болгарском будут отмечены свойства В и С или А и D (и т. д.). Такой подход создает возможность хотя бы предварительного размещения языков в признаковом пространстве.

Вместе с тем уровень современной лингвистической теории требует, чтобы определение степени балканистичности того или иного языка опиралось на более точные характеристики. Строго говоря, ни одно из имеющихся определений или описаний БЯС не удовлетворяет требуемой степени полноты и точности, предъявляемых в настоящее время к лингвистическому исследованию, и поэтому не является вполне корректным. Можно предположить, что поскольку в месте схождения двух или нескольких языков всегда осуществляются некоторые языковые контакты (хотя бы в слабой степени), то языковые союзы, и в частности БЯС, могут выделяться довольно произвольно. Обычно порог вхождения языков в союз задается самим исследователем и по крайней мере пока без достаточно объективных количественных характеристик. Между тем количественное определение расстояния между языками в признаковом пространстве в последнее время становится все более и более насущной задачей языкознания, хотя посвященные этому работы больше останавливаются на генетических или глоттохронологических проблемах²⁴. Большую помощь в измерении «расстояния» между языками могут оказать работы, указывающие пути количественного определения степени системности данной совокупности языковых фактов²⁵, или работы, вводящие количественную меру в типологические исследования²⁶. В настоящей работе количественная сторона вопроса применительно к языкам, входящим в БЯС, будет играть существенную роль, хотя автор нигде не претендует на определение статистического порога вхождения языка в БЯС.

Понятие языковой коммуникации является одним из определяющих в данной работе, а признание ее актуальности для балканских языков — основной исходной предпосылкой теоретической концепции, лежащей в ее основе. Некоторые несомненные свойства БЯС осознаются уже на интуитивном уровне: наличие общих элементов в количестве значительно большем, чем просто на смежных территориях, и продолжающееся увеличение схождения. Эти факты могут означать только то, что в их основе лежит некоторый развивающийся процесс, который, как об этом уже говорилось, проявляется не только в языке. Сущность этого процесса предлагается объяснять, исходя из следующей гипотезы (доказательство ее разумности во многом зависит от полученных результатов): характер и направление

---

²⁴ Из недавних работ см., например: A. L. Kroeber. *Statistics, Indoeuropean and Taxonomy*. «Language», 36, 1960; A. Ellergård. *Statistical measurement of linguistic relationship*. «Language», 35, 1959.

²⁵ См.: И. А. Мельчук. К вопросу о термине «система» в лингвистике. «Zeichen und System der Sprache», II, Berlin, 1962.

²⁶ J. H. Greenberg. *A quantitative approach to the morphological typology of language*. — IJAL, 26, 1960, № 3. См. также другие работы в этом номере.

схождений в БЯС определяются некоторыми условиями, необходимыми для успешного осуществления коммуникации. Иными словами, на подсознательном уровне происходит отбор элементов таким образом, чтобы найти оптимальный вариант кодирования и декодирования сообщений на любом балканском языке для носителя любого другого балканского языка. Эта гипотеза основана на некоторых важных особенностях БЯС: наличии большого числа языков и островных диалектов на относительно небольшой территории, обилии би- и полилингвистических контактов и в связи с этим высокой степени лингвистического разнообразия (в смысле Дж. Гринберга), лингвистической истории Балкан и т. д. Свообразие общения состоит в том, что на Балканах нет *lingua franca* — выбор языка в каждой отдельной ситуации определяется конкретными условиями. При этом, естественно, существует потребность возможно более легкого перехода с языка на язык. В какой-то степени этому способствует, очевидно, то, что общение охватывает более или менее ограниченное число ситуаций и соответственно не требует привлечения богатого и разнообразного лингвистического материала (тем более, что контекст, взятый в самом широком смысле, облегчает общение). При этих условиях понимание достигается, с одной стороны, знанием некоторого лексического минимума (иначе говоря, допускается, что балканская лексика представляет собой, в определенном отношении, язык «с несколькими терминами») и, с другой стороны, знанием набора некоторых достаточно несложных конструкций. Реализация многоязычных контактов предполагает существование на подсознательном уровне стремления к тому, чтобы эти конструкции были универсальными, т. е. являлись основой своего рода языка-посредника. Поэтому предлагается считать стимулом балканских языков к схождению именно потребность в создании такого мета-языка, причем имеется в виду не какой-либо конкретный язык, который вытеснит реальные балканские, а эвентуальная модель, вобравшая в себя наиболее существенные схождения структурного плана и создающая тем самым оптимальные условия для возможно более легкого пересчета с языка на язык. Процесс коммуникации складывается, как известно, из процедур кодирования и декодирования, или синтеза и анализа. Вступающие в общение постоянно осуществляют эти процедуры, стремясь затратить наименьшее количество усилий. При этом осуществляется естественный отбор наиболее эффективных конструкций, которые в дальнейшем могут оказаться общими для разных балканских языков. Отсюда следует, что рассмотрение БЯС с точки зрения процессов анализа и синтеза может вскрыть ряд существенных особенностей его строения и пролить свет на механизм его развития, так как внимание при этом будет обращено на главнейшую его сторону — возможность осуществ-

вления межъязыковых контактов. Этим одновременно достигается и другая цель: составление по возможности более или менее единообразных объективных описаний, которые затем можно будет использовать для сопоставления, не нарушая при этом хотя бы элементарных требований, предъявляемых к сравнению. Последующее сопоставление предполагается проводить на основе специально выделенных типологических критериев. Целью сопоставления является попытка построения некоторой грамматической модели БЯС, принципы организации которой в самых общих чертах были охарактеризованы выше. Такой подход будет способствовать и проверке существующего списка балканизмов на «системность» (выделенные при анализе в основном синтагматического уровня, т. е. текста, они должны подвергнуться специальному исследованию на уровне системы, т. е. в парадигматическом плане). Требование парадигматического подхода вытекает из сказанного выше: попытка выработки предполагаемого языка-посредника должна затрагивать именно системы языков, имплицитно приспособляющиеся к некоторой универсальной.

Принятая гипотеза делает необходимым и оправданным изучение не статической, а динамической, активной, процессуальной грамматики в двух ее аспектах: порождающем (синтезирующем) и распознающем (анализирующем), во-первых, и привлечение особого внимания к тому ее фрагменту, который составляет необходимый и достаточный минимум для осуществления межъязыковой коммуникации, во-вторых. Поэтому в данной работе проводится описание через анализ и синтез такого фрагмента грамматических систем балканских языков, который удовлетворяет достаточно простой ситуации устного межъязыкового общения (фразе, глубиной в 4—5 слов, с заданной синтаксической структурой). В качестве ядра берутся основные типы склонения имени существительного. Такой выбор объясняется некоторыми причинами теоретического и практического характера. Прежде всего выбор склонения в качестве типологического критерия оправдан тем, что оно не только не универсально, но и представлено в меньшинстве языков (так, Н. С. Трубецкой говорит о почти точном совпадении ареала склонения с территорией евразийского языкового союза)²⁷, что делает его сильным типологическим критерием. БЯС благодаря своему пограничному положению предполагает наличие в высшей степени интересного положения; действительно, здесь происходит затухание некоторых существенных изоглосс, относящихся к склонению. При этом в пределах максимально простой фразы, принятой за наиболее распространенную статистически единицу общения, основная

²⁷ См.: R. Jakobson. Selected writings. 's-Gravenhage, 1962 г. (примечание на стр. 196).

функциональная нагрузка при обычном в таких случаях неполном, или предварительном, понимании падает именно на существительное (в отличие от глагола, основные категории которого, например время, наклонение, залог, не являются столь существенными для понимания сообщений). С этой особенностью предположительно связано то, что наибольшие сходства БЯС обнаруживает в системе имени (пожалуй, они и послужили основным стимулом для исследования общих балканистических черт, приведших к возникновению самого понятия БЯС).

В задачи данной работы входит сопоставление сделанных предварительно методами анализа и синтеза описаний имени существительного в балканских языках. Оно проводится на основании специально выделенных типологических критериев, существенных для выяснения некоторых общепалканских особенностей, объединяющих рассматриваемые языки. Предполагается, что такое сопоставление может оказаться полезным для выяснения специфики БЯС, проблемы, важной не только для балканских языков, но и в более широком плане — для общей теории языковых контактов. Кроме того, такое сравнение будет способствовать проверке существующего списка балканизмов с точки зрения их системности — задача весьма актуальная при современном состоянии балканистики.

Исследование осуществляется на следующем языковом материале: албанский с диалектами (прежде всего гегийский), болгарский и македонский с диалектами (особое внимание уделено западноболгарским и центральномакедонским), новогреческий с диалектами (особенно даконский, маниотский и малоазийские), балканороманские диалекты, представленные дакорумынским (румынским), арумынским, мегленорумынским, истрорумынским, сербско-хорватский язык (особо рассмотрены диалекты южной и восточной Сербии — ЮВС); в заключение излагаются некоторые наблюдения над именем в тюркских диалектах балканского п-ова (турецких, гагаузском). Принцип отбора сводился к возможно большей объективности. Языки отбирались не потому, что заранее было известно, что они «балканские», а потому, что каждый из привлеченных языков хотя бы кем-то из специалистов считался принадлежащим к БЯС, во-первых, и расположен на Балканах, во-вторых. Очевидно, при более широком подходе следовало бы рассмотреть по-возможности все языки Балканского п-ова, тем более, что в общетипологическом смысле трудно говорить о «балканских» и «небалканских» языках. Общеизвестно, что балканские языки не обладают ни одним уникальным, только им принадлежащим свойством: так называемая балканистичность определяется существованием фиксированного набора сходных конструкций, который в какой-то части может отражаться в любом другом языке. Поэтому в идеале можно думать о шкале, на которой описанные языки будут

сосредоточены поблизости друг от друга, тогда как, скажем, испанский, норвежский и т. д. займут место в отдалении от них.

Идея данной работы состоит в попытке установить количественную меру балканистичности и на ее основании научиться разумно определять, что входит в БЯС.

Исследование проводится на материале письменных литературных языков, с сохранением их собственной графики; лишь в некоторых случаях используется фонеморфологическая транскрипция (например, вводятся акцентуационные характеристики в сербско-хорватском языке). Такой выбор кажется оправданным по ряду соображений, излагаемых ниже.

Основой схождения балканских языков считается потребность в межязыковой коммуникации. Отсюда следует, что балканизмы вероятнее всего возникают при непосредственном общении. Такое общение регулярно осуществляется на уровне диалектов. Следовательно, оптимальным вариантом было бы описание структуры БЯС если не по диалектам, то во всяком случае по устной разговорной речи. Однако это не значит, что сравнение письменных литературных языков, т. е. яруса, максимально удаленного от сферы действия балканистических процессов, непродуктивно, некорректно или даже неправомерно. Напротив, доказательство того, что в таких искусственных образованиях, которые представляют собой письменные варианты литературных языков, несомненно фиксируются не просто отдельные совпадения, но и выделяется некая «архиструктура», отражающаяся с минимальными различиями в разных языках, является сильным аргументом в пользу существования БЯС, так сказать, имманентно, а не на уровне любопытных совпадений в отдельных диалектах. В каком-то смысле можно считать, что этот языковой ярус засвидетельствовал просеянные через много фильтров (говор—диалект—устная речь, разговорная и литературная) схождения, и коль скоро они носят системный характер здесь, то тем ярче он проявляется на уровнях, подходящих ближе к непосредственному общению. В самом деле, в диалектах Балканского ареала отмечаются чрезвычайно пестрые и разнообразные явления, между тем как в письменных литературных языках совершенно явно фиксируется лишь теоретико-множественное произведение (ТМП) этих явлений, и составляющее основу БЯС. Поэтому кажется правомерным утверждение, что доказать существование БЯС на уровне письменных литературных языков — значит тем самым доказать его существование на уровне и устной речи и диалектов, в то время как обратное утверждение представляется проблематичным (ср. наличие несомненного языкового союза между дзукскими говорами литовского языка, севернобелорусскими и смежными польскими говорами при отсутствии языкового союза на уровне

соответствующих литературных языков)²⁸. Помимо этого следует помнить и о реальном положении вещей. Как известно, описание диалектов Балканского п-ова находится на уровне, исключающем возможность сколько-нибудь полного их исследования. Осуществимо лишь выборочное описание, причем выбор определяется не столько принципами, положенными в основу анализа, сколько наличием материала. Что же касается устной речи, то практически она представляет собой фонетическую или фонематическую запись письменного языка. Фонематическую запись невозможно использовать по той причине, что ее пока не существует, а создание ее представляет собой особую, достаточно трудоемкую задачу. Фонологические описания разных балканских языков построены на различных принципах выделения фонем в зависимости от индивидуальности автора. Поэтому в данном случае можно было бы говорить только о запрещении касаться морфологического уровня, пока не описан фонологический. Если бы речь шла о составлении грамматики, то, пожалуй, такое требование было бы достаточно веским. Однако в данном случае преследуются цели чисто типологические, так что существенно, например, не конкретное выражение флексий, а количество противопоставлений в парадигме (поэтому не отмечается оригинальная внутривалканская изоглосса: образование множественного числа чередованием согласных по твердости—мягкости, отмечаемое в балканороманских, албанском, северногреческих говорах. Она может явиться ценным типологическим критерием с точки зрения более конкретного атомистического подхода). Что же касается фонетической записи, то пока что несомненным кажется только одно ее преимущество: она избавит от упреков в том, что сопоставляються в качестве равноправных графические системы, основанные на разных принципах (историческом, фонетическом, фонеморфологическом). Есть основания предполагать, что, с одной стороны, введение фонетической записи не внесло бы кардинальных изменений в результаты сравнения: так, очень близкие по строению болгарский, македонский языки и ЮВС дают и почти совпадающие показатели, несмотря на то, что первые рассматриваются в обычной графике, а последние — в фонетической записи. С другой стороны, фонетическая запись поставила бы в невыгодное положение новогреческий язык, где чрезвычайно интересна система склонения, сохраняемая именно традиционной графикой. (В конкретной части работы в существенных случаях проводится пересчет на фонетическую запись.) Поэтому применяемая в данной работе форма записи кажется вполне допустимой (тем более,

²⁸ См.: Т. М. Судник, В. Н. Топоров, С. М. Шур. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСлЯзС). «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии». Тезисы докладов. М., 1964.

что избранный уровень типологического сравнения может стремиться к принципиальному игнорированию различий между конкретными формами выражения языка). В данном случае логическая непогрешимость и гармония формы были принесены в жертву здравому смыслу и интересам дела. Очевидно, что при строгих требованиях единства записи типологический подход к балканистике, а следовательно, и всякого рода попытки привести ее в соответствие с уровнем современной лингвистической теории были бы отложены на неопределенный срок. Используемый же в данной работе подход представляется достаточно основательным и целесообразным, притом не только с узко-практической точки зрения.

Процедура исследования заключается в следующем: для имени существительного в каждом языке в отдельности устанавливается набор граммем (род, число, падеж) и устанавливаются все возможные их сочетания. Определяется набор флексий, обслуживающих эти сочетания граммем, и подсчитывается число словоформ, которые они образуют. Так, для новогреческого языка выделяется 18 сочетаний граммем (N. Sing. m, A. Pl. f и т. д.), которые обслуживаются 16 флексиями, способными образовать 41 словоформу. Цель анализа — установить по графоморфологическому виду существительного (при этом как правило используется обычная запись и лишь в некоторых случаях — транскрипция) его морфологическое содержание или, определяя задачу более формально, найти, какому сочетанию граммем соответствует данная флексия. Цель синтеза — указать флексию для данного сочетания граммем. Методы анализа и синтеза в том виде, в каком они применяются в данной работе, в известном смысле приводят к созданию распознающего или порождающего алгоритма (с рядом ограничений: опущены моменты, не существенные для описаний такого рода, например нейтрализация между существительным и другими частями речи; задается правильное выделение и присоединение флексии и правильное соотношение определяемого и определяющего, опущены некоторые малоупотребительные флексии). Иными словами, метод ориентирован на то, чтобы описать все языки единообразно, с помощью более или менее одинаковых процедур, которые могут привести к результатам, наиболее интересным с типологической точки зрения. Таким образом, принцип простоты и адекватности описания полнее всего проявляется не при исследовании отдельных балканских языков, а при описании общебалканских моделей. Анализ и синтез ведутся на двух уровнях — морфологическом и синтаксическом, для каждого из которых выделяются особые средства. Для морфологического уровня выбираются флексии существительного, формы артиклей (кроме неопределенного), флексии согласованного определения, а также ряд фонеморфологических данных (например, место и вид уда-

рения, чередования и т. д.). На синтаксическом уровне существенны порядок слов, окружение и некоторые другие данные. Анализ и синтез проводятся в ряд приемов («шагов»); состоящих из отдельных операций и применяемых в определенной последовательности. Номер шага соответствует числу операций, из которых он состоит (так, I шаг содержит одну операцию, III — три; если шаги различаются не количеством операций, а их содержанием, вводится обозначение I-a, II-b и т. д.). Переход к следующему шагу осуществляется лишь тогда, когда все средства получить информацию в пределах предыдущего шага уже исчерпаны, а окончательный результат еще не получен. Порядок операций определяется некоторыми общеметодологическими принципами²⁹: выбирается такая последовательность операций, чтобы проще всего довести процесс до конца и при этом таким образом, чтобы I шаг позволял решить максимум задач. Анализ и синтез начинаются с морфологического уровня, что тоже определяется некоторыми общетипологическими соображениями, а не преимущественными интересами каждого языка (так, например, для болгарского и македонского удобнее было бы начинать не с морфологического, а с синтаксического уровня). После каждого шага указывается, сколько сочетаний граммем и сколько словоформ он «разрешает». Например, в албанском языке по сочетанию флексии существительного с формой определенного артикля (II шаг) определяется 18,75% словоформ (№ 2 + = a → V, *liri-a*, N. Sing. f и т. д.); в новогреческом — 31,7% словоформ (№ 1 + η → IV, η *μῆτέρα-#*, N. Sing. f); в болгарском — 12% словоформ (№ 1 + -ma → II, *вечер-ma*, Sing. f)³⁰ и т. д. Идентификация форм, которую невозможно осуществить на морфологическом уровне, переносится на синтаксический. Для языков с минимальным набором морфологических средств специально выделяется синтаксический уровень с собственными единицами (Subj., Praed., Obj. dir., Obj. obl., Atr., Adv.), для которых в случае необходимости можно предложить вполне операционные определения, позволяющие трансформировать эти единицы в единицы, выраженные, например, в терминах отношений или языковых классов. Для определения этих единиц использовалось, в частности, окружение, например, в румынском: Art. poss. + S. Obl. → Atr. — *stăpîn al casei*; Adj. + S. Obl. → Obj. obl. — *credincios țării*.

Далее результаты серии предыдущих частных описаний имени сопоставляются на основании некоторых классификационных

²⁹ См. M. Halle. On the role of simplicity in linguistic descriptions. — В сб.: «Structure of language and its mathematical aspects.» Providence (Rhode Island), 1961.

³⁰ Для записи используются знаки дивъюнкции $\vee$ и импликация $\rightarrow$; запись вида № 1 $\rightarrow$ I $\vee$ II читается: если дана флексия № 1, то это либо I, либо II сочетание граммем.

схем, построенных для этой цели. Эти схемы должны определяться материально теми языковыми единицами, которые использовались в предыдущих разделах, и их сочетаниями (например, категориями). В принципиальном отношении построение схем следует осуществлять таким образом, чтобы: 1) используемые элементы схемы для носителей языка (в данном случае балканских языков) лежали на подсознательном уровне и не становились предметом анализа, хотя и реализовались бы в языковом поведении говорящих, 2) эти элементы выбирались и комбинировались исследователем с вполне сознательной целью обеспечения оптимальности полученных результатов с общеполитической точки зрения. При соблюдении этих условий достигается относительно высокая степень объективности описания и его целенаправленность. Оправданность построения общих схем, служащих эталонами, или точками отсчета для сравниваемых систем и моделирующих ситуацию с оптимальными условиями для коммуникации, в настоящее время уже не требует доказательств. Поэтому основное внимание в соответствующей части работы уделяется не обоснованию, а конструированию такой условной схемы — модели склонения имени в БЯС. Такая модель могла бы интерпретироваться как возможный конечный этап развития, к которому стремятся все балканские языки, обеспечивающий наибольшую простоту при пересчете с одного балканского языка на любой другой балканский язык и на язык-посредник, долженствующий удовлетворять условию минимальной затраты усилий при распознавании и синтезировании. Наряду с таким, сугубо типологическим, подходом представляется целесообразным применение к исследованию БЯС и других методов языкового сравнения, в частности исторического и генетического. Эти методы будут составной частью комплексного изучения БЯС, задачей которого является не только проникновение в сущность балканистических процессов, но и некоторые общетеоретические выводы о природе этого явления вообще. Поэтому балканистика не может ограничиться описанием конкретных «балканизмов» — она призвана внести свой вклад в дальнейшее развитие теории языковых контактов.

Глава I

БОЛГАРСКИЙ И МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫКИ

В принципе, не исключен такой подход к болгарскому имени, когда для его описания не потребуется обращение к категории падежа (при этом существительное будет характеризоваться сочетанием лишь двух граммем — рода и числа). Однако при подходе, принятом здесь, целесообразно выделить для существительных мужского рода на $\neq$ (сохраняющих в письменном языке следы склонения) специальное сочетание граммем, в котором к указанным двум прибавляется граммама падежа (так называемый общий косвенный — *Casus Obliquus generalis*, обозначаемый далее А). Таким образом, выделяется 7 сочетаний граммем:

I Sing. m	IV Pl. m & Pl. card. m
I-a A. Sing. m	(счетное множественное)
II Sing. f	V Pl. f
III Sing. n	VI Pl. n

Эти сочетания граммем обслуживаются 10 флексиями, образующими 24 словоформы (табл. 1). Нейтрализация, видная уже из количественного соотношения флексий и сочетаний граммем, отчасти снимается формами постпозитивного артикля (табл. 2). Существует также нейтрализация между членной и нечленной формами существительного. Все эти случаи, представляющие значительные затруднения для анализа, перечисляются ниже.

Нейтрализация в нечленной форме

А. Нейтрализация по роду.

1) № 1 $\rightarrow$ I $\vee$ II, читается: если флексия № 1 ($\neq$), то это либо I (Sing. m), либо II (Sing. f) сочетание граммем, например *път-#* (Sing. m), *скръб-#* (Sing. f);

2) № 4 $\rightarrow$ I $\vee$ III, например *Мумре* (Sing. m), *поле* (Sing. n);

Распределение флексий в болгарском языке *

Флексия **	Sing.				Pl.		
	m		f	n	m	f	n
	I	I-a	II	III	IV	V	VI
1. -#	+		+				
2. -а [a]	+	+	+		+		+
3. -я [ʼa]	+	+	+		+		+
4. -е [e]	+			+			
5. -о [o]	+			+			
6. -и [i]	+				+	+	+
7. -ове/-еве [ove/eve]					+		
8. -овци/-евци [ovci/evci]					+		
9. -ия [iʼja]							+
10. -(е)та [eta]							+

* 10 флексий образуют 24 словоформы.

** Во флексиях № 7 и № 8 *-ове/-еве* и *-овци/-евци* объединены, так как они находятся в дополнительном распределении (о после согласного, е после i, j). Флексии № 2 и № 3 разделены, так как в письменном языке они не находятся в дополнительном; распределении (обе встречаются после согласного: *стол-# — стол-а*, *кон-# — кон-я*) при типологических исследованиях с диахронической точки зрения флексии № 2 и № 3 могли бы рассматриваться как алломорфы одной архифлексии. Естественно, что сказанное относится лишь к существующим m с исходной формой на -#.

3) № 5 → I ∨ III, например *дяд-о* (Sing. m), *сел-о* (Sing. n).

Нейтрализация по роду и числу.

1) № 6 → I ∨ IV ∨ V ∨ VI, например *Георг-и* (Sing. m), *другар-и* (Pl. m), *радост-и* (Pl. f), *насеком-и* (Pl. n);

Нейтрализация по роду, числу и (для некоторых существительных мужского рода) по падежу

1) № 2 → I ∨ I-a ∨ II ∨ IV ∨ VI, например *бац-а* (Sing. m), *татк-а* (A. Sing. m), *майк-а* (Sing. f), *стол-а* (Pl. card. m), *сел-а* (Pl. n);

2) № 3 → I ∨ I-a ∨ II ∨ IV ∨ VI, например *мутафчи-я* (Sing. m), *Добр-я* (A. Sing. m), *вол-я* (Sing. f), *слав-я* (Pl. card. m), *пол-я* (Pl. n);

Формы артикля в болгарском языке

Артикль	Sing.				Pl.		
	m		f	n	m	f	n
	I	I-a	II	III	IV	V	VI
a) -ът/-ят [ət/'ət]	+						
b) -а [a]		+					
c) -я ['a]		+					
d) -та [ta]	+		+		+		+
e) -то [to]	+			+			
f) -те [te]					+	+	+

Нейтрализация в членной форме

Нейтрализация по роду

1) $e \rightarrow I \vee III$, например *дядо-то* (Sing. m), *село-то* (Sing. n);

2) $f \rightarrow IV \vee V \vee VI$, например *юнаци-те* (Pl. m), *майки-те* (Pl. f), *насекоми-те* (Pl. n);

Нейтрализация по роду и числу

1) $d \rightarrow I \vee II \vee IV \vee VI$, например *баща-та* (Sing. m), *майка-та* (Sing. f), *братя-та* (Pl. m), *села-та* (Pl. n).

Нейтрализация между членной и нечленной формой

Нейтрализация по роду, числу и артиклю

1) № 10 (d) $\rightarrow I \vee II \vee IV \vee VI$ s. Art. $\vee VI$ c. Art., например *баща-та* (Sing. m), *майка-та* (Sing. f), *братя-та* (Pl. m), *агне-та* (Pl. n s. Art.), *села-та* (Pl. n c. Art.).

Нейтрализация по роду, числу, падежу и артиклю

1) № 2 (b) $\rightarrow I \vee I-a$ s. Art. $\vee I-a$ c. Art. $\vee II \vee IV \vee VI$, например *бащ-а* (Sing. m), *дяд-а* (A. Sing. m s. Art.), *стол-а* (A. Sing. m c. Art.), *маик-а* (Sing. f), *орел-а* (Pl. card. m), *сел-а* (Pl. n).

Морфологический уровень

Средствами для анализа на морфологическом уровне выбираются флексии существительного, артикль и флексии согласованного определения, выраженного прилагательным, порядковым числительным, местоимением и причастием.

I шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного.

- 1) № 7 → IV, например *враг-ове, бро-еве* (Pl. m);
- 2) № 8 → IV, например *Петр-овци* (Pl. m);
- 3) № 9 → VI, например *виден-ия* (Pl. n).

I шаг определяет 2 сочетания граммем и 3 словоформы из 24. Определению подлежит 21 словоформа.

II шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме артикля.

- 1) № 1 + *-ът/ят* → I, например *орел-#-ът, кон-#-ят* (Sing. m);
- 2) № 1 + *-та* → II, например *вечер-#-та* (Sing. f);
- 3) № 6 + *-те* → IV ∨ V, ∨ VI, например *другар-и-те, майк-и-те животн-и-те* (Pl. m ∨ f ∨ n);

(форма артикля *те* отделяет множественное число существительных всех трех родов от единственного числа существительных мужского рода типа *Георги*, которое как имя собственное не может употребляться в членной форме). II шаг определяет полностью 2 сочетания граммем и 3 словоформы (так как *-ът/ят* — два фонетических варианта при определении одной словоформы) из 21 оставшейся. Определению подлежит 18 словоформ.

III шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и флексии согласованного определения¹ с исходной формой на *-#, -а, -о*.

- 1) № 2 + *-#* → I, например *висок-#(-и-ят) бац-а* (Sing. m);
- 2) № 2 + *-а* → II, например *висок-а(-та) майк-а* (Sing. f);
- 3) № 3 + *-#* → I, например *висок-#(-и-ят) чорбаджи-я* (Sing. m);
- 4) № 3 + *-а* → II, например *млад-а(-та) лел-я* (Sing. f);
- 5) № 4 + *-#* → I, например *млад-#(-и-ят) Митр-е* (Sing. m);
- 6) № 4 + *-о* → III, например *зелен-о(-то) пол-е* (Sing. n);
- 7) № 5 + *-#* → I, например *стар-#(-и-ят) дял-о* (Sing. m);

¹ Если при существительном есть артикль, то он меняет место и переходит к согласованному определению, становясь препозитивным по отношению к существительному. В этом случае артикль избыточен, так как он только повторяет информацию о роде и числе, заключенную во флексии прилагательного.

- 8) № 5 + -o → III, например *хубав-о(-то) сел-о* (Sing. n);
 9) № 2 + -и → IV ∨ V, например (*пет*) *голем-и оред-а* (Pl. card. m); *голем-и сел-а* (Pl. n);
 10) № 3 + -и → IV ∨ VI, например (*пет*) *хубав-и славе-я* (Pl. card. m), *хубав-и пол-я* (Pl. n).

II-а шаг определяет полностью 3 сочетания граммем и 8 словоформ из 18 оставшихся. Определению подлежат 10 словоформ.

III шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного, форме артикля и флексии согласованного определения.

- 1) № 2 + -и + -те → VI, например *хубав-и-те сел-а* (Pl. n);
 2) № 3 + -и + -те → VI, например *хубав-и-те пол-я* (Pl. n).

Это — единственный случай, когда препозитивный (по отношению к существительному) артикль не избыточен — он различает множественное число существительных среднего рода и форму счетного множественного на -а/-я существительных мужского рода. III шаг определяет 1 сочетание граммем и 2 словоформы из 10 оставшихся. Определению подлежат 8 словоформ.

Для определения каждой из них привлекаются средства фономорфологического, синтаксического и других уровней. Так, форма счетного множественного на -а/-я распознается по наличию перед существительным в указанной форме количественного числительного (при этом существительное не может стоять в членной форме).

1) Numer. card. + № 2 s. Art. → IV, например *пет оред-а*;

2) Numer. card. + № 3 s. Art. → IV, например *пет славе-я*.

Определено 1 сочетание граммем и 2 словоформы из 8 оставшихся.

Во флексиях № 2 и № 3 (-а, -я) нейтрализуются I и I-а сочетания граммем. Форма A. Sing. m имеет настолько ограниченное распространение (большинство грамматистов считает ее устаревшей и неактуальной для современного болгарского литературного языка), что при принятой здесь степени подробности анализа и синтеза ею оказалось возможным пренебречь. Она как правило находится в свободном чередовании с общей формой (например, *съчинения на Иван-а Вазов* вместо *Иван-а Вазов-а*). Все же было необходимо упомянуть о ней и отразить ее в таблицах (в частности, ввиду того, что она вполне употребима в целом ряде диалектов, см. далее), так как, хотя абсолютное число существительных, имеющих форму A., и невелико, это достаточно значительная группа для того, чтобы быть специально отмеченной². То же самое касается противо-

² См.: Н. Костов. Българска граматика. София, 1939. — Форму A. имеют личные существительные: 1) собственные, 2) термины родства, 3) титулы, чины, звания, 4) уничижительные на -о, 5) *юнак, господин, бог*.

поставления краткой и полной формы артикля (полная форма для прямого падежа, краткая — для косвенного): в живом языке эти варианты не различаются по значению, и выбор между ними по существу факультативен³.

Далее рассматривается еще один случай нейтрализации между членной и нечленной формами: флексия № 10 и форма артикля *-та*. Она снимается на фонеморфологическом уровне: если перед *-та* стоят гласные *e, u, y, ю*, это VI s. Art., например *агне-та*; если перед *-та* стоят гласные *a* или *я*, это VI с. А., например *села-та*. Единственным случаем, когда нейтрализацию в синтагматическом плане снять не удается и следует прибегнуть к помощи парадигмы (т. е. привлечь еще хотя бы одну форму), является нейтрализация по роду во множественном числе при флексии № 6 (*-и*): *учениц-и* (т), *ученичк-и* (f), *насеком-и* (п). Можно использовать информацию, заключенную в структуре слова (т. е. суффиксы, характерные для каждого рода), однако такие способы не универсальны, так что в конце концов род надо приписывать извне.

На этом кончается анализ морфологического уровня. Следует отметить разнообразие средств и диапазон уровней, которые пришлось использовать. Может быть, в какой-то степени это объясняется чрезвычайно малой (особенно в сравнении с другими балканскими языками) разрешающей способностью артикля.

Синтаксический уровень

На синтаксическом уровне происходит распознавание основных логико-синтаксических единиц речи, т. е. субъекта, прямого и косвенного объекта, атрибута и адверба. Эти единицы могут выражаться либо существительным с предлогом, либо существительным без предлога. Порядок слов, окружение, выбор конкретного предлога, местоименная реприза, информация, заключенная в глаголе-предикате, — таковы формальные средства, применяющиеся при анализе.

Первым шагом в распознавании является разделение сфер употребления существительного с предлогом и без предлога (табл. 3).

Существительное без предлога может быть в предложении субъектом *очите* (Subj.) и *бяха големи*, прямым объектом *отвори вратата* (Obj. dir.) и адвербом *тази седмица* (Adv.) *не му казвай*. К этому надо добавить аппозицию (*профессор Стойков*), куда включаются случаи типа *чаша вода* (аппозиция при обозначениях количества и меры), и употребление существитель-

³ См. о формах А. существительного и артикля, например: А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940; Он же. Състояние на българска граматика. София, 1947. Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949; Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956 и др.

ного без предлога в роли именной части составного сказуемого. Основной задачей является разрешение нейтрализации между субъектом и прямым объектом.

1) Самым общим приемом является порядок слов: $^4 S_1 + V. + S_2 \rightarrow \text{Subj.} + \text{Praed.} + \text{Obj. dir.}$, например: *човек (Subj.) пише писмо (Obj dir.)*.

2) Если во фразе такого типа порядок слов инверсионный и на первом месте стоит прямой объект, то после него ставится краткая форма личного местоимения в винительном падеже, т. е. применяется местоименная реприза: $S_1 + \text{Pron. Dir.} + V. + S_2 \rightarrow \text{Obj. dir.} + \text{Praed.} + \text{Subj.}$, например: *Севастияца (Obj. dir.) я (Pron. Dir.) бо-леше глава (Subj.)*.

Оба эти правила, во-первых, не являются совершенно обя-зательными, во-вторых, суще-ственны в основном для тех слу-чаев, когда в предложении есть по крайней мере два существ-

ительных без предлога, разделенных предикатом. Надо рассмотреть следующие случаи: 1) в предложении есть только одно существительное: *яде круша — расте круша*; 2) существительные не разделены предикатом: *тая градина софийската на-род нарича просто «Животните»*;

3) в предложении с инверсионным порядком слов нет местоименной репризы⁵.

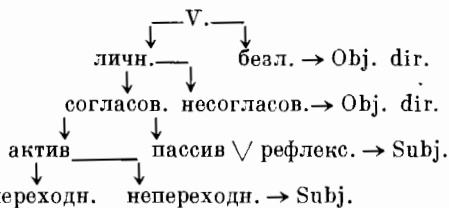
Т а б л и ц а 3

Граммемы синтакс. уровня	Способ выражения
Subj.	S. s. Praep.
Obj. dir.	
Adv.	S. s. Praep. $\vee$ c. Praep.
Atr.	S. c. Praep.
Obj. obl.	

⁴ Из ярко выраженного аналитизма болгарского языка как будто бы должна вытекать важность роли порядка слов при конструировании фразы. Однако при том, что порядок слов типа «субъект—предикат—объект» считается нормой, вариации, обусловленные как грамматическими (например, инверсия при вопросе), так и содержательными (например, логическое ударение) причинами, создают большое разнообразие конструкций. Они весьма подробно описаны в работе: К. Кърджиева. Строеж на българска реч. Изв. ИБЕ, V, VII, 1957. См. также: К. Попов. Съвремен български език. Синтаксис. София, 1962.

⁵ Грамматисты расходятся во мнениях относительно обязательности местоименной репризы при инверсии. Так, Ю. С. Маслов считает репризу обязательной (указ. соч.), Л. Андрейчин — лишь распространенной (указ. соч.). К. Попов («Съвремен български език»), не утверждая обязательности репризы, приводит примеры ее появления независимо от инверсии: *остава ги тие писма* (см. также: К. Попов. Стилино-граматична употреба на удвоеното допълнение в българския книжовен език. — Изв. ИБЕ, VIII, 1962). Интересно, что некоторые ученые нерегулярность репризы объясняют влиянием русского языка (см.: И. Русек. По въпроса за хронологията на удвояване на допълненията в българския език. — БЕ, XIII, 1963, № 2).

Для всех этих случаев следует обращаться к информации, заключенной в предикате, где: существенны личность / неличность; согласованность / несогласованность с анализируемым существительным; переходность / непереходность; рефлексивность / нерефлексивность; пассив / актив. Разрешающую способность предиката можно представить в виде следующего дерева:

Читается: если во фразе S.+V. употреблен безличный глагол, то существительное является прямым объектом; если употреблен личный непереходный глагол, то существительное является субъектом и т. д. Таким образом, субъект нельзя отличить от объекта в тех случаях, когда употреблен глагол переходный, личный в активе и согласованный с существительным (см. выше *тая градина*...). В подобных ситуациях анализ должен переходить на семантический уровень, с большим или меньшим использованием контекста, так как, например, два существительных, стоящих рядом и не разделенных предикатом, могут на синтаксическом уровне принимать следующие значения:

- 1) $S_1 + S_2 \rightarrow \text{Subj.} + \text{Subj.} \vee \text{Obj. dir.} + \text{Obj. dir.}$, например *лея Пенка* (апозоция);
- 2) $S_1 + S_2 \rightarrow \text{Subj.} + \text{Obj. dir.} \vee \text{Obj. dir.} + \text{Subj.}$, например *тая градина жители*...

Эти трудности, с легкостью снимаемые на содержательном уровне, не могут быть преодолены узко формальными средствами. Существительные, выступающие в роли адвербов, можно считать перешедшими в категорию наречия и соответственно рассматривать их в другом разделе (тем более, что их сравнительно немного и они могут быть только обстоятельствами времени и количества).

Существительное с предлогом может быть в предложении атрибутом, косвенным объектом и адвербом. Если последний выражается сочетанием существительного с любым предлогом⁶

⁶ Атрибут и косвенный объект могут конструироваться и с помощью других предлогов (*от, за* и т. д.). Там предлог не нейтрален, а придает конструкции некоторые семантические оттенки. О грамматичности предлога *на* как формального показателя падежных отношений см.: С. Бояджиев. Употребата на предлога *на* в българския книжовен език. — Изв. ИБЕ, I, 1952; Е. В. Чешко. Падежи и предлоги в современном болгарском языке. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.

(что в данной работе не будет специально рассматриваться), значение которого определяется видом обстоятельства, то для выражения атрибута и косвенного объекта существует фиксированная конструкция: сочетание существительного с предложением *на*: *книгата на баща* (Attr.) *ми*; *той каза на майка* (Obj. obl.) *си*. Употребление предлога *на* создает нейтрализацию между атрибутом, косвенным объектом и адвербом, так как *на* помимо всего прочего может иметь много других значений, в частности местное: *в същия миг на вратата* (Adv.) *се показа раздавачът*.

Средством различения косвенного объекта и адверба является местоименная реприза:

$V. + \text{Проп. Obl.} + S_1 + \text{на} + S_2 \rightarrow \text{Praed.} + \text{Obj. dir.} + \text{Obj. obl.}$, например, *дадох му тая книга на момчето* (Obj. obl.).

Нейтрализация атрибута и косвенного объекта частично разрешается с помощью окружения:

$V. + \text{на} + S. \rightarrow \text{Obj. obl.}$, например *дадох на човек* (Obj. obl.), так как существительное с предлогом *на*, стоящее непосредственно после глагола, не может быть атрибутом.

Нейтрализация, разрешимая только на содержательном уровне, возникает в синтагме типа $S. + \text{на} + S.$, где второй член трактуется либо как атрибут, либо как косвенный объект, например *песен на славей* (Attr.) и *хвала на славей* (Obj. obl.). Анализ осуществляется средствами семантического уровня с привлечением контекста и ситуации.

СИНТЕЗ

Синтез на морфологическом уровне, начинающийся по условию с исходной формы, состоит в образовании множественного числа, т. е. IV, V и VI сочетаний граммем. Кроме того, для небольшой группы существительных мужского рода синтезируется факультативная граммема I-а и для всех существительных мужского рода с исходной формой на $-\#$ — форма счетного множественного. Задача заключается в том, чтобы возможно более полно использовать ресурсы самого слова. В словаре дается только исходная форма⁷, о которой известно, что это единственное число, и для которой требуется определить род, чтобы считать граммемы I, II, III синтезированными полностью.

Только флексия № 5 (*-и*) однозначно определяет I сочетание граммем. В остальных случаях для определения рода нужны дополнительные средства. Для определения рода используются:

⁷ В отличие от новогреческого языка, где при синтезе необходимо указывать род, или от румынского, где род и флексия являются функциями друг от друга и потому одно из них обязательно указывается в словаре, в болгарском языке род не столь существен при образовании множественного числа.

1. Форма артикля. I → № 1 + *-ът/-ят*, например *орел-#-ът*, *кон-#-ят* (Sing. m); II → № 1 + *-та*, например *вечер-та* (Sing. f).

2. Форма прилагательного (членность/нечленность несущественна, см. выше). I → № 2 ∨ № 3 ∨ № 4 ∨ № 5 + *-#(-ият)*, например *стар-#(-ият) бащ-а*, *дяд-о*, *аташ-е*, *чорбаджи-я* (Sing. m); II → № 2 ∨ № 3 + *-а(-та)*, например *стар-а(-та) майк-а*, *Над-я* (Sing. f); III → № 4 ∨ № 5 + *-о(-то)*, например *голем-о(-то) сел-о*, *пол-е* (Sing. n).

Приводимая ниже таблица образования множественного числа показывает, что основным препятствием для синтеза является синонимия флексий⁸.

Таблица 4

Образование множественного числа в болгарском языке

Pl.							
Sing.	№ 6 -и	№ 7 -ове/-еве	№ 8 -ов/-евци	№ 9 -ия	№ 10 (-е)-та	№ 2 -а	№ 3 -я
№ 1 -#	m ∨ f	m	m			m	m
№ 2 -а	m ∨ f						
№ 3 -я	m ∨ f						
№ 4 -е				n	n		n
№ 5 -о			m		n	n	
№ 6 -и			m				

Однако существуют разного рода возможности для однозначного выбора флексии. Прежде всего указываются случаи, когда для выбора флексии множественного числа достаточны сведения, заключенные во флексии исходной формы: IV ∨ V (№ 2 ∨ № 3) → № 6, т. е. для синтеза форм IV и V сочетаний граммем при исходной форме на *-а/-я* выбирается флексия *-и*, например *бащ-а* — *бащ-и*, *земл-я* — *земл-и* (так как род определен в единственном числе, нейтрализация по роду считается разрешенной). IV (№ 6) → № 8, например *Георг-и* — *Георг-евци*.

Затем приводятся случаи, где существенны сведения о роде: IV (№ 5, m) → № 8, например *Марк-о* — *Марк-овци*; V (№ 1, f) → № 6, например *кост-#* — *кост-и*; VI (№ 5, n) → № 2, например *сел-о* — *сел-а*; VI (№ 4, n) → № 3 ∨ № 10, например *пол-е* —

⁸ Здесь не учитываются редкие и непродуктивные способы образования множественного числа, например множественное число на *-е* от существительных мужского и женского рода (*царе*, *ръце*) и т. п.

пол-я; агн-е — агн-е-та; IV (№ 1, m) → № 2 √ № 3, например *стол-#-а*, *кон-#-я* (счетное множественное)⁹.

Случаи, в которых, кроме знания рода, требуются дополнительные сведения.

1. Односложность / многосложность. IV (№ 1 m многосл.) → № 6, например *орел-# — орл-и*; IV (№ 1 m односл.) → № 7, например *клуб-# — клуб-ове*¹⁰.

2. Собственность / нарицательность. IV (№ 1 m appell.) → № 8, например *Иван-# — Иван-овци*.

3. Исход основы. VI (n -не) → № 9, например *виден-е — виден-ия*.

В остальных случаях проще прибегать к спискам либо словным, либо указывающим исход основы в пределах двух-трех букв (т. е. суффиксы). Списки приходится использовать при синтезе VI сочетания граммем с помощью флексии № 10 при исходной форме существительного на -о или -е (*дърво — дърв-ета*, *яден-е — яден-ета*). Кроме того, при образовании множественного числа следует учитывать некоторые графические изменения — беглость гласных (*театър — театри*, *орел — орли*) и чередования согласных (*ученик — ученици* и т. д.). Этим заканчивается синтез на морфологическом уровне.

На синтаксическом уровне предполагается синтезировать субъект, прямой и косвенный объект и атрибут.

Наибольшую трудность представляет синтез субъекта во фразе типа «субъект — предикат» чисто формальными средствами (эта трудность исчезает, если привлечь содержательный уровень). Подтверждается принятое в анализе ограничение относительно существительных, выступающих в роли адвербов; синтезировать субъект становится возможным при выборе в качестве предиката пассивного, непереходного или рефлексивного глагола: Subj. + Praed. → S. + V. pass. √ reflex. √ intrans., например *врмето лети*.

Для синтеза прямого объекта во фразе типа «предикат — прямой объект» можно сочетать существительное либо с глаголом 1—2-го лица, либо с безличным или неопределенно-личным глаголом; при инверсии можно применить местоименную репризу: Praed. + Obj. dir. → V. impers. √ 1—2-е лицо + S., например *план нямаме още*.

Для синтеза косвенного объекта применяется конструкция «на + существительное + местоименная реприза»; последняя нужна для того, чтобы отделить грамматическое значение предлога *на* от прочих значений (локальных, временных и т. д.) и снять

⁹ Выбор между счетной формой и обычным множественным производится на синтаксическом уровне.

¹⁰ Относительно небольшую группу существительных, образующих множественное число с помощью флексии -и, а не -ове/-еве, следует дать списком.

нейтрализацию с атрибутом: Praed. + Obj. obl. → Pron. Obl. + V. + +na + S., например *той му каза на Ивана* (Obj. obl.). Взаимное положение существительного и глагола в этих случаях несущественно.

Для синтеза атрибута используется конструкция «на + существительное» (здесь может происходить нейтрализация с косвенным объектом, так что только обращение к содержанию снимает двусмысленность): Atr. → S. + na + S., например *писмото на девойка*. Частный случай синтеза атрибута — аппозиция при существительных со значением количества (G. generis), например *чаша вода*, где надо прибегать к содержательному уровню.

Таким образом, был произведен синтез отдельных синтагм. Сочетая их друг с другом, можно синтезировать некоторую общую фразу, так чтобы в нее входили все указанные логико-синтаксические единицы (порядок слов относительно свободен): Subj. + Atr. + Praed. + Obj. dir. + Obj. obl. → S₁ + na + S₂ + Pron. Obl. + +Pron. Dir. + V + S'. + na + S''¹¹, например *майката на Ивана му ги купи дрежите на детето*. Эта фраза достаточно искусственна; при прямом порядке слов реприза плеонастична и практически не употребляется. Здесь сконцентрированы все синтаксические средства, применяющиеся для того, чтобы при почти полном отсутствии морфологического разнообразия форм однозначно выделить указанные логико-синтаксические единицы. С другой стороны, фраза составлена так, чтобы подчеркнуть двусмысленность, снимаемую только на содержательном уровне и состоящую в нейтрализации косвенного объекта и атрибута: *мать Ивана* (Atr.) или *мать Ивану* (Obj. obl.), *одежда ребенка* (Atr.) или *одежда ребенку* (Obj. obl.).

На синтаксическом уровне осуществляется выбор формы обычного или счетного множественного от существительных мужского рода с исходной формой на -#: счетная форма выбирается в тех случаях, когда перед существительным стоит количественное числительное или неопределенное местоимение.

Болгарский язык представляет особый интерес, выделяясь среди остальных балканских не только скудостью морфологического уровня, но и отсутствием обязательных формальных средств для распознавания и синтеза на синтаксическом уровне: крайне свободный порядок слов, факультативность, а подчас и нежелательность репризы¹², необычайно разветвленное употребление предлога *на*, среди множества содержательных оттенков которого затушевывается его грамматическое значение, — все это делает анализ и синтез практически почти невозможным без привлечения содержательного уровня.

¹¹ Конструкция, выведенная Э. Голомбом для македонского языка; о ней подробно см. в разделе «Диалекты».

¹² См.: Л. Андрейчин. Указ. соч.

В последнее время в состав БЯС включается македонский язык¹³, сравнительно недавно получивший официальное признание своей самостоятельности (при том, что формирование литературного языка — процесс, продолжающийся под активным влиянием носителей языка). Полный анализ/синтез македонского языка был бы здесь нецелесообразен, так как он в большой степени дублировал бы соответствующее описание для болгарского. Поэтому сочтено возможным ограничиться общим обзором, особо отметив точки расхождения. На таком уровне рассмотрения фиксируются лишь некоторые детали, отличающие македонский язык от болгарского. Набор флексий (см. табл. 5)¹⁴ почти совпадает с болгарским, образование множественного числа тоже аналогично болгарскому (табл. 6).

Таблица 5

Распределение флексий в македонском языке *

Флексия	Sing.				Pl.		
	m		f	n	m	f	n
	I	I-a	II	III	IV	V	VI
1. -#	+		+				
2. -а [a]	+	+	+		+		+
3. -о [o]	+			+			
4. -е [e]	+			+			
5. -и [i]					+	+	
6. -о(в)-и/-е(в)-и [ovi/evi]					+		
7. -иња [in'a]							+
8. -је [je]					+		
9. -ци [ci]					+		

* 9 флексий образуют 17 словоформ.

¹³ См. об этом, например: Z. G o ĺ a b. Some Arumanian-Macedonian isogrammatisms and the social background of their development. «Word», XV, 1959, № 3.

¹⁴ См. такие грамматики, как: Н. Г. Лунт. Grammar of the Macedonian literary language. Скопје, 1952; К. Кепески. Македонска граматика. Скопје, 1950; Б. Конески. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1952 (I), 1954 (II); В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-руски речник. М., 1963 (грамматический очерк) и др.

Образование множественного числа в македонском языке

Pl.						
Sing.	№ 2 -a	№ 3 -и	№ 6 -ов/-ев-и	№ 7 -иња	№ 8 -је	№ 9 (-ов/-ев)-ци
№ 1 -#	m	m ∨ f	m		m	m
№ 2 -a		m ∨ f				
№ 3 -o	n					m
№ 4 -e				n		m

Различия проявляются в следующем:

1. Более распространена категория собирательного множественного на *-je* от существительных мужского и женского рода.

2. Артикль, оставаясь постпозитивным, приобретает три степени определенности (*-ov, -ot, -on*) и большую нейтрализацию, так как совпадают формы n Sing. и собирательного множественного (*-o, -to, -no*).

3. Пожалуй, более часто, чем в болгарском, атрибут конструируется с помощью предлога *od* (аналогия с румынским), так как этот предлог в большей степени ослабил свое лексическое значение¹⁵. Кроме того, в македонском языке существует возможность выражать G. object. аппозицией (*вода пиене*)¹⁶.

4. Отличие македонского от болгарского на синтаксическом уровне (рассматривается простое предложение) заключается в более широком использовании местоименной репризы. По нормам литературного языка реприза считается обязательной независимо от положения во фразе прямого и косвенного объекта¹⁷.

¹⁵ Употребление *od* при конструировании атрибута не означает ослабление этой функции у предлога *na*, так же как и в болгарском, обладающего разнообразными значениями. См.: Б. Корубин. Употребата и значењата на предлогот *na* во современниот македонски јазик. — Мак. јаз., V, 1954, № 1. — Поэтому важно провести различия между употреблением *na* и *od* при атрибуте. См. об этом: Р. Угринова. За употребата на предлогот *na*. — Мак. јаз., I, 1950, № 7; Т. И. Димитровски. Значења и употреба на предловите во македонскиот литературен јазик. Скопје, 1956. — Автор считает, что употребление *od* в possessивной функции в литературном языке ограничено общим аблативным значением данного предлога.

¹⁶ Т. И. Димитровски. Указ. соч. — Хотя такая конструкция более свойственна говорам.

¹⁷ Пропуск местоименной репризы считается отклонением от литературной нормы. См.: Р. Угринова. За јазикот на в. «Нова Македонија». — Мак. јаз., I, 1950, № 4; Б. Конески. За надежите. — Мак. јаз., I,

Широко распространено и употребление кратких форм личных местоимений в поссессивной функции¹⁸. Регулярное применение репризы является действенным средством, облегчающим анализ и синтез на синтаксическом уровне. Правда, возможности ее ограничены, скажем, если субъект и прямой объект совпадают по числу и роду, обойтись без содержательного уровня практически невозможно.

БОЛГАРСКИЕ И МАКЕДОНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

При рассмотрении диалектов за эталон принимается литературный язык. Описание ведется с точки зрения процессов анализа и синтеза. Нецелесообразно, а во многих случаях и невозможно из-за отсутствия данных давать варианты анализа и синтеза в полном объеме для каждого диалекта, так как по большей части это было бы повторением соответствующих описаний литературного языка. Поэтому более разумным представляется выделять только точки расхождения, чтобы затем расположить литературный язык и диалекты в признаковом пространстве. Сравнение предполагается проводить в двух направлениях, отдельно сопоставляя материальный набор (т. е. набор и распределение флексий, возможность синтеза формы множественного числа по единственному) и набор граммем (появление новых и исчезновение прежних). Пожалуй, целесообразнее начать описание с перечисления граммем, так как материальный набор в какой-то степени является функцией от них — появление или исчезновение граммем вызывает появление, исчезновение или иное распределение флексий.

Набор граммем

В литературном языке существительное как правило характеризуется сочетанием двух граммем — рода и числа: отступление от этого представляет небольшая группа существительных мужского рода со значением лица (в основном имена собственные), форма которых в единственном числе представляет сочетание трех граммем: рода, числа и падежа (хотя последний и факультативен, см. выше). Кроме того, для существительных мужского рода с исходной формой на *-#* существует особая форма множественного числа — счетное множественное. Следует

1950, № 7. Автор указывает, что конструкция «на + существительное» в роли косвенного объекта очень редко употребляется без местоименной репризы, так что выражение *кажас на човек* (без *му*) необычно для литературного языка.

¹⁸ Правда, краткие формы личных местоимений в поссессивной функции употребляются как правило при терминах родства. См.: Б. Конески. Редот на зборовите во нашиот јазик. — Мак. јав. I, 1950, № 7.

выяснить, как отражен этот набор в диалектах (граммема рода исключается из рассмотрения, так как здесь литературный язык и диалекты практически совпадают).

Расхождение с литературным языком проявляется в употреблении формы счетного множественного. В принципе эта граммема свойственна подавляющему большинству диалектов; однако в целом ряде из них она встречается редко и может заменяться формой обычного множественного¹⁹. В некоторых диалектах граммема счетного множественного вообще отсутствует (западные болгарские, например белослатинский)²⁰. С другой стороны, в диалектах гораздо шире по сравнению с литературным языком (правда, болгарским, а не македонским) распространены формы собирательного множественного, так что в каком-то смысле можно говорить о нем как о новой граммеме, свойственной некоторым диалектам: собирательное множественное²¹ обладает собственным набором флексий (иногда отдельно для каждого рода) и кроме того существует независимо от обычного множественного. Собирательное множественное встречается в ряде болгарских диалектов: северо-восточных (флексия *-а*), юго-восточных, например балканских (флексии *-ура*, *-тия* в мужском роде, *-уни* в женском)²², во фракийских (флексия *-је*)²³, в западных (флексия *-тия*, например, в софийском, моравском; *-ниа* в орханийском)²⁴; в некоторых северных и западных македонских (флексия *-је*)²⁵ и т. д. Особенностью формы собирательного множественного является то, что относящиеся к ней согласованные определения или глагол могут принимать форму единственного числа²⁶. Поэтому (например, во фракий-

¹⁹ Так, замена счетной формы обычным множественным широко распространена в юго-восточных болгарских говорах на границе с Грецией и Турцией (в частности, рупско-родопские, фракийско-грудовские, малкотырновские), см.: «Болгарский диалектологический атлас» (в печати).

²⁰ См.: С. Стойков. Българска диалектология. София, 1962.

²¹ Собирательное множественное как грамматическая, а не лексико-семантическая категория существует в болгарском литературном языке, пожалуй, только для собственных имен существительных мужского рода (в виде флексии *-овци/-евци*).

²² О северо-восточных см.: L. Miletic. Das Ostbulgarische. Wien, 1903; Г. Попиванов. Особенности на шуменския говор. — Сб. БАН XXXIV, 1940; о юго-восточных см., например: К. Стойчев. Тетевенски говор. София, 1915; С. Б. Бернштейн и др. Отчет о диалектологической экспедиции в болгарское село Суворово летом 1951 года. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», 3, 1953 и т. д.

²³ См.: Г. Попиванов. Софийският говор. София, 1940; Г. Иванов. Орханийският говор. София, 1930.

²⁴ См.: Х. Кодов. Език на тракийските българи. София, 1935.

²⁵ См.: А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918; В. Видоески. Северните македонски говори. — Мак. јаз., V, 1954, № 2; А. Поповски. Реќанскиот говор. — Мак. јаз., X, 1959.

²⁶ Подобное явление происходит, в частности, в софийском говоре, см.: Г. Попиванов. Софийският говор.

ских говорах) от формы собирательного множественного, осмысливаемой как единственное, образуется вторичное множественное.

Из других особенностей интересно отметить неразличение единственного и множественного числа у существительных и прилагательных женского рода с исходной формой на *-a* в говоре села Высока (солунские македонские говоры)²⁷.

Наибольшие расхождения с литературным языком состоят в том, что диалекты сохраняют значительные остатки склонения²⁸, при этом категория падежа распространена менее ограничено.

Правда, существуют диалекты, не сохранившие формы общего косвенного падежа (*A.*)²⁹ вообще или употребляющие ее только в единичных случаях (это — характерная черта западноболгарских говоров; отмечено также и для части восточноболгарских, например подбалканского, сливенского, загорского, и для некоторых восточномакедонских — эгейская и пиринская Македония — диалектов)³⁰.

Диалекты, обладающие граммемой общего косвенного падежа, можно разбить на две группы, соответственно категориям существительных, на которые распространяется *A.*: диалекты, в которых *A.* охватывает личные и отчасти неодушевленные существительные мужского рода, и диалекты, в которых граммемой *A.* обладают личные существительные мужского и женского рода. В первую группу входит ряд рупских говоров (например, севернофракийский, родопские, в частности смолянский)³¹, мизийских (в их числе — главный предстатель мизийских шуменский), балканских (котленский, загорский) и значительное число северных и западных македонских говоров (на-

²⁷ См.: M. Małeck i. *Drobiazgi z Macedonji*. «Lud słowiański», III, 1933.

²⁸ Граммема падежа приписывается диалекту в том случае, когда падеж употребляется регулярно, захватывая класс слов, а не отдельные формы, имеющие скорее адвербиальное значение. Поэтому инструментальный и местный падежи не рассматриваются.

²⁹ Падеж считается *A.* по его функции во фразе, а не по происхождению; поэтому *G.* специально не рассматривается, так как по функции он соответствует именно общему косвенному падежу (*A.*).

³⁰ См. например: С. Стойков. Указ. соч.; Он же. Странджанский говор. — БЕ, VII, 1957, № 3; Г. Попиванов. Софийский говор; Г. Иванов. Указ. соч.; К. Стойчев. Указ. соч.; Ц. Тодоров. Говорът на град Лом. София, 1930; Г. Горев. Странджанский говор. «Българска диалектология», I, 1962; Б. Видоески. Основни диалектни групи во Македонија. — Мак. јаз., XI—XII, 1960—1961, № 1—2; Он же. Македонските диалекти во светлината на лингвистичката географија. — Мак. јаз. XIII—XIV, 1962—1963, № 1—2.

³¹ См.: L. Miletić. *Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache*. Wien, 1912; С. К а б а с а н о в. Говорът на село Момчиловци, Смолянско. — Изв. ИБЕ, IV, 1956.

пример, неготинский, поречкий, реканский и т. д.)³². Граммема А. у существительных мужского и женского рода сохраняется во фракийских диалектах, в ловечско-троянско-габровском, неврокопском³³, тимочско-моравском³⁴, в ряде северо-западных и переходных западных (трынские)³⁵ и в македонских диалектах (скопско-черногорских, кумановском, овчепольском, южноморавском)³⁶. О конкретных способах выражения противопоставления, а также об употреблении А. будет сказано ниже.

Неизвестная литературному языку граммема дательного падежа (D.), несомненно, присуща диалектам³⁷. Выражение D. с помощью флексии сосуществует в диалектах с аналитическим выражением D., регулярно охватывает единственное число существительных мужского и женского рода и сохраняет некоторые следы во множественном числе (например, ахырчелебийский диалект)³⁸. Ограничением, налагаемым на граммему D., является то, что ею, как и А., обладают преимущественно существительные личные, в основном имена собственные и термины родства.

Так, широко употребляется синтетический D. наряду с аналитическими конструкциями в ряде северо-западных болгарских говоров³⁹; прочнее других косвенных падежей он сохранился в единственном и во множественном числе в ряде юго-западных, в тетевенском, орханийском, во фракийских диалектах, где в некоторых селах конструкция «на + А.» фиксируется как редкая, в родопских⁴⁰ и пирдопских, в части македонских говоров⁴¹ и др. С другой стороны, некоторые диалекты либо уте-

³² См.: А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929; Б. Видоески. Поречкиот говор. Скопје, 1950; И. Филиповски. Неготинскиот говор. Скопје, 1952.

³³ См.: К. Мирчев. Неврокопскиот говор. София, 1936.

³⁴ См.: Т. Павлов. Българи в Моравско и Тимошко. София, 1931.

³⁵ См.: Ц. Тодоров. Северозападните български говори. София, 1936; А. Теодоров-Балан. Западните български говори. — ПС, XIX—XX. — Интересное явление отмечено в белослатинском диалекте, где А. сохраняется у существительных женского рода, у терминов родства мужского рода, если они сопровождаются определением, и почти не встречается при собственных именах. См.: К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. — Изв. ИБЕ, IV, 1956.

³⁶ Б. Видоески. Северните македонски говори; А. М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. Казань, 1918; Т. Малевиќ. Забелешки за овчепольскиот говор. — Мак. јаз., III, 1952, № 8—9.

³⁷ Б. Цонев. История на българский язык, II, София, 1919—1937.

³⁸ См.: Л. Милетиќ. Старото склонение в днешните български говори. — Сб. НУ, II, 1896.

³⁹ Ц. Тодоров. Северозападните български говори.

⁴⁰ Х. Кодов. Указ. соч.; см. также: L. Miletic. Über Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel. Wien, 1897.

⁴¹ Б. Видоески. Северните македонски говори; Он же. Белешки за говорот на селата Мелница и Горно Врановци во Велешко. — Мак. јаз., II, 1951, № 9—10; Он же. Поречкиот говор; Он же. Говорот и топонимјата на кичевските села от Тајмишката група. — Мак. јаз., IX, 1958, № 1—2; Он же. Македонските дијалекти во светлината на лингви-

ряли D. вообще, либо сохранили его только в отдельных, застывших формах (софийский, ломский диалекты, группа северо-восточных, некоторые скопско-черногорские). Аналитическое или синтетическое выражение D. является важной чертой, различающей западные и восточные македонские говоры.

Граммемы падежей в диалектах распространяются на артикль (и отчасти прилагательное) таким образом, что либо флексии существительного дублируются артиклем, либо артикль присоединяется к общей форме существительного (см. *pira d'a-tuhi* в ахырчелебийском). Что касается других особенностей, необходимо отметить разветвление граммемы определенности (при 3-степенной определенности члена) — в родонских (например, смолянском, хвойненском, ахырчелебийском), трынском и в македонских диалектах, например реканском, дебарском, черногорском, поречском, маломариовском⁴², и различие прилагательными во множественном числе либо всех трех родов⁴³, либо противопоставление мужского и женского среднему⁴⁴. Данные диалектов дают возможность говорить о категории членного склонения существительных и прилагательных, развитой в такой степени, что падеж может выражаться и флексией существительного или прилагательного, и формой артикля.

Заслуживает внимания состояние склонения в говоре села Тихомир, представляющем собой разновидность среднеродопского диалекта, отличаясь от него большей архаичностью. Если верить описанию этого говора, данному С. Кабасановым, здесь сохранены формы родительного, винительного, дательного и местного падежей, причем все они могут охватывать единственное и множественное число существительных трех родов, в том числе неодушевленных; склонение захватывает прилагательное, артикль, не говоря о системе местоимений⁴⁵.

стичката географија; П. Михайлов. Градскиот дебарски говор. Скопје, 1954; А. Поповски. Указ. соч.; F. Sławski. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962 (архаичные южномакедонские диалекты).

⁴² См.: М. Конеска. Мариовскиот говор. Скопје, 1951; С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко. Классификация юго-восточных говоров Болгарии. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», XII, 1963, № 4. — В некоторых западных говорах отмечена двойная членная форма мужского рода (-co, -ce). См.: Б. Симеонов. Членна форма -co, -ce в западни български говори. — БЕ, 1962, № 5.

⁴³ Белоградско-трынский говор и говор некоторых кюстендилских сел — Pl. m -u; Pl. f -e; Pl. n -a. См.: Ц. Тодоров. Северозападните български говори.

⁴⁴ В реканском говоре. См.: А. Поповски. Указ. соч.

⁴⁵ С. Кабасанов. Един старинен български говор. София, 1963. — Правда, другие исследователи отмечают в этом говоре регулярное противопоставление только именительного и общего косвенного падежа. См.: Г. П. Клепикова. К истории некоторых именных и глагольных форм в болгарском языке (по материалам говора с. Тихомир, округ Кырджали). — КСИС АН СССР, 38, 1963.

В итоге следует сказать, что диалекты не представляют никаких различий в роде по сравнению с литературным языком, отличаются от него большей свободой употребления счетного множественного и более широким в грамматическом смысле распространением собирательного множественного; в большинстве диалектов категорией общего косвенного падежа обладают более обширные группы существительных; к этому прибавляется наличие граммы дательного падежа; граммы падежа свойственны и артиклю, так что можно говорить о существовании членного склонения существительных и прилагательных. В ряде диалектов артикль, кроме того, обладает тремя степенями определенности, а прилагательное может частично или полностью разрешить нейтрализацию по роду во множественном числе. Однако существуют и диалекты, сохранившие падежи только на уровне отдельных форм, т. е. по степени аналитизма приблизительно равные литературному языку.

Набор формальных показателей

Сравнение флексий существительного в диалектах и в литературном языке позволяет выделить некоторый общий фонд, который в основном будет вполне соответствовать набору флексий болгарского литературного (см. табл. 1) и македонского литературного (см. табл. 5) языков (фонетические варианты не учитываются).

Для получения полного списка диалектных флексий к вышеперечисленным следует добавить флексии собирательного множественного (см. выше), некоторые другие более или менее редкие флексии множественного числа (например, *-ики* для существительных среднего рода в ряде скопско-черногорских диалектов) и, кроме того, флексии А. и Д.

1. Для А.: *-ъ* от существительных с исходной формой на *-а* (например, ловечско-трынско-габровский, фракийский, неврокопский, белослатинский)⁴⁶, *-те*, *-(e)та* от существительных мужского рода с исходной формой на *-о* или *-е* (например, поречский, галичский, некоторые кумановско-кратовские и скопско-черногорские)⁴⁷; *-у* от существительных женского рода (например, ряд северо-западных болгарских и скопско-черногорские).

⁴⁶ См.: Х. Кодов. Указ. соч.; К. Мирчев. Неврокопският говор; К. Попов. Говорът на с. Габаре, Белослатинско; Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. — Изв. ИБЕ, IV, 1956; Б. Цонев. За источнобългарски вокализъм. — Сб. НУ, IV.

⁴⁷ Б. Видоески. Поречкиот говор; Он же. Северните македонски говори; Он же. Кон разграничуването на полошките говори. «Зборник за филологију и лингвистику», IV—V, 1961—1962; Р. Угринова. Говорите в Скопско. Скопје, 1951; А. Белић. Галички дијалекат. Београд, 1935.

2. Для D.: Sing. *-y* — от существительных мужского рода (например, во фракийских, родопских, в тетевенском, орханийском, в поречском, дебарском, одном из велеских, реканском, кичевском); *-ту* — от существительных мужского рода (например, реканский, кичевский); *-ти* — от существительных мужского рода (например, дунничский, каменичский)⁴⁸; *-е* — от существительных мужского рода с исходной формой на *-о* (отмечено в говоре сел Мелница и Горне Врановци и в галичском диалекте). D. Pl. *-ем* [*-äm*] — в ахырчелебийском.

К этому надо присоединить еще и иное распределение уже известных флексий, а именно: употребление флексий *-е* и *-и* в D. Sing. f (северо-западные болгарские, тетевенский, фракийский, скопско-черногорские, поречский, дебарский, реканский, один из велеских) и (что важно для синтеза) расширенное употребление флексии *-е* для множественного числа существительных мужского и женского рода в таких размерах и в таких случаях, которых литературный язык не знает (в тетевенском *-е* во множественном числе имеют все суффиксальные существительные мужского рода, во вратничском, белградско-трынском говоре множественное число на *-е* образуют все существительные женского рода. Регулярно образуют множественное число на *-е* существительные с исходной формой на *-а* в говоре села Жировница (обл. Тетова) и в других юго-восточных македонских говорах)⁴⁹. Образование множественного числа на *-е* от многосложных существительных мужского рода существует, например, в кюстендилском, ломском, неврокопском, пирдопских, мизийских, мариовском говорах; вообще флексия *-е* во множественном числе широко распространена в северо-западных болгарских говорах и находит более ограниченное применение в восточноболгарских, хотя и встречается в юго-восточных, пограничных с Грецией и Турцией.

В целом для диалектов отмечается некоторое количество новых флексий, из которых одна (*-y*) нейтрализует в себе D. Sing. m и A. Sing. f; новая нагрузка на флексии *-е* и *-и*, выражающие D. Sing. f, и расширенное употребление флексии *-е* во множественном числе.

Следует упомянуть и о формах артикля — это важно потому, что в диалектах есть членное склонение. В данной работе не перечисляются все конкретные формы артикля, достаточно под-

⁴⁸ С. Стойков. Българска диалектология. — В поречском, реканском диалекте, в говорах кичевских сел, кроме того, отмечен D. на *-е* от существительных мужского рода с исходной формой на *-о*: *tatkoje* (см. перечисленные выше работы).

⁴⁹ Кроме уже указанных работ, см.: М. Д. Петрушевски. Неколку прти на говорот од Жировница. — Мак. јаз. II, 1951, № 3—4; Б. Видоески. Кон разграничуването на положките говори; «Болгарский диалектологический атлас» (в печати).

робно описанные, а лишь указываются наиболее важные противопоставления и виды нейтрализации в его склонении. Поэтому не обязательно описывать каждую из разновидностей трехстепенного артикля, так как они тождественны по количеству форм.

В единственном числе артикль сохраняет противопоставление по родам и добавляет новые формы — общего косвенного и дательного падежей (о чем уже говорилось в разделе «Набор граммем»). Во множественном числе для ряда диалектов существует одна форма для всех родов (в основном в восточных, например, бевровском, котелско-еленско-дряновском, ловечско-трынско-габровском, сливенском).

В некоторых говорах существительные с флексией *-e* во множественном числе принимают артикль в форме *-то*. Так происходит, в частности, в диалектах, где флексия *-e* обладает максимальным распространением (см. выше). Помимо этой нейтрализации в диалектах, в которых в силу фонетических особенностей артикль терлет конечный согласный, происходит нейтрализация между членным и нечленным склонением: на морфологическом уровне не распознаются формы *m* √ *f* Sing. s. Art. и *m*. Sing. c. Art. (мизийские, балканские западнорупские, некоторые северо- и юго-западные болгарские говоры и т. п.).

Далее мы попытаемся рассмотреть изложенное выше по отношению к анализу и синтезу. Более высокая флективность (проще говоря, существование A. √ Cas. Obl. gen. и D.) облегчает распознавание, происходящее тем самым на морфологическом уровне. Немало способствует этому членное склонение и снятие нейтрализации по роду во множественном числе с помощью флексий прилагательного. Членное склонение в косвенных падежах может разрешать нейтрализацию флексий существительных (например, *-y* — D. Sing. m. √ A. Sing. f).

Трудно сказать что-либо определенное в отношении синтеза, так как увеличение количества флексий может затруднить эту процедуру из-за соответственного возрастания их синонимии — в этом случае необходимо выработать правила присоединения каждой конкретной флексии. Что касается диалектов, то правила присоединения флексии косвенных падежей единственного числа будут простыми (отчасти благодаря тому, что соответствующие случаи достаточно подробно описаны); очевидно, трудности, аналогичные литературному языку, возникнут при синтезировании форм множественного числа.

Не следует забывать, что более высокая степень флективности касается только некоторых групп существительных (преимущественно личных существительных мужского и женского рода в единственном числе), в целом же диалекты сохраняют аналитический строй.

Распознавание основных синтаксических единиц — субъекта,

прямого и косвенного объекта и атрибута — в литературном языке производится на синтаксическом уровне, где формальными средствами их различения являются порядок слов и местоименная реприза. Оба эти средства, как уже было сказано, факультативны (только в македонском литературном языке реприза считается обязательной, см. выше), поэтому основная тяжесть распознавания ложится на содержательный уровень.

В синтаксическом отношении диалекты представляют собой достаточно разнообразную картину. Большая по сравнению с литературным языком часть при распознавании может принадлежать морфологическому уровню. Так, хотя для выражения косвенного объекта в диалектах существует та же конструкция, что и в литературном языке, т. е. «*на* + S. Cas. Obj. gen», он может быть выражен и с помощью соответствующей падежной формы (правда, синтетическое выражение D. захватывает только некоторые группы существительных мужского и женского рода). К этому присоединяется большая разрешающая способность артикля: он может иметь формы A. и D. (в данном случае имеется в виду именно винительный падеж).

Однако на синтаксическом уровне большое разнообразие конструкций для выражения косвенного объекта и атрибута, более свободный порядок слов уменьшают разрешающую силу синтаксических средств и в конце концов еще в большей степени отсылают к содержательному уровню⁵⁰.

1. Субъект. Несмотря на чрезвычайно свободный порядок слов и для диалектов остается в силе конструкция «Subj. — Praed. — Obj.», из которой выводятся или к которой сводятся остальные конструкции. Дополнительным формальным средством выражения, неизвестным литературному языку, является местоименная реприза, что имеет место, например, в странджанском диалекте (*той нашто куче не закаче*), изредка в шуменском (*той като умр'ал башта му*)⁵¹.

2. Прямой объект может выражаться формой общего косвенного падежа или (в членном склонении) формой A. и, кроме того (для существительных одушевленных в ряде македонских

⁵⁰ О свободе и разнообразии порядка слов в диалектах см. например: С. Младенов. *Език на тракийските и малоазийските българи*. София, 1936; Г. Попиванов. *Софийският говор*. — Интерес представляет разрыв предикатом определения и определяемого слова (*нашата е мома малка*), происходящий во фракийских говорах, или отмечаемая в некоторых западных говорах мена местами прямого и косвенного объекта: *окнаме на детето мак'а му* вместо *извикахме майката на детето*. Распространено перенесение несогласованного определения на первое место, например на *свекоро майка му*. См.: И. Умленски. Някои синтактични особености на кюстендилския говор. — Изв. ИБЕ, VIII, 1962; Г. Попиванов. Говорите в Севлиево, Троянско и Тетевенско. «Българска диалектология», I, 1962.

⁵¹ См.: Г. Горев. Указ. соч.; Г. Попиванов. Особенности на шуменския говор.

говоров), — сочетанием предлога *на* и общей формы⁵². Последнее создает нейтрализацию прямого и косвенного объекта и атрибута.

Существенное отклонение наблюдается в говорах некоторых сел Черногории, где для выражения прямого объекта употребляется только исходная форма (*по работ-у*, *по имам сестр-а*), что создает дополнительный случай нейтрализации с субъектом.

Помимо порядка слов (см. конструкцию, приведенную выше) распознаванию *Obj. dir.* помогает местоименная реприза, встречающаяся в подавляющем большинстве говоров, но в то же время при более или менее широком распространении остающаяся факультативной⁵³. Универсальным средством распознавания все-таки остаются содержание и контекст.

3. Косвенный объект. При косвенном объекте, выраженном либо синтетически, либо конструкцией с предлогом *на*, чрезвычайно широко используется местоименная реприза, что является действенным средством распознавания, если принять во внимание многочисленные значения предлога *на* в болгарском и македонском языках и диалектах. Кроме того, местоименная реприза снимает нейтрализацию прямого и косвенного объекта в тех случаях, когда они оба конструируются с предлогом *на* или синтетически без предлога⁵⁴. Способы применения краткой местоименной формы для выражения прямого и косвенного объекта детально изложены в работах З. Голомба⁵⁵. Несмотря на то, что его статьи посвящены специально македонским говорам (они написаны в основном на материале работы М. Малэцкого о двух македонских говорах⁵⁶), их выводы вполне применимы и к прочим диалектам, лишь с незначительными изменениями и отклонениями. З. Голомб выводит следующую схему некоторой общей фразы, где учтены местоименные репризы и фиксирован их порядок: $S. — o_2 o_1 — P. — O_1 O_2$ (т. е. *Subj. — реприза Obj. obl. — реприза Obj. dir. — Praed. — Obj. dir. — Obj. obl.*). Существенным является именно порядок местоименных форм, так как при наличии репризы положение *S.* и o_1 , а тем более o_2 (которое в диалектах вообще имеет тенденцию занимать

⁵² Южномакедонские говоры (Кулакия), некоторые солунские, дебарский, реканский. См., кроме уже указанных работ: З. Голомб. Два македонски говора на Сухо и Висока в Солунско. — *Макед. јаз.*, XI—XII, 1960—1961, № 1—2.

⁵³ Или применяемая при определенных условиях, например при членной форме существительного (*ти го видоше момчето*). См.: А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931.

⁵⁴ Говоры с остатками склонения и нейтрализацией *D. Sing. m* и *A. Sing. f* на *-у*.

⁵⁵ З. Голомб. Указ. соч.; Он же. *Funkcja syntaktyczna proklytyki zaimkowej w gwarach macedońskich*. «*Lingua posnaniensis*», IV, 1953.

⁵⁶ М. Маџеќки. *Dwie gwary macedońskie*. Kraków, 1936.

первое место⁵⁷⁾ относительно Р. и друг друга безразлично. Правда, реприза А. различает субъект и прямой объект только в том случае, когда они отличаются по роду, так что даже при обязательности репризы ее разрешающая возможность ограничена.

4. А т р и б у т. Выражение принадлежности (в более широком смысле функции не только поссессива, но и вообще G.) в диалектах передано в основном конструкцией «*на + S. Gas. Obl. gen.*», которая различается с косвенным объектом формально только по окружению (см. «Анализ»). Помимо этого существуют и некоторые другие конструкции: а) атрибут может выражаться синтетической формой (*Милану Бојговому мајка му*), что существенно отметить как балканистическую черту — переход к D. функции G.⁵⁸⁾; б) атрибут конструируется с помощью предлога «*от (од) + S. Gas. Obl. gen.*», что отчасти наблюдается и в литературном варианте, регулярно распространено в значительной части македонских говоров (в частности, реканский, поречский) и трактуется как влияние других балканских языков; в) атрибут (в значении Gen. object.) может выражаться аппозицией, т. е. вообще без предлога, что имеет место в македонском литературном языке, отмечено в мариовском диалекте (*вода лејене*) и в некоторых рупских говорах (*утваодна страна бел Дунав*)⁵⁹⁾.

Чрезвычайно распространена местоименная реприза при атрибуте (она, например, обязательна в орханйском диалекте, ломском, неврокопском и др.). Интересное явление отмечено в шуменском говоре: *един чилак умр'ала жена му*, где реприза является единственным средством выражения атрибутивности⁶⁰⁾. Описывая местоименную репризу для южномакедонских говоров (*на сар'и мајка ти*), Э. Голомб видит здесь кальку с турецкого, отмечая, что подобная конструкция неизвестна в других балканских языках, но нормальна для турецкого⁶¹⁾.

Таковы наиболее общие, свойственные диалектам особенности в области синтаксиса. Именно они представляют наибольший интерес с точки зрения общепалканистических процессов. Три синтетические падежные формы (N., A. √ Gas. Obl. gen., D.) не встречаются в других балканских языках. Новые по сравнению с литературным языком флексии взяты в большинстве из славян-

⁵⁷⁾ См. об этом: Б. Цонев. Указ. соч., III.

⁵⁸⁾ Помимо скопско-черногорских говоров, это явление отмечено и в одном болгарском говоре на территории Македонии. См.: Л. Милетич. Най-стариният днес български говор в Македония. — Мак. преглед, XI, 1938, № 1—2.

⁵⁹⁾ М. Конеска. Указ. соч.; Б. Цонев. Указ. соч., III.

⁶⁰⁾ Аналогия с одним румынским говором, описанным Гамильшегом (см. «Румынский язык», стр. 131).

⁶¹⁾ Этому посвящена его статья «The influence of Turkish upon the Macedonian Slavonic dialects» («Folia Orientalia», I, 1959, № 1).

ского материала. Артикль постпозитивен; он обладает большей разрешающей силой благодаря падежным формам, что существенно, если принять во внимание свойство грамматичности артикля в балканских языках; правда, в значительной степени форма артикля только повторяет информацию, заключенную во флексии существительного. Синтаксис же предлагает интересный материал для выявления балканизмов — прямой объект с предлогом *на*, атрибут с предлогом *от*, разветвленная местоименная реприза, в частности при атрибуте, — все эти существенные черты проявляются в основном в македонских диалектах, в особенности в южных и западных, что необходимо будет отметить впоследствии при определении большей или меньшей степени балканизации отдельных языков и диалектов.

Глава II

СЕРБСКО-ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК

Существуют разные точки зрения, является ли сербско-хорватский язык членом БЯС. Выбранные для данной работы критерии требуют рассмотрения в составе БЯС сербско-хорватского литературного языка (хотя и описанного не с такой степенью подробности).

Сербско-хорватское существительное характеризуется сочетанием граммем рода (m, f, n) числа (Sing., Pl.)¹, падежа (N., G., D., A., I., L.)² и одушевленности (anim, inanim.). Последняя затрагивает только единственное число существительных мужского рода и выражается в разных типах нейтральности: N.—A. (inanim.); G.—A. (anim.).

Всего насчитывается 36 сочетаний граммем:

I N. Sing. m	XIII N. Sing. n	XXV N. Pl. f
II G. Sing. m	XIV G. Sing. n	XXVI G. Pl. f
III D. Sing. m	XV D. Sing. n	XXVII D. Pl. f
IV A. Sing. m	XVI A. Sing. n	XXVIII A. Pl. f
V I. Sing. m	XVII I. Sing. n	XXIX I. Pl. f
VI L. Sing. m	XVIII L. Sing. n	XXX L. Pl. f
VII N. Sing. f	XIX N. Pl. m	XXXI N. Pl. n
VIII G. Sing. f	XX G. Pl. m	XXXII G. Pl. n
IX D. Sing. f	XXI D. Pl. m	XXXIII D. Pl. n
X A. Sing. f	XXII A. Pl. m	XXXIV A. Pl. n
XI I. Sing. f	XXIII I. Pl. m	XXXV I. Pl. n
XII L. Sing. f	XXIV L. Pl. m	XXXVI L. Pl. n

¹ Dualis — не более, чем остаточное явление — исключается из рассмотрения.

² В соответствии с некоторой традицией список включает 36 сочетаний граммем, что оправдано при более подробной фонеморфологической записи. Поэтому сохранены самостоятельные граммемы D. и L., хотя строго формально они различаются только изменением интонации корневого гласного в отдельных группах существительных (типа *rad, stvar*). Для собственно типологических целей вполне можно исходить из системы, содержащей 28 сочетаний граммем (объединив D. и L.), что является наименьшим количеством сочетаний граммем в склонении всех флективных славянских языков.

Распределение флексий в серб

Флексия **	Sing.															
	m						f						n			
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI
	N.	G.	D.	A.	I.	L.	N.	G.	D.	A.	I.	L.	N.	G.	D.	A.
1. -#	+			+			+			+						
2. -a		+		+			+							+		
3. -u			+			+				+					+	
4. -om					+						+					
5. -ov/-ev-i																
6. -ov/-ev-e																
7. -ov/-ev-(i)ma																
8. -o	+												+			+
9. -e	+							+					+			+
10. -em					+											
11. -ama																
12. -ov/-ev-a																
13. -i								+	+			+				
14. -ju											+					
15. -ima																

* 15 флексий образуют 56 словоформ.

** В существительных типа *rosa* флексией считается -#, так как -o — лишь граф

сво-хорватском языке *

Sing.			Pl.																		
n			m						f						n						
XVII	XVIII		XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV	XXXV	XXXVI	
I.	L.		N.	G.	D.	A.	I.	L.	N.	G.	D.	A.	I.	L.	N.	G.	D.	A.	I.	L.	
				+						+						+	+		+		
	+																				
+																					
			+																		
						+															
					+		+	+													
							+		+			+									
+																					
											+		+	+							
				+																	
			+						+	+		+									
						+		+	+									+		+	+

чешский вариант согласного -l

Эти 36 сочетаний граммем (см. табл. 7) обслуживаются 15 флексиями, образующими 56 словоформ. Число сочетаний граммем приблизительно в два с половиной раза превышает число флексий, что свидетельствует о высокой степени нейтрализации в склонении (рассматриваются основные типы).

Виды нейтрализации

Нейтрализация по падежу

1) № 7 → XXI ∨ XXIII ∨ XXIV, например *rad-ovita*, *muž-ovita* (D. ∨ I. ∨ L. Pl. m);

2) № 11 → XXVII ∨ XXIX ∨ XXX, например *žen-ama* (D. ∨ I. ∨ L. Pl. f).

Нейтрализация по роду и падежу

1) № 1 → I ∨ IV ∨ VII ∨ X, например *rad-#* (N. ∨ A. Sing. m), *stvar-#* (N. ∨ A. Sing. f);

2) № 4 → V ∨ XI ∨ XVII, например *post-om* (I. Sing. m), *žen-om* (I. Sing. f), *sel-om* (I. Sing. n);

3) № 8 → I ∨ XIII ∨ XVI, например *Mark-o* (N. Sing. m), *sel-o* (N. ∨ A. Sing. n);

4) № 10 → V ∨ XVII, например *muž-em* (I. Sing. m), *polj-em* (I. Sing. n);

5) № 3 → III ∨ VI ∨ X ∨ XV ∨ XVIII, например *rad-u* (D. ∨ L. Sing. m), *žen-u* (A. Sing. f), *sel-u* (D. ∨ L. Sing. n);

6) № 15 → XXI ∨ XXIII ∨ XXIV ∨ XXXIII ∨ XXXV ∨ XXXVI, например *tomc-ima* (D. ∨ I. ∨ L. Pl. m), *sel-ima* (D. ∨ I. ∨ L. Pl. m).

Нейтрализация по роду, числу и падежу

1) № 2 → II ∨ IV ∨ VII ∨ XIV ∨ XX ∨ XXVI ∨ XXXI ∨ XXXII ∨ XXXIV, например *muž-a* (G. ∨ A. Sing. ∨ G. Pl. m), *žen-a* (N. Sing. ∨ G. Pl. f), *sel-a* (G. Sing. ∨ N. ∨ G. ∨ A. Pl. n);

2) № 9 → I ∨ VIII ∨ XIII ∨ XVI ∨ XIX ∨ XXV ∨ XXVIII, например, *Miloj-e* (N. sing. m), *žen-e* (G. Sing. ∨ N. ∨ A. Pl. f.), *mladič-e* (A. Pl. m.), *polj-e* (N ∨ A. Sing. n);

3) № 13 → VIII ∨ IX ∨ XII ∨ XIX ∨ XXV ∨ XXVI ∨ XXVIII, например *stvar-i* (I. ∨ D. ∨ L. Sing. ∨ N. ∨ G. ∨ A. Pl. f), *tomc-i* (N. Pl. m).

Одно сочетание граммем обслуживается не более чем двумя флексиями. Одна флексия может обслуживать от одного до девяти сочетаний граммем.

Средствами для анализа на морфологическом уровне выбраны: флексия существительного, флексия прилагательного в определенной форме и некоторые фономорфологические данные, а именно, изменение интонации, когда оно касается флексии (изменение акцента в самом слове не принимается во внимание, так как это явление типа *rād-u* — D. Sing., *rād-u* — L. Sing. охватывает только отдельные группы существительных)³.

I шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного.

- 1) № 5 → XIX, например *rad-ovi*, *muž-evi*;
- 2) № 6 → XXII, например *rad-ove*, *muž-eve*;
- 3) № 12 → XX, например *rad-ova*, *muž-eva*;
- 4) № 14 → XI, например *stvar-ju*.

I шаг определяет 4 граммемы и 4 словоформы из 56. Определению подлежат 52 словоформы.

I-a шаг. Определение производится по фономорфологическим (акцентологическим) изменениям флексии⁴.

- 1) № 2 (-ā) → XX ∨ XXVI ∨ XXXII, например *tomak-ā* (G. Pl. m), *žen-ā* (G. Pl. f), *sel-ā* (G. Pl. n);
- 2) № 9 (-ē) → VIII, например *žen-ē* (G. Sing. f);
- 3) № 4 (-ōm) → XI, например *žen-ōm* (I. Sing. f).

I-a шаг полностью определяет 2 граммемы и 2 словосочетания из 52 оставшихся и отделяет G. Pl. m, f и n, от G. Sing. m и n, N. Sing. f и N. — A. Pl. n. Определению подлежат 50 словоформ.

II-a шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и флексии определенной формы прилагательного.

Однозначное определение сочетания граммем происходит в ограниченном числе случаев:

- 1) № 1 + -a → VII, например *pametn-a stvar-#*;
- 2) № 1 + -u → X, например *pametn-u stvar-#*;
- 3) № 3 + -u → X, например *mlad-u žen-u*;
- 4) № 4 + -om → XI, например *mlad-om žen-om*;
- 5) № 5 + -i → XIX, например *mlad-i posl-ovi*;
- 6) № 6 + -e → XXII, например *mlad-e posl-ove*;
- 7) № 8 + -i → I, например *mlad-i Mark-o*;
- 8) № 9 + -i → I, например *mlad-i Miloje-*;
- 9) № 12 + -ih → XX, например *mlad ih posl-ova*;

³ См. обобщающую работу М. Станича о типах склонения в сербско-хорватском языке: M. Stanić. Tipovi imeničkih deklinacija našeg jezika. — Rad JAZU, 278, 1949.

⁴ Для этих случаев надо прибегать к более точной фономорфологической транскрипции.

- 10) № 13+*-i* → XIX, например *mlad-i momci-i*;
- 11) № 13+*-e* → VIII, например *pametn-e stvar-i*;
- 12) № 14+*-om* → XI, например *pametn-om stvar-ju*;
- 13) № 13+*-ih* → XXVI, например *pametn-ih stvar-i*.

По шагу I и Ia разрешены случаи 5, 6, 9, 12, так что в конце концов шаг II определяет 7 сочетаний граммем и 9 словоформ из 50 оставшихся. Неопределенной остается 41 словоформа. Итак, считающаяся развитой система именного склонения сама по себе обладает малой разрешающей способностью.

Оставшиеся пучки нейтрализации касаются главным образом нейтрализации по падежу или по роду и падежу и лишь в двух случаях (для флексий № 9 и № 12 при сочетаниях граммем VIII, XXV, XXVIII) захватывают число.

Анализ завершается на синтаксическом уровне. Средствами для анализа выбираются порядок слов и сочетание существительного с предлогами. Собственно порядок слов используется в ограниченных пределах⁵. Он может служить лишь для различения субъекта и прямого объекта (т. е. N. и A.) и то не универсально, так как порядок «Subj. — Praed. — Obj. dir.» не является обязательным. В зависимости от логических, стилистических и других оттенков могут происходить всякого рода перемещения. Поэтому значение порядка слов в общем невелико, так что в большинстве случаев приходится обращаться к содержательному уровню⁶.

Достаточно эффективным является метод исключения: если во фразе имеются две словоформы, одна из которых однозначно определяется как N. (или A.), а вторая нейтрализует в себе N. и A., то первая, несомненно, является субъектом (тогда вторая — прямой объект), или первая — прямой объект (тогда вторая — субъект). Существенны также сведения, заключенные в глаголе (переходность / непереходность, рефлексивность / нереплексивность и т. п. см. ранее); надо специально отметить глагольное управление, так как оно используется как один из способов разрешения нейтрализации косвенных падежей (особенно важно различие D.—I.—L.). Другим формальным средством различения падежей является употребление предло-

⁵ Об относительно свободном порядке слов в сербско-хорватском языке см., например: T. Magetić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963; A. Leskin. Grammatik der serbo-kroatischen Sprache. Heidelberg, 1914; A. Meillet, A. Vailant. Grammaire de la langue serbo-croate. Paris, 1952. — Говоря о свободном порядке слов, в данном случае мы имеем в виду нефиксированное положение основных логико-синтаксических единиц относительно предиката и относительно друг друга.

⁶ В сербско-хорватском языке нет, в отличие от румынского, болгарского, македонского и албанского, местоименной репризы, которая могла бы однозначно определять A. или D.

гов: падеж определяется по сочетанию флексии с определенным предлогом. Нейтрализация предложного управления⁷ как правило не совпадает с нейтрализацией в именном склонении. (Нейтрализация предлогов: А.—I., А.—L., G.—I., G.—L., G.—A.—I., G.—A.—L.; соответствующая нейтрализация имени в парадигме: D.—L., D.—I.—L.). Так, если по предлогу *s(a)* нельзя однозначно определить падеж — это может быть либо G., либо I, а в существительном флексии G. и I. могут нейтрализоваться с другими падежами, то сочетание флексии существительного и предлога обеспечивает верное распознавание, например *sa stran-e* (G), *sa sestr-ama* (I.).

Правда, у существительных одушевленных мужского рода отмечена нейтрализация G.—A., что в сочетании с соответствующими предлогами может создать формальные затруднения (например, *u srb-a i hrvat-a*), но это легко разрешается на содержательном уровне. В склонении существительных *f* на *-#* в Sing. есть и нейтрализация G.—D. (*stvar-i*), но она разрешается на морфологическом уровне с помощью флексии прилагательного.

В итоге следует снова подчеркнуть, что из-за малой распознающей силы средств морфологического и синтаксического уровней значительная часть анализа должна осуществляться на содержательном уровне.

СИНТЕЗ

Как и анализ, синтез сербско-хорватского литературного языка касается главным образом морфологического уровня; о синтаксическом уровне будут высказаны лишь некоторые соображения.

Уже говорилось, что одному сочетанию граммем может соответствовать до двух флексий. Поэтому основная трудность будет состоять в правильном выборе флексии, соответствующей данной исходной форме. Реально речь идет в основном о существительных мужского рода с основой на *-#*, которые во флексиях множественного числа могут принимать или не принимать формант *-ov / -ev*, и о существительных женского рода, которые используют разный набор флексий в зависимости от окончания *-a* или *-#* в исходной форме (N. Sing.).

В первом случае для правильного выбора флексии привлекаются некоторые дополнительные сведения (например, количество слогов: многосложные существительные образуют мно-

⁷ Подробное перечисление предлогов см., например: А. Белич. Падежная система и происхождение предлогов. — *ЈФ*, XII, 1958; М. Ивић. Систем предложких конструкција у српскохрватском језику. — *ЈФ*, XII, 1958. См. также удобное для практических целей описание предлогов в недавней грамматике Франчица (V. Frančić. *Gramatyka jezyka serbo-chorwackiego*. Warszawa, 1963).

жественное число без форманта *-ov / -ev*)⁸: Затруднения, возникающие при выборе варианта флексии с *-ov-* или *-ev-* (в зависимости от твердости или мягкости последнего согласного основы), снимаются с помощью несложных правил на фономорфологическом уровне. При синтезе необходимо учитывать и некоторые графические изменения: беглость гласного *-a-*, чередование согласных *k, g, h* в положении перед *-i*, мену *-l-* и *-o-* в склонении слов типа *posao — posla* (правила, изложенные в любой грамматике, здесь из соображений экономии места не приводятся).

Синтез на морфологическом уровне полностью показан на табл. 8.

При исходной форме сообщается род (таким образом, далее нейтрализация по роду снимается), а для существительных мужского рода на *-#*, кроме того, одушевленность и неодушевленность (в таблице специально не указанная) и количество слогов (в таблице обозначено как «односложность / многосложность»).

Таблица читается следующим образом: для синтеза I сочетания грамем существительных мужского рода на *-#* выбирается флексия № 1 в сочетании с формой прилагательного на *-i*, например *mład-i jelen-#* (1-я — 2-я строки; количество слогов в единственном числе несущественно). Для синтеза XIX сочетания грамем односложных существительных мужского рода на *-#* выбирается флексия № 5, например *rad-cvi* (1-я строка). Для синтеза XI сочетания грамем существительных женского рода на *-a* выбирается флексия № 4 с циркумфлексной интонацией, например *žen-ōm* (5-я строка) и т. д.

Звездочкой отмечены случаи, в которых на морфологическом уровне не удастся разрешить нейтрализацию по падежу, а при флексиях № 2, № 9 и № 13, кроме того, нейтрализацию по числу (последнее автоматически снимается разрешением нейтрализации по падежу). Дальнейшее различение падежей должно происходить на синтаксическом уровне. Достаточно простым средством будет при этом сочетание с предлогами (например, *k + № 3 ∨ № 13 ∨ № 7 ∨ № 11 ∨ № 15 → D.*, например *k jat-u, k sestr-i* т. д.). Этот способ, естественно, не применяется при синтезе N. (так как нецелесообразно пользоваться критерием несочетаемости с предлогом). Поэтому для синтеза N., очевидно, придется конструировать некоторые фразы типа «Subj.—Praed», где субъект определяется по свойствам предиката (рефлексивность, непереходность и т. д.).

Синтез грамем существительного в литературном языке по степени трудности приблизительно равен анализу или, может

⁸ Более подробно об образовании Pl. см., например: Брабец, Hrašte Živković. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika (Zagreb. 1961), а также уже упоминавшиеся грамматики.

Синтез сербско-хорватского существительного (морфологический уровень)

Исходная форма **	I	II	III	ЛI	Λ	IA	IIA	IIIA	XI	X
1. -#, п односложн.	№1 + -i	№2 + -og	№3 + -om *	№1 + -i; №2 + -og *	№4 V; №10 + -im	№3 + -om *				
2. -#, п многосложн.	№1 + -i	№2 + -og	№3 + -om *	№1 + -i; №2 + -og	№4 + -im	№3 + -om *				
3. -o, п	№8 + -i	№2 + -og	№3 + -om *	№2 + -og *	№4 + -im	№3 + -om *				
4. -e, п	№9 + -i	№2 + -og	№3 + -om *	№2 + og *	№10 + -im	№3 + -om *				
5. -a, f							№2 *	№9 (-e)	№13 + -oj *	№3 + -u
6. -#, f							№1 + -a	№13 + -e *	№13 + -oj *	№1 + -u
7. -o, п										
8. -e, п										

* Случаи, которые не могут быть полностью разрешены на морфологическом уровне и где обязательно присутствует нейтрализация.

** «Односложные» — в данном случае условное название для существительных, принимающих в Р1. формант -ov/-ev. «Многосложные» — все остальные.

Таблица 8 (продолжение)

Исходная форма **	IX	IIIX	IIIIX	ЛИХ	ЛХ	ІАХ	IIАХ	IIIАХ	XIX	XX	ІХХ
1. -#, п односложн.									№ 5	№ 12	№ 7 *
2. -#, п многосложн.									№ 13 + -i	№ 2 (-в) *	№ 15 *
3. -о, п									№ 13 + -i	№ 2 (-в) *	№ 15 *
4. -е, п									№ 13 + -i	№ 2 (-в) *	№ 15 *
5. -а, f	№ 4 -ом	№ 13 + -оj *									
6. -#, f	№ 14	№ 13 + -оj *									
7. -о, п		№ 8 + -о *	№ 2 + -ог	№ 3 + -ом *	№ 8 + -о *	№ 4 + -ім	№ 3 + -ом *				
8. -е, п		№ 9 + -о *	№ 2 + -ог	№ 3 + -ом *	№ 9 + -о *	№ 10 + -ім	№ 3 + -ом *				

* Случаи, которые не могут быть полностью разрешены на морфологическом уровне и где обязательно присутствует нейтрализация.

** «Односложные» — в данном случае условное название для существительных, принимающих в Р1. Формант-ов-/ев- «Многосложные» — все остальные.

Таблица 8 (окончание)

Исходная форма **	ИХХ	ИИХХ	ЛИХХ	ЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	ИЛХХ	
1. -#, п односложн.	№ 6	№ 7 *	№ 7 *	№ 7 *																
2. -#, п многосложн.	№ 9 *	№ 15 *	№ 15 *	№ 15 *																
3. -о, п	№ 9 *	№ 15 *	№ 15 *	№ 15 *																
4. -е, п	№ 9 *	№ 15 *	№ 15 *	№ 15 *																
5. -а, ф					№ 9 *	№ 2 (-а) *	№ 11 *	№ 9 *	№ 11 *	№ 11 *	№ 11 *									
6. -#, ф					№ 13 + -е *	№ 13 + -ih	№ 11 *	№ 13 + -е *	№ 11 *	№ 11 *	№ 11 *									
7. -о, п																№ 2 * № 2 (-а) *	№ 15 *	№ 2 *	№ 15 *	№ 15 *
8. -е, п																№ 2 * № 2 (-а) *	№ 15 *	№ 2 *	№ 15 *	№ 15 *

* Случаи, которые не могут быть полностью разрешены на морфологическом уровне и где обязательно присутствует нейтрализация.
 ** «Односложные» — в данном случае условное название для существительных, принимающих в Р. формант-*ов/-ев*. «Многосложные» — все остальные.

быть, в каком-то отношении несколько легче из-за того, что нейтрализация по роду и по числу снимается заранее, а использование предлогов уничтожает затруднения, возникающие при разрешении нейтрализации N.—A., так как в данном случае A. не рассматривается как показатель прямого объекта, а синтезируется только в сочетании с определенным предлогом.

СЕРБСКО-ХОРВАТСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Здесь преимущественное влияние уделяется тем диалектам, которые представляют наибольшие расхождения с литературным языком (в особенности тем, которые расположены на границе с румынской, болгаро-македонской и албанской языковыми областями, т. е. лингвистическими ареалами, бесспорно входящими в сферу действия общепалканистических тенденций). Поэтому, в частности, не будут рассматриваться некоторые островные говоры сербско-хорватского языка (в Адриатике) или изолированные словенские говоры (типа резьянских), в которых сильное отличие имени по степени аналитизма от сербско-хорватского литературного языка объясняется не действием балканистических процессов, а известным разрушением склонения в условиях иноязычного окружения (итальянские, ретороманские, южнонемецкие диалекты с более аналитической структурой именного склонения). В обзор включаются призрено-тимочские южнотравские, метохийско-кововско-ресавские, некоторые черногорские (зета-ловченская группа) и банатские говоры. Основной чертой имени в литературном языке является развитая система склонения. В торлачских диалектах процесс редукции склонения достиг такой степени, что стало возможным говорить об аналитизме⁹. Падение склонения в балканских языках обычно выступает вместе с некоторыми другими явлениями в области морфологии и синтаксиса: увеличением грамматической роли артикля (в данном случае и его возникновением), особой ролью энклитических форм личных местоимений (местоименной репризой) и появлением фиксированных предложных конструкций для аналитического выражения падежей¹⁰. Здесь будет проведена своего рода анкета по четырем основным вопросам, касающимся перечисленных изменений: 1) состояние склонения; 2) наличие/отсутствие артикля; 3) наличие/отсутствие местоименной репризы; 4) предложные конструкции для выражения падежей. Предполагается, что таким образом выделятся не только крайние точки аналитизма, но и некоторые переходные в этом отношении диалекты.

Самую высокую степень аналитизма со всеми вытекающими отсюда (и перечисленными выше) последствиями и соответственно

⁹ P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte, I, 's-Gravenhage, 1958.

¹⁰ А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905.

наибольшую близость с северно-македонскими и западноболгарскими говорами¹¹ обнаруживают диалекты призрено-тимочской зоны, рассмотрение которых здесь базируется на известном труде А. Белича¹².

Эти диалекты (взятые в совокупности) обладают граммемами рода и числа и лишь для некоторых групп (одушевленные существительные мужского рода с исходной формой на -# и все существительные женского рода с исходной формой на -а)¹³ двумя граммемами падежа — N. Sing. — Cas. Obl. gen. Sing. Сочетание указанных граммем обслуживается минимальным набором флексий (табл. 9). В соответствии с этим для указанной группы диалектов выделяются следующие сочетания граммем:

I Sing. m	III Sing. n
1-a A. Sing. m (Cas. Obl. gen.)	IV Pl. m
II Sing. f	V Pl. f
II-a A. Sing. f	VI Pl. n

Таблица 9

Распределение флексий существительного в диалектах южной и восточной Сербии *

Флексия	Sing.					Pl.		
	m		f		n	m	f	n
	I	I ^a	II	II ^a	III	IV	V	VI
1. -#	+		+					
2. -а	+	+	+					+
3. -о					+			
4. -е					+		+	
5. -у		+		+				
6. -и						+		
7. -ов(-е/-и)-ев(-е/-и)						+		
8. -ет(-а/-и)								+

* 9 флексий образуют 14 словоформ.

¹¹ См.: П. И в ић. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956.

¹² А. Белич. Дијалекти источне и јужне Србије.

¹³ Там же.

Нейтрализация, как видно из таблицы, сравнительно невелика. С помощью одной только флексии существительного (I шаг) распознаются следующие сочетания граммем:

- 1) № 3 → III, например *вин-о*;
- 2) № 6 → IV, например *другар-и*;
- 3) № 7 → IV, например *син-ови*, *пут-еви*;
- 4) № 8 → VI, например *јагн-ета*.

I шаг распознает 3 сочетания граммем и 4 словоформы из 14. Остается 10 словоформ.

В тимочско-лужничском и запланском диалектах есть трех-степенный (-*т*, -*ов*, -*он*) постпозитивный артикль, изменяющийся по родам, числам и падежам. Формы артикля обладают достаточной разрешающей способностью и поэтому используются как распознающее средство (II шаг)¹⁴.

Например, флексия № 1 в сочетании с формой артикля -*т/ат* дает I сочетание граммем (Sing. m), *Дунав-#-ат*; в сочетании с формой артикля -*та* — II сочетание граммем (Sing. f), *вечер-#-та* и т. д.

II шаг распознает 6 сочетаний граммем и 6 словоформ из 10 оставшихся. Распознающим средством для оставшихся словоформ выбирается флексия прилагательного, безразлично в членной или нечленной форме (прилагательное претерпело едва ли не большие изменения, чем существительное, так как вместе с утратой падежных окончаний — осталась лишь форма Cas. Obl. gen., причем в мужском роде только для одушевленных — они в большей степени утратили и категорию определенности/неопределенности).

II-а шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и флексии прилагательного.

- 1) № 2 + -# √ -*у* → I, например *гуп-#(у) слуг-а*;
- 2) № 2 + -*а* → II √ VI, например *гол-а земл-а* (II), *гол-а сел-а* (VI);
- 3) № 5 + -*о/е-га* → I-а, например *свет-ега Никол-у*;
- 4) № 5 + -*у* → II-а, например *гол-у земл-у*.

II-а шаг полностью распознает 3 сочетания граммем и 3 словоформы из 5 оставшихся. На морфологическом уровне неразрешима нейтрализация по роду и числу между II и VI сочетанием граммем (на уровне отдельной словоформы она может разрешаться, например, предварительным знанием рода или числа, во фразе — согласованием по числу с глаголом и т. д.)

На синтаксическом уровне следует рассмотреть выражение

¹⁴ Интересно упомянуть о членном употреблении указательного местоимения *т* - в некоторых диалектах, территориально удаленных от рассматриваемых; см.: I. Jedvaj. Bednjanski govor. HDZ, I, 1956; N. Majnarić. Jedno rovtarsko narjecje u Gorskom Kotaru. — JФ, XVIII, 1938/39.

субъекта, прямого объекта¹⁵, косвенного объекта и атрибута. Конструкцией для выражения последних является сочетание существительного с предлогом *на*¹⁶:

1. *на* + S. Cas. Obl. gen. → Obj. obl. √ Atr.

(дальнейшее различение основано на анализе окружения и некоторых моментов содержательного уровня)¹⁷. Для распознавания косвенного объекта может служить местоименная реприза (которая, однако, встречается довольно редко, например, *му каза тому Стевану; да му кажем Диме*). Местоименная реприза в некоторых случаях может применяться и для распознавания прямого объекта, например *нећу га тога мужа*. Таков в самом общем виде анализ указанных диалектов. Правила синтеза состоят из обратных правил анализа, к которым добавляются некоторые графические изменения и указания способов присоединения флексий № 6 и № 7 для множественного числа в мужском роде (в зависимости от количества слогов в исходной форме) и флексии № 2 и № 8 в среднем роде (в зависимости от исходной формы). В результате можно сказать, что указанные диалекты, дающие положительные ответы на все вопросы «анкеты», максимально удалены от литературного языка. Следует, однако, заметить, что система существительных была взята в самом общем виде (например, не принимались во внимание падежные остатки, формы существительных в сочетании с числительными и т. п.). Кроме того, и в исследовании А. Белича диалекты взяты в достаточно обобщенной форме, в крайней точке своего развития на пути к аналитизму, в то время как в этой группе существуют диалекты, полностью сохранившие систему склонения. Таким является, например, джаковачский диалект, где изменения склонений проявляются лишь в нейтрализации L. Pl. с G. Pl., а не с D¹⁸. Правда, несмотря на сохранение падежной системы, этот диалект проявляет некоторую тенденцию к аналитизму: в нем отмечается, например, частое употребление A. с предлогами, в особенности вместо L. и G.¹⁹, существует местоименная реприза и широко применяется D. Poss. вместо G. *овема децама отъ*²⁰.

¹⁵ Для неодушевленных существительных, так как для остальных это решается на морфологическом уровне.

¹⁶ Л. Милетич отмечает появление в литературном сербско-хорватском языке аналогичной конструкции: *на* + S. A. √ L. → Atr. √ Obj. obl. (*врата на затвору*), см.: Л. Милетич. Към историята на българското аналитично склонение. — Мак. преглед, IX, 1935, № 3—4.

¹⁷ В говорах с остатками синтетического D, он часто используется в посессивном значении.

¹⁸ М. Стевановић. Ђаковачки дијалекат. — СДЗ, XI, 1950.

¹⁹ Там же. Эта особенность характеризует банатские говоры. См.: П. Ивић. О говорима Баната. — ЈФ, XVIII, 1949—1950.

²⁰ М. Стевановић. Указ. соч.

Джаковачский говор во многом сходен с метохийско-косовско-ресавскими, в которых также, при сохранении падежной системы, во множественном числе *L.* нейтрализуется с *G.*, а не с *D.*²¹. В последних наблюдается и ряд черт, свидетельствующих о некоторых тенденциях к аналитизму: употребление беспредложного *A.* вместо *I.* и *L.*, замена *I.* конструкцией *c + A.* Уже упоминалось употребление *D.* вместо *G. poss.* (... *y bogatem trgovcu kuћu*). В территориальном отношении эти особенности проявляются ближе к зоне призрено-тимочских диалектов²².

Особый интерес представляет говор села Чумич, описанный Д. Баряктачевичем²³, географически принадлежащий к шумадийско-воеводинской группе говоров, но при этом обладающий рядом явных балканистических черт, что дало автору основание сближать его с косовско-ресавской диалектной группой. Так, падежная система в этом говоре функционирует в двух видах: один аналогичен литературному языку, другой приближается к аналитическому типу. В аналитическом типе для существительных мужского и женского рода (последние с исходной формой на *-a*) в единственном числе существует кроме *N.* только форма общего падежа: соответственно возникают предложные конструкции, скажем, для *I.* — *c + Cas. Obl. gen.*

Определенный интерес с точки зрения вхождения в балканский союз представляют черногорские (зета-ловченские) диалекты, географическое положение которых (близость к Албании) само по себе свидетельствует о возможностях лингвистической интерференции²⁴. Эти говоры обладают развитой системой склонения, различая столько же падежей, сколько и литературный язык. Однако нельзя не отметить некоторые, хотя и достаточно частные, проявления аналитизма. Так, существительные женского рода с исходной формой на *-a*, являющиеся терминами родства, при сочетании с некоторыми предлогами употребляются в форме *N.* (васоевский говор), например *od баба Маре, с тетка Раком*²⁵. Во множественном числе отмечается иная по сравнению с литературным языком нейтрализация (аналогия с метохийско-косовско-ресавскими диалектами — *L.* совпадает с *G.*, а не с *D.* — *I.*). Особый интерес представляют некоторые синтаксические конструкции, в частности способы выражения посессивности:

1) *od + S. g.* → *Attr.*, например *мјин од Бѳедана* (своего рода контаминация синтетического и аналитического способов выра-

²¹ См.: L. Stojanović. Dialektologische Miscellen aus der Gegend von Vrnici im Kruševacen. Kreise. — *AlslPh.*, XXV, 1903.

²² См.: П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956.

²³ Д. Барјактачевић. Гласовне и морфолошке особине у говору села Чумић. «Зборник за филологију и лингвистику», IV—V, 1961—1962.

²⁴ См. об этом: Р. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte.

²⁵ М. Стевановић. Источноцрногорски дијалекат. — *ЈФ*, XIII, 1933—1934.

жения). Вообще конструкция *od* + S. G. употребляется достаточно часто вместо конструкции S. + Adj. poss., например *неко од Нешка* вместо *неко од Нешковиц*.

2) S_N. + Adj. poss. → Atr., например *кѓзе бѓба Милушине* (конструкция отмечена в васоевском диалекте)²⁶.

В диалектах наблюдается смешение конструкций для выражения направления и места (в обоих случаях употребляется сочетание *на, за, у* + S. A.), расширенное употребление A. вместо D. и L. для личных местоимений²⁷. В кучбратоножских и васоевских говорах зафиксированы редулицированные формы личных местоимений D. и A. Sing. (*мене ми* и т. д.). К сожалению, не удалось выяснить, происходит ли такая редупликация при существительных.

В галипольском диалекте, полностью сохранившем систему склонения, можно отметить лишь появление некоторых аналитических конструкций вместо синтетических, вариации (вернее, неточности) в падежном управлении и плеонастическое употребление энклитической формы местоимения *га* в некоторых выражениях, например *Дѓ је га аскер*²⁸ (нас интересует только реприза при существительном, а не при местоимении). Интересные данные приводятся в недавней работе П. Ивича о сербско-хорватских говорах на юге Баната (говоры Карашова и Свиницы)²⁹, которые настолько изменили структуру, что их стало возможным сравнить с торлачским, или призрено-тимочским, типом, который, как известно, по своему грамматическому строению гораздо ближе к болгарскому и македонскому, чем к сербско-хорватскому языку. П. Ивич предлагает выделить торлачские диалекты в качестве четвертой диалектной зоны сербско-хорватского языка (одним из оснований служит то, что между штокавскими и торлачскими диалектами есть 15 существенных различий, в то время как между штокавскими и чакавскими — 14)³⁰.

В заключение остается повторить распространенную точку зрения, что именно призрено-тимочские диалекты должны рассматриваться в составе БЯС.

²⁶ Там же.

²⁷ M. Małeckі. Gwara czarnogórskich cusców. «Lud słowiański», II, 1931, № 2. — Это также не есть специфическая особенность именно этих говоров — ср. говоры островов, в частности Хвара (I. Ilesić. Nešto o Jelši na Hvaru i o jelsanskom govoru. — ЈФ, XIII, 1933—1934), Корчулы (М. Москвљевић. Говор острова Корчуле. — СДЗ, XI, 1950), относящихся к далматинским чакавским говорам.

²⁸ П. Ивић. О говору галипольских срба. Београд, 1957.

²⁹ P. Ivčić. Les balkanisches naissants dans les parlers serbes du Banat. «Cercetări de lingvistică», III, 1958 (supplement).

³⁰ См. об этом: P. Ivčić. O klasifikaciji srpskohrvatskih dijalekata. «Књижевност и језик», 1963, № 1; см. также: Б. Терзић. Сообщение о IV съезде Союза славистических обществ СФРЮ, Охрид, 24—28. V 1963. — ВЯ, 1964, № 1.

Глава III

НОВОГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

В качестве исходного материала берется фрагмент системы существительного в письменной форме новогреческого языка (димотика): только регулярное склонение, без учета археоклитов, гетероклитов, единичных случаев и т. п., так как они составляют сравнительно небольшой процент, а включение их скорее загромоздило бы описание со стороны количественной, чем вызвало бы введение каких-либо новых приемов.

В литературе нет попыток описания новогреческого существительного методом анализа и синтеза. Между тем этот метод может оказаться эффективным именно для новогреческого существительного, в частности потому, что имеющиеся описания его нельзя считать вполне удовлетворительными, так как применить предлагаемое ими разбиение по типам склонения возможно лишь при наличии заранее составленных списков (например, равносложный и неравносложный тип склонения существительных мужского рода на $-\alpha\varsigma$)¹.

Греческое существительное характеризуется сочетанием трех граммем: рода, числа и падежа. Различаются три рода — мужской (m), женский (f) и средний (n); два числа — единственное (Sing.) и множественное (Pl.) и три падежа — именительный (N.), винительный (A.) и родительный (G.)². Насчитывается восемнадцать разных сочетаний граммем (I—XVIII):

I N. Sing. m	VII N. Sing. n	XIII N. Pl. f
II A. Sing. m	VIII A. Sing. n	XIV A. Pl. f
III G. Sing. m	IX G. Sing. n	XV G. Pl. f
IV N. Sing. f	X N. Pl. m	XVI N. Pl. n
V A. Sing. f	XI A. Pl. m	XVII A. Pl. n
VI G. Sing. f	XII G. Pl. m	XVIII G. Pl. n

¹ О высокой степени нерегулярности новогреческого склонения см.: A. Mirambel. *La langue grecque moderne. Description et analyse*. Paris, 1959; Он же. *Genre et nombre dans la flexion des noms en grec moderne*. — BSLP, 54, 1958, № 1; Он же. *Grammaire du grec moderne*. Paris, 1949; H. Seiler. *Zur Systematik und Entwicklungsgeschichte der griechischen Nominaldeklination*. «Glotta», 1958, № 37.

² Звательная форма как совершенно особая по функции (конативность) единица не рассматривается в системе падежей.

Этим сочетаниям граммем соответствуют 16 флексий (1—16)³, способных образовывать 41 словоформу (табл. 10). При этом наборе флексий: а) одному сочетанию граммем может соответствовать только одна флексия — № 7 для X; № 9 для IX; № 11 для XVIII; б) одному сочетанию граммем может соответствовать несколько (но не более трех) флексий — например № 2 и № 3 для I, № 4, № 5, № 9 для IX и т. д.; в) одной флексией может выражаться несколько (но не более шести) сочетаний граммем, — например, № 1 для II, III, IV, V, VII, VIII; № 8 для X, XI, XIII, XIV; № 5 для IX, XI и т. д.

Следовательно, существуют, с одной стороны, синонимия флексий, затрудняющая процесс синтеза и требующая введения особых правил для выбора соответствующей флексии, и, с другой стороны, нейтрализация граммем, затрудняющая процесс анализа. Поскольку описание устройства новогреческого склонения имени существительного здесь начинается с анализа, существенно помнить обо всех случаях нейтрализации.

Нейтрализация по роду

1) № 4 → III √ IX. Читается: если флексия № 4 (-ου), то это либо III сочетание граммем (G. Sing. m), либо IX сочетание граммем (G. Sing. n), например *χάμπ-ου* (III), *βουν-οῦ* (IX);

2) № 12 → XII √ XV √ XVIII, например *ποιητ-ῶν* (G. Pl. m), *μητέρ-ων* (G. Pl. f), *βουν-ῶν* (G. Pl. n);

3) № 14 → XII √ XV, например *καφέ-δων* (G. Pl. m), *ἀλεπού-δων* (G. Pl. f.).

Нейтрализация по падежу

1) № 6 → XVI √ XVII, например *βουν-ά*, *θέατρ-α* (N. √ A. Pl. n.);

2) № 10 → XVI √ XVII, например *γράμμα-τα*, *κρέα-τα* (N. √ A. Pl. n);

3) № 15 → VII √ VIII, например *βουν-ό*, *θέατρ-ο* (N. √ A. Sing. n);

4) № 16 → XVI √ XVII, например *ἔθνη*, *μέρη* (N. √ A. Pl. n).

Нейтрализация по роду и падежу

1) № 1 → II √ III √ IV √ V √ VII √ VIII, например *πατέρα-#* (A. √ G. Sing. m), *μητέρα-#* (N. √ A. Sing. f); *γράμμα-#* (N. √ A. Sing. n);

2) № 2 → I √ VI √ VII √ VIII, например *πατέρα-ς* (N. Sing. m), *μητέρα-ς* (G. Sing. m), *κρέα-ς* (N. √ A. Sing. n);

3) № 3 → I √ VII √ VIII, например *δάσκαλ-ος* (N. Sing. m), *ἔθν-ος* (N. √ A. Sing. n);

³ Флексией считается часть слова, изменяемая при склонении.

Распределение флексий новогреческого существительного (анализ) *

Флексия	Sing.						Pl.											
	m			f			m			f								
	I N.	II A.	III G.	IV N.	V A.	VI G.	VII N.	VIII A.	IX G.	X N.	XI A.	XII G.	XIII N.	XIV A.	XV G.	XVI N.	XVII A.	XVIII G.
1. -#		+	+		+		+											
2. -ς [s] **	+					+												
3. -ος [os]	+						+											
4. -ου [u]			+					+										
5. -ους [us]									+		+							
6. -α [a]																+		+
7. -οι [i]										+								
8. -ες [es]										+			+					
9. -τοι [tos]																		
10. -τα [ta]																+		+
11. -τω(ν)ε [tone]																		+
12. -ο(ν)ε [one]											+				+			+
13. -δες [des]											+		+		+			
14. -διω(ν)ε [done]																		+
15. -ο [o]													+					
16. -η [i]																		+

* 16 флексий образуют 41 словоформу. Считается, что равносложные существительные m и f имеют две основы: для Sing. — с исходом на гласный (ακέρα-), для Pl. — с исходом на согласный (ακέρ-ες).

** В скобках дается фонетическая транскрипция.

4) № 8 → X ∨ XI ∨ XIII ∨ XIV, например πατέρ-ες (N. ∨ A. Pl. m), μητέρ-ες (N. ∨ A. Pl. f);

5) № 13 → X ∨ XI ∨ XIII ∨ XIV, например καφέ-δες (N. ∨ A. Pl. m), άλεποϋ-δες (N. ∨ A. Pl. f).

Нейтрализация по роду, числу и падежу

1) № 5 → IX ∨ XI, например ἔθν-ους (G. Sing. n), δάσκαλ-ους (A. Pl. m).

Из 13 случаев нейтрализации граммем отмечен лишь один случай нейтрализации по числу. Диалектные данные (см. далее) подтверждают, что число менее всего поддается нейтрализации: при частичном и полном исчезновении падежей или различий между родами сохраняется противопоставление по числу внутри парадигмы одного слова и между парадигмами. Это наблюдение над числом может оказаться полезным при попытке установления иерархии граммем.

Регулярное склонение новогреческого существительного укладывается в следующие три типа парадигм.

I	N.	A.	G.
	N.	A.	G.

Склонение существительных мужского рода с основой на -ο- (δάσκαλ-ος).

II	N.	A. — G.
	N. — A.	G.

Склонение существительных мужского рода с основами на -α-, -η-, -ου-, -ε- (πατέρας, ποιήτης, παππούς, καφές).

III	N. — A.	G.
	N. — A.	G.

Склонение всех существительных женского и среднего рода.

Под типом склонения имеется в виду индивидуальный набор флексий и акцентуационная характеристика, в которую входит передвижение ударения и изменение его вида (т. е. графического изображения) в парадигме, о чем подробнее будет сказано в разделе «Синтез». Тип склонения является функцией от основы, рода, места и характера ударения в исходной форме существительного, которой удобно считать N. Sing. (при выборе между N. Sing и A. Sing.) как сочетание граммем, содержащее наибольшую информацию о других сочетаниях граммем данной парадигмы⁴. Однако эти данные не всегда определяют

⁴ В отличие от древнегреческого, где, очевидно, целесообразно было бы взять в качестве исходной формы G. Sing.

Распределение форм в склонении определенного артикля *

Артикль	Sing.												Pl.						
	m			f			n			m			f			n			
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	
1. ὁ [o]	+																		
2. ἡ [i]				+															
3. τὸ [to]					+														
4. τοῦ [tu]			+						+										
5. τῆς [tis]						+													
6. τὸ(ν) * [ton]		+																	
7. τῆν [tin]								+											
8. οἱ [i]									+										
9. τίς [tis]															+				
10. τοὺς [tus]										+									
11. τὰ [ta]																+			+
12. τῶ(ν) [ton]													+						+

* В А. sing. m и n нейтрализации не происходит, так как регулярной считается форма τῶν, употребляющаяся: 1) всегда, если следующие слова начинаются с гласного или со взрывного; 2) в тех случаях, когда это необходимо для устранения омофонии с N. — А. Sing. n (VII V VIII).

его однозначно. В тех случаях, когда исходная форма не может определить тип склонения, приходится пользоваться всеми возможными дополнительными средствами (о чем будет сказано в «Синтезе»). Среди них практически наиболее удобным является список. Это и используется обычно в нормативных грамматиках. Степень распространения и разрешающая сила каждого показателя, определяющего тип склонения, не установлена с достаточной полнотой и ясностью; это затрудняет корректное описание системы новогреческого существительного. Предполагается, что методы анализа и синтеза могут оказаться полезными для этой цели.

Анализ и синтез ведутся только фономорфологическими средствами. К ним относятся: а) место и вид ударения, б) флексии существительных с учетом характера основы, в) формы артикля (рассматривается только определенный артикль), г) флексии согласованных определений (выраженных прилагательными, местоимениями, порядковыми числительными и причастиями).

Выбранные таким образом способы анализа и синтеза могут содействовать возможно более полному выяснению роли ресурсов самого существительного и проверке грамматичности новогреческого артикля.

Артикль (табл. 11), в формах которого, как и у существительного, пересекаются граммы рода, числа и падежа, в меньшей степени подвержен нейтрализации и почти лишен синонимии (во всяком случае, синонимия не затрудняет или почти не затрудняет синтеза). Нейтрализация отмечается в 5 формах из 12 —

по падежу: 1) $\tau\acute{o}$ → VII √ VIII;

2) $\tau\acute{\alpha}$ → XVI √ XVII;

по роду: 1) $\tau\omicron\delta$ → III √ IX;

2) $\tau\acute{\omega}\nu$ → VII √ XV √ XVIII;

3) $\omicron\iota$ → X √ XIII.

Артикль, обладая устойчивым противопоставлением форм, регулярно, если не плеонастически, употребляясь при существительных (при собственных именах — $\acute{o}$ Σωκράτης, дважды при одном существительном — $\tau\acute{\alpha}$ ἑλληνικά $\tau\acute{\alpha}$ χρώματα и т. д.), играет настолько существенную роль в определении сочетаний граммем, что в каком-то смысле его можно назвать отделившейся флексией⁵.

АНАЛИЗ

Средства: а) набор флексий существительного (см. табл. 10); б) формы артикля (см. табл. 11); в) место и вид ударения; г) флексии согласованного определения.

⁵ См.: A. Mirambel. Morphologie et rôle fonctionnel de l'article dans les parlers néo-helléniques. — BSLP, 1955, 1.

Определение сочетания трех граммем

I шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного.

- 1) № 7 → X, например δάσκαλ-οι, φρουρ-οί (N. Pl. m);
- 2) № 9 → IX, например ὄνομα-τος, χώρα-τος (G. Sing. n);
- 3) № 11 → XVIII, например ὀνομά-των, χωρά-των (G. Pl. n).

I шаг определяет 3 сочетания граммем и 3 словоформы из 41.

II шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме артикля (табл. 12). Читается: если флексия № 1 (-#) и форма артикля τόν, то это II (A. Sing. m) сочетание граммем, например τόν πατέρα-#; если флексия № 1 (-#) и форма артикля ἦ, то это IV (N. Sing. f) сочетание граммем, например ἦ μητέρα-# и т. д.

Таблица 12

Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме артикля

Флексия	Артикль									
	ὁ	τοῦ	τόν	ἡ	τῆς	τήν	τό	οἱ	τούς	τίς
1.-#		III	II	IV		V	VII √ VIII			
2.-ς	I				VI		VII √ VIII			
3.-ος	I						VII √ VIII			
5.-ους		IX							XI	
8.-ες								X √ XIII	XI	XIV
13.-δες								X √ XIII	XI	XIV

Форма артикля τό при флексиях № 1, № 2, № 3 отделяет средний род от несреднего (число определяется флексией, падеж — иными средствами, о чем будет сказано ниже). Форма артикля οἱ при флексиях № 8 и № 13 отличает N. от A. (число определяется флексией, о роде будет сказано специально). II шаг определяет 10 сочетаний граммем и 13 словоформ из оставшихся 38.

III шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного, форме артикля и флексии согласованного определения.

1) № 8 + $\sigma\acute{\iota}$ + $-\sigma\iota$ → X, читается: если выбрана флексия № 8 (-ες), форма артикля $\sigma\acute{\iota}$ и флексия согласованного определения - $\sigma\iota$, то это X (N. Pl. m) сочетание граммем, например $\sigma\acute{\iota}$ φρόνιμ- $\sigma\iota$ πατέρ-ες;

2) № 13 + $\sigma\acute{\iota}$ + $-\sigma\iota$ → X, например $\sigma\acute{\iota}$ φρόνιμ- $\sigma\iota$ μπαρμπά-δες;

3) № 8 + $\sigma\acute{\iota}$ + -ες → XIII, например $\sigma\acute{\iota}$ φρόνιμ-ες μητέρ-ες;

4) № 13 + $\sigma\acute{\iota}$ + -ες → XIII, например $\sigma\acute{\iota}$ φρόνιμ-ες μανά-δες.

III шаг определяет 2 сочетания граммем и 4 словоформы из 25 оставшихся.

Определение сочетания двух граммем

1. Определение сочетания граммем рода и числа, (падеж выбирается из двух возможных)

I шаг. По флексии существительного.

1) № 6 → XVI ∨ XVII, например βουν-ά, παιδι-ά (N. ∨ A. Pl. n);

2) № 10 → XVI ∨ XVII, например κύμα-τα, δεσίμα-τα (N. ∨ A. Pl. n);

3) № 15 → VII ∨ VIII, например βουν-ό, θέατρ-ο (N. ∨ A. Sing. n);

4) № 16 → XVI ∨ XVII, например ἔθν-η, μέρ-η (N. ∨ A. Pl. n).

I шаг частично определяет 4 сочетания граммем и 8 словоформ из оставшихся 21.

II шаг. По флексии существительного и форме артикля.

1) № 1 + $\tau\acute{\omicron}$ → VII ∨ VIII, например $\tau\acute{\omicron}$ παιδί-#, $\tau\acute{\omicron}$ κύμα-# (N. ∨ A. Sing. n);

2) № 2 + $\tau\acute{\omicron}$ → VII ∨ VIII, например $\tau\acute{\omicron}$ κρέα-ς (N. ∨ A. Sing. n);

3) № 3 + $\tau\acute{\omicron}$ → VII ∨ VIII, например $\tau\acute{\omicron}$ ἔθν-ος, $\tau\acute{\omicron}$ μέρ-ος (N. ∨ A. Sing. n).

II шаг частично определяет 2 сочетания граммем и 6 словоформ из оставшихся 13. Во всех этих случаях речь идет о N. и A. среднего рода, где невозможно различение на морфологическом уровне (т. е. по флексиям и форме артикля). Однако существуют вполне регулярные синтаксические способы, снимающие нейтрализацию граммем N. и A. в среднем роде:

1) по предлогу: Pгаер.+S. → A., читается: если существительное сочетается с предлогом, то это A. (почти все предлоги в новогреческом языке требуют A.), например $\sigma\acute{\tau}\acute{\omicron}$ βουνό, μέ $\tau\acute{\omicron}$ παιδί;

2) по порядку слов: S_q (Subj. + Praed. + Obj.) $\rightarrow$ Subj. N. $\vee$ Obj. A., читается: если есть последовательность «субъект—предикат—объект», то субъект стоит в N., а объект в A. (соответствует русскому: *вело задело платье*, например $\tau\acute{o}$ *χορωτίζακι δέν σκεφτότανε αυτό τό στολίδι*).

2. Определение сочетания граммем числа и падежа, (род может быть нейтрализован полностью или частично)

I шаг. По флексии существительного.

1) № 4 $\rightarrow$ III $\vee$ IX, например $\beta\omicron\upsilon\nu\text{-}\omicron\upsilon$ (G. Sing. n), $\delta\alpha\sigma\text{-}\acute{\alpha}\lambda\text{-}\omicron\upsilon$ (G. Sing. m);

2) № 12 $\rightarrow$ XII $\vee$ XV $\vee$ XVIII, например $\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\text{-}\omicron\upsilon\nu$ (G. Pl. m), $\mu\eta\tau\acute{\epsilon}\rho\text{-}\omicron\upsilon\nu$ (G. Pl. f), $\beta\omicron\upsilon\nu\text{-}\acute{\omicron}\nu$ (G. Pl. n);

3) № 14 $\rightarrow$ XII $\vee$ XV, например $\kappa\alpha\phi\acute{\epsilon}\text{-}\delta\omicron\nu\nu$ (G. Pl. m), $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\text{-}\pi\acute{o}\upsilon\text{-}\delta\omicron\nu\nu$ (G. Pl. f).

I шаг определяет неполностью 5 сочетаний граммем и 7 словоформ из оставшихся 7. В частных случаях существует возможность различения рода.

Для № 4: а) если флексии № 4 (- $\omicron\upsilon$) предшествует - ι -, то это — средний род, например $\pi\alpha\iota\delta\text{-}\iota\text{-}\omicron\upsilon$, $\chi\omicron\rho\iota\text{-}\iota\text{-}\omicron\upsilon$ (G. Sing. n); б) по соответствующей форме прилагательного на - $\eta\varsigma$, - α , - $\iota\chi\omicron$.: № 4 $\vdash$ - η $\rightarrow$ III; № 4 $\vdash$ - $\iota\chi\omicron$ $\rightarrow$ IX, например $\zeta\eta\lambda\acute{\iota}\acute{\alpha}\rho\eta$ + S. $\rightarrow$ G. Sing. m; $\zeta\eta\lambda\acute{\iota}\acute{\alpha}\rho\text{-}\iota\chi\omicron\upsilon$ + S. $\rightarrow$ G. Sing. n.

Для № 12: а) pp $\rightarrow$ G. Sing. f (pp — существительное пропарокситонированное), например $\mu\acute{\epsilon}\theta\omicron\delta\omicron\nu\nu$ (но может быть и форма $\mu\epsilon\theta\acute{\omicron}\delta\omicron\nu\nu$); б) по соответствующей форме прилагательного на - $\eta\varsigma$, - α , - $\iota\chi\omicron$.: № 14 + - $\eta\delta\omicron\nu\nu$ $\rightarrow$ XII; № 14 + - $\iota\chi\omicron\nu\nu$ $\rightarrow$ XVIII, например $\zeta\eta\lambda\acute{\iota}\acute{\alpha}\rho\text{-}\eta\delta\omicron\nu\nu$ $\vdash$ S. $\rightarrow$ G. Pl. m.; $\zeta\eta\lambda\acute{\iota}\acute{\alpha}\rho\text{-}\iota\chi\omicron\nu\nu$ + S. $\rightarrow$ G. Pl. n.

Отсутствие регулярных средств для определения рода не является серьезным препятствием при анализе, где род нужен лишь для правильного отнесения к существительному артикля и согласованных определений. Если бы даже это отнесение не было дано в условии, его можно было бы решить синтаксическими средствами (отнести артикль к существительному можно, например, по его положению непосредственно перед существительным; согласованное определение — по положению между артиклем и существительным). На этом процедура анализа заканчивается.

Для распознавания словоформ достаточной оказалась информация, заключенная либо только во флексиях существительного, либо в их сочетаниях с формой артикля (применение флексий согласованного определения весьма ограничено). Не пришлось обращаться к сведениям, содержащимся в основе и просодических элементах, если не считать примечания для № 12.

При данном построении анализа артикль играл вспомогательную роль, включаясь только тогда, когда основное сред-

ство — флексия существительного — оказывалось недостаточным для определения сочетания граммем. Между тем его распознающая способность выше, чем у флексий существительного. Это можно доказать, построив анализ таким образом, что артикль будет основным средством распознавания.

I. Артикль определяет сочетание трех граммем

1) $\acute{o} + S. \rightarrow I$, читается: если при существительном стоит артикль в форме $\acute{o}$, то это I (N. Sing. m) сочетание граммем, например, $\acute{o}$ πατέρας;

2) $\acute{\eta} + S. \rightarrow IV$, например $\acute{\eta}$ μητέρα (N. Sing. f);

3) $\acute{\tau}\acute{o}\nu + S. \rightarrow III$, например $\acute{\tau}\acute{o}\nu$ πατέρα (A. Sing. m);

4) $\tau\acute{\eta}\varsigma + S. \rightarrow IV$, например $\tau\acute{\eta}\varsigma$ μητέρας (G. Sing. f);

5) $\tau\acute{\eta}\nu + S. \rightarrow V$, например $\tau\acute{\eta}\nu$ ψυχή (A. Sing. f);

6) $\tau\acute{o}\upsilon\varsigma + S. \rightarrow XI$, например $\tau\acute{o}\upsilon\varsigma$ πατέρες (A. Pl. m);

7) $\tau\acute{\iota}\varsigma + S. \rightarrow XIV$, например $\tau\acute{\iota}\varsigma$ μητέρες (A. Pl. f).

Артикль определяет 7 сочетаний граммем и 11 словоформ из 41.

II. Артикль определяет сочетание двух граммем

а) Сочетание граммем рода и числа (падеж выбирается из двух возможных):

1) $\acute{\tau}\acute{o} + S. \rightarrow VII \vee VIII$, например $\acute{\tau}\acute{o}$ παιδί (N. $\vee$ A. Sing. n);

2) $\acute{\tau}\acute{\alpha} + S. \rightarrow XVI \vee XVII$, например $\acute{\tau}\acute{\alpha}$ παιδιά (N. $\vee$ A. Pl. n).

Артикль частично определяет 4 сочетания граммем и 14 словоформ из оставшихся 30. Нейтрализация N. и A. снимается на синтаксическом уровне (см. выше).

б) Сочетание граммем падежа и числа (с полной или частичной нейтрализацией по роду):

1) $\acute{o}\acute{\iota} + S. \rightarrow X \vee XIII$, например $\acute{o}\acute{\iota}$ πατέρες, $\acute{o}\acute{\iota}$ μητέρες (N. Pl. m $\vee$ f);

2) $\tau\acute{o}\upsilon + S. \rightarrow III \vee IX$, например $\tau\acute{o}\upsilon$ δασκάλου, $\tau\acute{o}\upsilon$ βουνοῦ (G. Sing. m $\vee$ n);

3) $\tau\acute{\omega}\nu + S. \rightarrow XII \vee XV \vee XVIII$, например $\tau\acute{\omega}\nu$ πατέρων, $\tau\acute{\omega}\nu$ μη. τέρων, $\tau\acute{\omega}\nu$ βουῶν (G. Pl. m $\vee$ f $\vee$ n).

Артикль частично определяет 7 сочетаний граммем и 16 словоформ из 16 оставшихся.

В некоторых случаях нейтрализация может сниматься: флексией существительного, флексиями согласованного определения, характером основы, просодическими элементами.

Если соблюдено условие правильного отнесения артикля к существительному, второй вариант анализа представляется более экономным.

Предполагается, что введение каждого нового средства (артикля, флексии, определения) обязательно содержит некоторое новое сообщение, а не подтверждение уже имеющегося. Такое подтверждение может происходить постольку, поскольку мы не имеем дело с агглютинирующим языком, а потому не можем

извлечь из флексии только нужную нам в данный момент информацию. См., например, определение XIII сочетания граммем по флексии № 8 (-ες) соответствующей вообще 4 сочетаниям граммем (X, XI, XIII, XIV) по 1-му варианту анализа.

$$\text{№ 8} \left\{ \begin{array}{l} \left. \begin{array}{l} \text{N.} \\ \text{A.} \end{array} \right\} m \\ \left. \begin{array}{l} \text{N.} \\ \text{A.} \end{array} \right\} f \end{array} \right\} \text{Pl.},$$

например, *πατέρ-ες, μητέρ-ες*. Флексия № 8 однозначно определяет только множественное число.

Применяется форма артикля *οί*

$$\text{№ 8} + \text{οί} \left\{ \begin{array}{l} m \\ f \end{array} \right\} \text{N.} \left. \right\} \text{Pl.},$$

например *οί πατέρ-ες, οί μητέρ-ες*. Артикль однозначно определяет падеж и подтверждает число.

Применяется флексия согласованного определения (-ες)

$$\text{№ 8} + \text{οί} + \text{-ες} \rightarrow \text{N. Pl. f.},$$

например *οί φρόνιμ-ες μητέρ-ες*. Флексия согласованного определения однозначно определяет род и подтверждает число. Если применить ее до артикля, то выбор будет происходить между N. и A. f

$$\text{№ 8} + \text{-ες} \left\{ \begin{array}{l} \text{N.} \\ \text{A.} \end{array} \right\} \text{Pl.} \left. \right\} \text{f.},$$

например, *φρόνιμ-ες μητέρ-ες* (N. ∨ A. Pl. f).

Для иллюстрации сохранен и один случай избыточности информации, проявляющейся из-за нарушения последовательности применения правил⁶ — определение X сочетания граммем по флексии № 8, форме артикля *οί* и флексии согласованного определения *-οι*

$$\begin{array}{ccc} \text{οί} & \text{φρόνιμ-οι} & \text{πατέρ-ες} \\ \downarrow & \downarrow & \downarrow \\ \text{N. (Pl.)} & \text{N. (Pl.) m} & \text{Pl.} \end{array}$$

Pl. заключен в скобки как не зависящая от правил информация. Информация о падеже заключена во флексии согласованного определения, что делает ненужным применение артикля. Следует отметить, что информация о числе помимо нашей воли (по указанным выше причинам) повторяется столько раз, сколько операций заключено в каждом шаге (т. е. в каждом применяемом средстве). От этой избыточности уклониться не-

⁶ См.: M. Halle. On the role of simplicity in linguistic descriptions. — В сб.: «Structure of language and its mathematical aspects». Providence (Rhode Island), 1961.

возможно. В этом смысле во втором варианте гораздо меньшая степень избыточности, которая достигается тем, что каждый шаг состоит из одной операции.

Новогреческий язык обладает количеством формальных средств, достаточным для того, чтобы производить анализ (и соответственно синтез) основных логико-синтаксических единиц речи на морфологическом уровне, лишь в одном случае используя предложную конструкцию. Субъект выражается N., прямой объект — A., атрибут — G. Существует два способа для выражения косвенного объекта: 1) синтетический, с помощью G., например εἶπε τοῦ πατέρα (Obj. obl.) του; ἔστειλε γράμμα τῆς κοπέλας⁷. В этом случае происходит характерная для БЯС нейтрализация атрибута и косвенного объекта, разрешающаяся средствами главным образом содержательного уровня. Своеобразие новогреческого языка состоит в том, что здесь функции дательного падежа переходят к родительному, в то время как в других балканских языках происходит обратное: функции родительного переходят к дательному. Впрочем, при синхронном описании можно счесть существенным именно наличие этой нейтрализации независимо от того, каким путем она достигается; 2) косвенный объект может выражаться аналитически: сочетанием предлога (εἰς) с Art. ὁ μαθητῆς ἔλεγε τὸ μάθημα στό δάσκαλο (Obj. obl.). Этот предлог по значению и функции соответствует болгаро-македонскому предлогу *на* (за тем исключением, что εἰς не может употребляться для выражения атрибута).

СИНТЕЗ

Операция синтеза была определена как восстановление внешней фономорфологической формы данного сочетания граммем, или нахождение номера фономорфологического показателя, соответствующего данному номеру сочетания граммем.

Для правильного выбора фономорфологического показателя, включающего в себя помимо флексии акцентуационную характеристику (т. е. вид и место ударения), существенным является исход основы. Поэтому оказалось удобным применять для синтеза иной набор флексий, чем для анализа, а именно такой, в котором к флексии был отнесен последний гласный основы (табл. 13). Этот набор насчитывает 24 флексии, образующие 69 словоформ, например, флексия № 1 (см. табл. 10) соответствует флексиям № 2, № 3, № 4, № 5 отчасти № 1 и № 6 (см. табл. 13). Такое выделение флексий несущественно увеличивает нейтрализацию и синонимию флексий (одному сочетанию граммем может соответствовать до 6 флексий, например, № 1, № 2, № 3, № 6, № 7, для IV; № 11, № 12, № 13, № 14, № 15, № 16 для VI).

⁷ A. Mirambel. Grammaire du grec moderne.

Распределение флексий новогреческого существительного (сингез) *

Флексия	Sing.						Pl.								
	m		f		n		m		f		n				
	N I	V II	Θ III	N AI	V A	Θ IA	N IIA	V IIIA	Θ XI	N IIIX	V IX	Θ ΔX	N IAX	V IIAX	Θ IIIA X
1.-α [a]	+	+	+	+	+								+		
2.-ε [e]		+	+	+	+										
3.-ο [o]		+		+	+	+									
4.-ω [o]				+	+										
5.-ι [i]						+									
6.-η [i]		+	+	+	+								+		
7.-ου [u]		+	+	+	+			+							
8.-του [ku]								+							
9.-τα [ta]														+	
10.-οι [i]													+		
11.-ας [as]						+		+							
12.-ες [es]						+		+					+		

Таблица 13 (окончание)

Флексия	Sing.						Pl.											
	m			f			m			f								
	·N I	·V II	·Ð III	·N AI	·V A	·Ð IA	·N IIA	·V IIIA	·Ð XII	·N IIIХ	·V AIX	·Ð AX	n					
													·N X	·V IX	·Ð IIХ			
13. -γ; [is]	+					+												
14. -ος [os]	+					+												
15. -ως [os]						+												
16. -ους [us]	+					+								+				
17. -(α)τος [atos]														+				
18. -(α)τα (ata)																	+	
19. -(α)τω(v)(ε) [atone]																		+
20. -ω(v)(ε) [one]																		+
21. -ιω(v)(ε) [ione]																		+
22. -(ε, α, η, ο, ου)δες [e, a, i, o, udes]																		+
23. -(ε, α, η, ο, ου)δω(v)(ε) [e, a, i, o, udone]																		+
24. -μα [ma]																	+	

* 24 флексии образуют 71 словоформу.

Основную сложность синтеза новогреческого существительного составляет следующее:

1. Существование двух типов склонения, так называемого равносложного и неравносложного; в зависимости от того, к первому или ко второму типу принадлежит существительное, оно в определенных падежах (N., A., G. Pl. m, f, n; G. Sing. n) принимает односложные или двусложные флексии (-ι- во флексиях считается неслоговым), например:

πατέρ-ας — πατέρ-ες, но πατέρα-ς — πατέρα-δες;
μητέρ-α — μητέρ-ες, но μάνα — μαν-άδες;
παιδ-ί — παιδ-ιού, но χρέ-ας — χρέ-ατος.

Трудность состоит в правильном отнесении существительного к равносложному или неравносложному типу склонения.

2. Вторую трудность представляет изменение вида и места ударения в парадигме по сравнению с исходной формой, за которую принимается N. Sing. Ударение может передвигаться на один или два слога вправо, передвижение происходит в III, IX—XVIII сочетаниях граммем. Изменение графического изображения ударения (смена обличенного и острого) происходит в III, VI, IX—XVIII сочетаниях граммем. В окситонированных существительных изменение места и вида ударения (в тех случаях, когда это наблюдается) происходит в соответствии с законами, аналогичными законам древнегреческого ударения, например:

Sing. N.—A. τὸ ἔδαφος   Pl. N.—A. τὰ ἔδαφα
» G. τοῦ ἔδαφους   » G. τῶν ἔδαφῶν.

В новогреческом языке ударение почти не имеет самостоятельной морфологической роли (единственный случай, когда только ударение отличает G. от A.—G. Sing. m окситонов, который в отличие от A. несет обличенное ударение, например ποιητή (G), ποιητή (A.).

Из сказанного следует, что для синтеза III, VI, IX—XVIII сочетаний граммем требуются некоторые дополнительные сведения.

При синтезе I, II, IV, V, VII и VIII сочетаний граммем (N. и A.) оказывается достаточным употребить лишь те средства, которые были использованы при анализе этих же сочетаний граммем, соответственно применяя их в обратном порядке.

I этап. Синтез I, II, IV, V, VII, VIII сочетаний граммем

A. Синтез сочетаний трех граммем

II шаг. Синтез сочетаний граммем по флексии существительного и форме артикля.

1) I → № 11 ∨ № 12 ∨ № 13 ∨ № 14 ∨ № 16+6, читается: для I (N. Sing. m) сочетания граммем выбирается флек-

- сия № 11 (-ας), либо № 12 (-ες), либо № 13 (-ης), либо № 14 (-ος), либо № 16 (-ους) и форма артикля $\acute{o}$, например $\acute{o}$ πατέρ-ας, $\acute{o}$ καθ-ές, $\acute{o}$ ποιητ-ής, $\acute{o}$ λαγ-ός, $\acute{o}$ παππ-οῦς⁸;
- 2) II → № 1 ∨ № 2 ∨ № 3 ∨ № 6 ∨ № 7 + τόν, например τόν πατέρ-α, τόν καθ-έ, τόν ποιητ-ή, τόν λαγ-ο, τόν παππ-οῦ;
- 3) IV → № 1 ∨ № 2 ∨ № 3 ∨ № 4 ∨ № 6 ∨ № 7 + ἦ, например ἦ μητέρ-α, ἦ γεν-έ, ἦ παρθέν-ο, ἦ Φρόσ-ω, ἦ ψυχ-ή, ἦ ἀλεπ-οῦ;
- 4) V → № 1 ∨ № 2 ∨ № 3 ∨ № 4 ∨ № 6 ∨ № 7 + τήν, например τήν μητέρ-α, τήν γεν-έ, τήν παρθέν-ο, τήν Φρόσ-ω, τήν ψυχ-ή, τήν ἀλεπ-οῦ.

II шаг синтезирует 4 сочетания граммем и 22 словоформы из 71.

В. Синтез сочетаний граммем рода и числа (надеж выбирается из двух возможных)

I шаг. Синтез сочетания граммем по флексии существительного:

- 1) VII ∨ VIII → № 5 ∨ № 24, например παῖδ-ί, κό-μα N. ∨ A. Sing. n).

I шаг частично синтезирует два сочетания граммем и 4 словоформы из 49 оставшихся.

II шаг. Синтез сочетания граммем по флексии существительного и форме артикля:

- 1) VII ∨ VIII → № 3 ∨ № 11 ∨ № 14 + τό, например τό βουν-ά, τό κρέ-ας, τό ἔθν-ος (N. ∨ A. Sing. n).

II шаг частично синтезирует 2 сочетания граммем и 6 словоформ из 45 оставшихся. Дальнейшее различение VII и VIII сочетаний граммем проводится на синтаксическом уровне (см. «Анализ»). Если же требуется исходная форма, то различение N. и A. несущественно. На этом заканчивается I этап синтеза, в результате которого получены исходные формы существительных всех трех родов. Синтезированию подлежит 39 словоформ.

II этап. Синтез III, VI, IX—XVIII сочетаний граммем

Для синтеза перечисленных сочетаний граммем необходимы некоторые дополнительные сведения, получить которые можно, используя информацию, заключенную в исходной форме. Поэтому предварительно требуется синтезировать исходную форму (I, IV, VII) по правилам, изложенным в I этапе синтеза. В исходной форме существенны: род, флексия, с учетом характера основы, в некоторых случаях гласный второго от конца слога,

⁸ Место и вид ударения в N. Sing. считается данным.

место и графическое изображение ударения. На основании этих данных определяются:

1) тип склонения (существенно для IX—XVIII сочетаний граммем);

2) передвижение ударения (существенно для III, IX—XVIII сочетаний граммем);

3) изменение вида ударения (существенно для III, VI, IX—XVIII сочетаний граммем). (Перечислены в порядке применения).

Полученные сведения позволяют перейти непосредственно к синтезу требуемых сочетаний граммем. Для этого следует вернуться к основе и вести синтез теми же средствами, что и анализ, но имея в виду исходную форму и учитывая нужные для каждого сочетания таблицы.

Синтез III, VI, IX—XVIII сочетаний граммем показан на табл. 14. Читается: если при исходной форме *-ας, ps, pp, m* (т. е. равносложное существительное мужского рода, пропарокситонированное с флексией *-ας* в N. Sing.) синтезируется III (G. Sing. *m*) сочетание граммем, то берется флексия № 1 (*-α*) и форма артикля *τοῦ* (см. 1-ю строку). Например, *φύλακ-ας—τοῦ φύλακ-α*; если при исходной форме *-α, ips, pp, f* (15-я строка) синтезируется XIII (N. Pl. *f*) сочетание граммем, то берется флексия № 22 (*-α ...ε-δες*) словоформа получает ударение на втором от конца слоге, прибавляется форма артикля *οἱ* и флексия согласованного определения *-ες*, например *μάν-α—οἱ φρόνιμ-ες μαν-άδες*; если при исходной форме *-α, ps, p, f* (32-я строка) синтезируется XV (G. Pl. *f*) сочетание граммем, то берется флексия № 20 (*-ων*) при том, что всей словоформе может придаваться или не придаваться обличенное ударение на последнем слоге, например *ὄρ-α—ὄρ-ων; μητέρ-α—μητέρ-ων* (существительные, переносящие ударение, задаются списком)⁹.

При синтезе нейтрализация по роду в III—IX, XII—XV—XVIII сочетаниях граммем снимается, так как сведения о роде заключены в исходной форме. Нейтрализация по падежу в XVI—XVII сочетаниях граммем снимается синтаксическими средствами (см. «Анализ»).

В отличие от анализа при синтезе оказалось необходимым полностью использовать все возможные ресурсы слова.

Анализ форм новогреческого существительного, ни в какой мере не являясь описанием его системы, показывает, что для декодирования нужно минимальное количество средств (ср. активное и пассивное владение языком). В данном случае было интересно не столько подтверждение этого положения, сколько выяснение того, какие фонеморфологические показатели существенны для анализа и какие являются избыточными. Выяснилось, что вполне удовлетворительные результаты дает применение

⁹ К данной работе списки не прилагаются.

Синтез новогреческого существительного

Исходная форма *	III	VI	IX	X	XI	XII
1. -ας, ps, pp, m	№ 1 + τού			№ 12 + -οι	№ 12 + τούς	№ 20 p
2. -ας, ips, o, m	№ 1 ~ + τού			№ 22 + -οι	№ 22 + τούς	№ 23
3. -ας, ips, p, m √ n	№ 1 + τού		№ 17	№ 22p + -οι	№ 22p + τούς	№ 23p
4. -ας, ips, pp, m	№ 1 + τού			№ 22p + -οι	№ 22p + τούς	№ 23p
5. -ης, ps, o, m	№ 6 ~			№ 12 + -οι	№ 12 + τούς	№ 20 ~
6. -ης, ps, p, m	№ 6 + τού			№ 12 + οι	№ 12 + τούς	№ 20ο ~
7. -ης, ips, o, ~, m	№ 6 + τού			№ 22 + -οι	№ 22 + τούς	№ 23 /
8. -ης, ips, pp, m	№ 6 + τού			№ 22pp + -οι	№ 22pp + τούς	№ 23pp
9. -ος, ps, o, m	№ 7 ~ + τού			№ 10	№ 16 + τούς	№ 20 ~
10. -ος, ps, p, m √ n	№ 7 + τού		№ 16 + τού	№ 10	№ 16 + τούς	№ 20
11. -ος, ps, pp, m	№ 7p + τού			№ 10	№ 16p + τούς	№ 20p
12. -α, ps, o, f		№ 11 ~ + τής				
13. -α, ps, pp, f		№ 11 + τής				
14. -α, ips, o, f		№ 11 + τής				
15. -α, ips, p, f		№ 11 + τής				
16. -η, ps, o, f		№ 13 ~ + τής				

* ps — равносложное S; ips — неравносложное S; o — оксигонированное S; p — пароксигонированное S; pp — пропароксигонированное S; ~ — острое ударение словоформы; ~ — обделенное ударение словоформы.

При синтезировании место и вид ударения указываются тогда, когда они меняются по сравнению с исходной формой.

Таблица 14 (продолжение)

Исходная форма*	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
1. -as, ps, pp, m						
2. -as, ips, o, m						
3. -as, ips, p, m $\vee$ n				№ 18	№ 18	№ 19p
4. -as, ips, pp, m						
5. -is, ps, o, m						
6. -is, ps, p, m						
7. -is, ips, o, $\sim$, m						
8. -is, ips, pp, m						
9. -os, ps, o, m						
10. -os, ps, p, m $\vee$ n				№ 6 + $\tau\acute{a}$	№ 6 + $\tau\acute{a}$	№ 20o $\sim$
11. -os, ps, pp, m						
12. -a, ps, o, f	№ 12 + oi + -e $\acute{s}$	№ 12 + $\tau i\acute{s}$	№ 20 $\sim$			
13. -a, ps, pp, f	№ 12 + oi + -e $\acute{s}$	№ 12 + $\tau i\acute{s}$	№ 20p $\vee$ № 20o			
14. -a, ips, o, f	№ 22 + oi + -e $\acute{s}$	№ 22 + $\tau i\acute{s}$	№ 23			
15. -a, ips, p, f	№ 22p + oi + -e $\acute{s}$	№ 22p + $\tau i\acute{s}$	№ 23p			
16. - τ , ps, o, f	№ 12 + oi + -e $\acute{s}$	№ 12 + $\tau i\acute{s}$	№ 20 $\sim$			

* ps — равносложное S.; ips — неравносложное S.; o — оксигенированное S.; p — пароксигенированное S.; pp — пропароксигенированное S.; / — острое ударение словоформы; $\sim$ — облученное ударение словоформы.

При сингезировании место и вид ударения указываются тогда, когда они меняются по сравнению с исходной формой.

Таблица 14 (продолжение)

Исходная форма*	III	VI	IX	X	XI	XII
17. -ŋ, ps, p и pp, f		№ 13 + τŋς				
18. -ŋ, ips, o, f		№ 13 ~ + τŋς				
19. -ŋ, ips, p, f		№ 13 + τŋς				
20. -o, ps, o, n			№ 7 ~ + τoῦ			
21. -o, ps, pp и p, f \ / n		№ 14 + τŋς	№ 7p + τoῦ			
22. -o, ips, o, f		№ 14 + τŋς				
23. -o, ips, p, f		№ 14 + τŋς				
24. -ω, ips, o, f		№ 15 ~				
25. -oυ, ips, o, ~, f		№ 16 + τŋς				
26. -oυς, ips, o, ~, m	№ 7 + τoῦ			№ 22p + -oι	№ 22p + τoῦς	
27. -t, ps, o, n			№ 8 ~			
28. -t, ps, pp, и p, n			№ 8 ~			
29. -μx ips, p, n			№ 17			
30. -μx ips, pp, n			№ 17pp			
31. -ας, ps, p, m	№ 1 + τoῦ			№ 12 + -oι	№ 12 + τoῦς	№ 20
32. -ŋς, ips, p, m	№ 6 + τoῦ			№ 22 + -oι	№ 22 + τoῦς	№ 23
33. -α, ps, p, f		№ 11 + τŋς				
34. -ε, ips, p, f		№ 12 + τŋς				

* ps — равносложное S; ips — неравносложное S; o — окситонированное S; p — парокситонированное S.; pp — пропарокситонированное S; / — острое ударение словоформы; ~ — обличенное ударение словоформы.

При синтезирании место и вид ударения указываются тогда, когда они меняются по сравнению с исходной формой.

Таблица 14 (окончание)

Исходная форма *	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
17. -ŋ, ps, p и pp, f	№ 12 + oi + -εs	№ 12 + τiς	№ 20o ~			
18. -ŋ, ips, o, f	№ 22 + oi + -εs	№ 22 + τiς	№ 23			
19. -ŋ, ips, p, f	№ 22p + oi + -εs	№ 22p + τiς	№ 23p			
20. -o, ps, o, n				№ 1 + τá	№ 1 + τá	№ 20 ~
21. -o, ps, pp и p, f √ n	№ 12 + oi + -εs	№ 12 + τiς	№ 20 ~	№ 1 + τá	№ 1 + τá	№ 20p
22. -o, ips, o, f	№ 22 + oi + -εs	№ 22 + τiς	№ 23			
23. -o, ips, p, f	№ 22 + oi + -εs	№ 22 + τiς	№ 23			
24. -ω, ips, o, f	№ 22 + oi + -εs	№ 22 + τiς	№ 23			
25. -ov, ips, o, ~, f	№ 22 + oi + -εs	№ 22 + τiς	№ 23o /			
26. -ov, ips, o, ~, m						
27. -t, ps, o, n				№ 9	№ 9	№ 21 ~
28. -t, ps, pp и p, n				№ 9	№ 9	№ 21o ~
29. -μα ips, p, n				№ 18	№ 18	№ 19p
30. -μα ips, pp, n				№ 18pp	№ 18pp	№ 19p̄
31. -αs, ps, p, m						
32. -ŋs, ips, p, m						
33. -α, ps, p, f	№ 12 + oi + -εs	№ 12 + τiς	№ 20 √ № 20o ~			
34. -ε, ips, p, f	№ 22 + oi + -εs	№ 12 + τiς	№ 23			

* ps — равносложное S.; ips — неравносложное S.; o — оксигенированное S.; p — пароксигенированное S.; / — острое ударение словоформ; ~ — облученное ударение словоформы.

При сингезировании место и вид ударения указываются тогда, когда они меняются по сравнению с исходной формой.

флексии с учетом в ряде случаев артикля (или в другом варианте применение артикля с учетом в некоторых случаях флексии). Акцентуационная характеристика не имеет сколько-нибудь заметного морфологического значения, исход основы можно было не учитывать.

При синтезе новогреческого существительного пришлось учитывать все показатели, явно и неявно выраженные в слове. Поэтому синтез представляет собой более полное приближение к описанию системы имени, притом описание функциональное, так как все характеристики включаются в него по мере того, как в них возникает необходимость. Основная цель синтеза заключалась в том, чтобы возможно меньше прибегать к спискам, пытаясь провести их разбиение на основании фономорфологической информации. Такое более полное приближение к описанию системы с помощью синтеза соответствует преимущественной ценности порождающих моделей языка над распознающими и анализирующими. И поэтому практически удобнее начинать с синтеза, а анализ считать обратной (по гораздо менее подробной) операцией.

Анализ и синтез новогреческого существительного проводится с использованием традиционной графики, а не в транскрипции. В вступительной главе уже говорилось о правомерности, с нашей точки зрения, такого способа записи, тем более, что, как будет показано ниже, фонетическая транскрипция (практически — латиница) не может существенно изменить результаты анализа и синтеза. Так, перевод на латиницу флексии существительного по табл. 10 (16 флексий) уменьшит набор лишь на одну флексию: флексии № 7 (-а) и № 16 (-η) сольются в *i*. Тогда распознавание 3 словоформ, обслуживающихся этими флексиями (*daskal-i*, N. Pl. m, *mer-i*, N √ A. Pl. n), будет осуществляться с помощью не I шага (по флексии существительного), а II (по сочетанию флексии существительного с формой артикля — *i daskal-i*, *ta mer-i*). Вместо 12 форм артикля (см. табл. 11) будет 9 (ή, οι сольются в *i*; τής и τής — в *tis*, τόν и τών — в *ton*); нейтрализация будет сниматься сочетанием форм артикля с флексиями существительного: *i mitera-#* — N. Sing. f, *i daskal-i* — N. Pl. m; *tis mitera-s* — G. Sing. f, *tis miteres* — A. Pl. f; *ton barba-#* — A. Sing. m, *ton barba-don* — G. Pl. m. Поскольку казалось интересным использовать все ресурсы слова в письменном тексте, было решено сохранить обычную графику. Это может оказаться полезным для дальнейших исследований БЯС на разных уровнях (диалекты, устная разговорная речь и т. п.), чтобы выяснить, насколько отличаются состояния БЯС в зависимости от уровня. Поэтому здесь берется самая «невыгодная» ситуация — фиксируется положение, при котором новогреческий язык сохраняет большую степень флексивности.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Хотя новогреческие диалекты получили широкое освещение в научной литературе¹⁰, задача описания имени в них затруднена наличием существенных лакун: значительное количество диалектов не рассматривалось вообще, имеющиеся описания не всегда удовлетворительны с точки зрения поставленных здесь задач (в большинстве своем они посвящены исследованию фонетики или лексики, так что грамматические, в частности синтаксические, вопросы остаются в стороне¹¹). Поэтому данное описание не может претендовать на полноту (к тому же, многие диалектологические работы остались для нас недоступными). Эта неполнота в отношении конкретных исследований восполняется наличием некоторой общей схемы, учитывающей основные тенденции развития и характерные черты диалектов. Мы кладем в основу схему, предложенную А. Мирамбелем¹² для обозрения состояния склонения существительного и артикля во всей совокупности новогреческих диалектов, представив ее в виде, удобном для наших целей. Варианты анализа и синтеза для димотики строились с учетом соотношения между склонением артикля и существительного. Целесообразно оставить это основным критерием и при сравнении диалектов, указывая в каждом конкретном случае изменение процедуры, зависящее от того, где находится главная нагрузка, на существительном или на артикле. Выделяются следующие типы соотношения между склонением артикля и существительного:

- I. Art. $\approx$ S. (т. е. состояние системы склонения артикля и существительного приблизительно одинаково).
- II. Art. $>$ S. (т. е. артикль обладает более развитой системой склонения, чем существительное).
- III. Art. $<$ S. (т. е. артикль сохранил склонение в меньшей степени, чем существительное).

---

¹⁰ Достаточно сказать, что уже в 1894 г. вышла обширная библиография Г. Майера, посвященная специально новогреческой диалектологии (см.: G. Meyer. Neugriechische Studien, I. Versuch einer Bibliographie der neugriechischen Mundartenforschung, Wien, 1894). В дальнейшем литература такого рода вырастает еще больше. Это находит отражение в библиографических работах и статьях обзорного характера (см.: D. C. Swanson. Modern Greek Studies in the West. New York, 1960; G. H. Blanken. Nieuwgriekse taalkunde en dialectologie. «Neophilologus», 1952, № 4 и др.).

¹¹ См. работу А. Мирамбеля, подробно освещающую эти вопросы: A. Mirambel. Les tendances actuelles de la dialectologie néohellénique. «Orbis», II, 1953, № 2.

¹² Изложено в следующих работах, на которые в дальнейшем не делается специальных ссылок: A. Mirambel. Morphologie et rôle fonctionnel de l'article dans les parlers néohelléniques; Он же: Genre et nombre dans la flexion des noms en grec moderne; Он же: Histoire et structure à propos des dialectes néohelléniques. «Glotta», XXXIX, 1960—1961, № 3—4.

Этот вид соотношения касается нейтрализации только внутри парадигмы. Для существительного и для артикля выделяются типы парадигмы (максимальная — шестичленная, минимальная — двучленная). В зависимости от их соотношения диалекты разносятся по соответствующим типам. На основании только количественных характеристик труднее всего определить тип I (Art. $\approx$ S.). Пользуясь формулировкой Мирамбея, его содержательную сущность можно выразить как «подтверждение и дополнение» информации, заложенной в существительном. За эталон в типе I принимается димотика, в которой обычное соотношение парадигм существительного и артикля по количеству членов следующее: для m и f: Subst. — 4/Art. — 6, для n: Subst. — 4/Art. — 4 (за исключением группы существительных мужского рода на -os, где шестичленной парадигме существительного соответствует шестичленная парадигма артикля).

	Род	Падеж	Число
1.	+	+	+
2.	—	+	+
3.	—	—	+

Артикль, рассматриваемый отдельно, в свою очередь разбивается на три типа, в зависимости от различительной силы.

1-й тип артикля различает граммы и рода, и числа, и падежа; 2-й тип теряет способность к различению рода; 3-й тип может различать только грамму числа. Нейтрализация по роду затрагивает либо всю парадигму, начиная с исходной формы, либо проявляется только в остальных падежах. При этом неразличение в первую очередь касается мужского и женского рода. Противопоставление среднего рода несреднему гораздо прочнее и исчезает, пожалуй, только вместе с исчезновением падежных противопоставлений.

Предложенная схема удобна для взаимного расположения диалектов в зависимости от некоторого эталона, за который принимается димотика (I, 1, т. е. соотношение между склонением артикля и существительного относится к типу I, а состояние склонения артикля — к 1-му типу).

Эти схемы существенны в равной степени для анализа и для синтеза. Кроме этого, предлагается и некоторая классификация специально для синтеза. Известно, что основную трудность для синтеза представляет образование множественного числа, для чего требуется предварительно определить тип склонения. Если в димотике большую роль для правильного выбора флексии Pl. играл род существительного, то данные диалектов демонстрируют и другие возможности соотношения между родом и числом, которые предлагается выразить следующим образом:

- а) наличие средств для выражения рода и числа;
  - α) имплицитное и иерархизованное;
    - α') род определяет число;
    - β') число определяет род;
  - β) артикль подтверждает род и число;
- б) отсутствие средств для выражения рода и числа (чрезвычайно редко).

Эта классификация содержит, в сущности, общую схему синтеза с указанием основных его средств.

В дальнейшем изложении мы постараемся показать, в каких сочетаниях данные типы реализуются в конкретных диалектах. Мы не будем придерживаться общепринятого деления на северные и южные диалекты, сделанного в основном по фонетическим различиям, предпочтя ему более удобное для наших целей рассмотрение отдельно диалектов метрополии (материковые и островные) и внешних диалектов (Малая Азия, Италия). При этом нас интересуют в большей степени диалекты материка, где можно ожидать более активного хода балканистических процессов, и Малой Азии, где, несомненно, должно чувствоваться влияние турецкого языка. Диалекты, расположенные на территории Италии¹³, исключаются из рассмотрения, так как общевалканские тенденции на них явно не распространяются. Сведения, необходимые для рассмотрения диалектов в указанной схеме, извлекаются из таблиц 15—23. В таблицах показана нейтрализация форм артикля, в соответствии с которой он должен быть отнесен к 1-, 2- или 3-му типу; кроме того, в таблицах указываются виды парадигм в склонении существительного и артикля (при этом для нас существенно главным образом количество членов в парадигме), что необходимо для отнесения диалекта к I, II или III типам. Изменения в наборе граммем по сравнению с димотикой выражаются в сокращении падежной системы, что может выражаться либо в утере родительного падежа (только в Pl. или в Sing. и в Pl.)¹⁴ и стремлении тем самым свести систему склонения к противопоставлению субъекта и объекта, либо в исчезновении падежей и сохранении только противопоставления по числам; помимо этого существует тенденция к выравниванию родовых различий так, что противопоставление по роду принимает следующий вид: средний/несредний. Н. Бахтин¹⁵ особо отмечает

¹³ По новогреческим диалектам Италии см. обобщающую работу С. К. Караджаса: S. C. Caratzas. *L'origine des dialectes néo-grecs de l'Italie méridionale*. Paris, 1958.

¹⁴ Это является общей тенденцией для диалектов, в частности северногреческих. См.: В. М. Ρηογες. *Τό ἀρχαϊκό ἄρθρο «ι» στά βόρεια νεοελληνικά ἰδιώματα*. Kozanes, 1956. — Иногда форма артикля ι в мужском роде появляется только перед собственными именами.

¹⁵ См.: N. Bachtin. *Introduction to the study of modern Greek*. Cambridge, 1935.

Формы артикля в хиосском диалекте *

Артикль	Sing.									Pl.								
	m			f			n			m			f			n		
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.
1. o	+																	
2. i	+			+						+			+					
3. to							+	+										
4. to(n)	+										+			+				+
5. ti(n)				+														
6. tu			+						+									
7. tis					+													
8. ta																+	+	
9. tus										+								
10. tas													+					

* 10 форм образуют 19 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Типы парадигм
существительного
совпадают с димотикой

А Р Т И К Л Ь

I	N.	A.	G.	m
	N.	G.	A.	
II	N.	A.	G.	f
	N.	A.	G.	
III	N.—A.		G.	n
	N.—A.		G.	

развитие среднего рода в димотике и диалектах и высказывает предположение об общей тенденции к унификации рода сведением к среднему. Наиболее стойким оказывается противопоставление по числу.

К типу I несомненно можно отнести хиосский¹⁶ диалект (табл. 15), в котором типы парадигм существительного идентичны димотике так же, как и типы парадигм артикля¹⁷. Что же касается нейтрализации в формах артикля, то хоть она и выше, чем в димотике (в частности, форма артикля ι употребляется для N. Sing. m), все же артикль несомненно различает род, число, падеж и потому может быть отнесен к типу I¹⁸.

Аналогичная картина наблюдается и в саракачанском диалекте¹⁹ (язык чуть ли не единственного кочевого племени в Греции, табл. 16), где пяти- и четырехчленным парадигмам существительного соответствуют шести- и четырехчленные парадигмы артикля, а противопоставление по родам ослаблено в той же степени, что и в хиосском диалекте (а также и в других островных диалектах, например диалектах Санторина и Наксоса).

Далее нас интересуют диалекты, в которых артикль обладает большим разнообразием форм, чем существительное (тип II). В наиболее чистом виде тип II проявляется в пелопоннесских диалектах — маниотском²⁰ (табл. 17) и особенно в цаконском²¹ (табл. 18).

В маниотском диалекте можно обнаружить остатки склонения, соответственно которым выделяются трехчленные парадигмы двух видов. Артикль с его шести- и четырехчленной парадигмами, с четким различием рода, числа и падежа несомненно относится к 1-му типу. Еще более определено это выражено в цаконском диалекте (потомке древнего лаконского диалекта), где можно считать граммему падежа исчезнувшей для существительного. Артикль потерял только граммему G. Pl. и обладает поэтому пятичленной парадигмой для m и f и трехчленной для n. Это состояние интерпретируется

¹⁶ H. Pernot. Morphologie des parlers de Chio. Paris, 1946.

¹⁷ Здесь и в саракачанском диалекте пятичленная парадигма артикля возникает из-за латинской транскрипции, примененной в использованных работах, из-за чего уничтожается противопоставление A. Pl. и G. Sing. f.

¹⁸ Хотя А. Мирамбель предлагает считать его переходным между 1-м и 2-м. См.: A. Mirambel. Morphologie...

¹⁹ С. Нёгг. Les saracatsans. Paris, 1925.

²⁰ A. Mirambel. Etude descriptive du parler maniote méridional. Paris, 1929.

²¹ Th. Costakis. Σύνοψη γραμματική τῆς τσακωνικῆς διαλέκτου. Athen, 1951; H. Pernot. Introduction à l'étude du dialecte tsaconien. Paris, 1934; C. A. Scutt. The Tsaconian Dialect, I. «The Annual of the British School at Athens». XIX, 1912—1913; A. Thumb. Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Strassburg, 1910; E. Bourget. Le dialecte laconien. Paris, 1927.

Формы артикля в саракачанском диалекте *

Артикль	Sing.									Pl.									
	m			f			n			m			f			n			
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	
1. u	+																		
2. i	+			+						+			+						
3. tu							+	+											
4. tu(n)		+																	
5. t/d			+						+										
6. tn/tŋ				+															
7. ts/dz					+					+			+						
8. ta																+	+		
9. tun/tuŋ											+			+					+

* 9 форм образуют 19 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I	<table border="1"> <tr> <td>N.</td> <td>A.</td> <td>G.</td> </tr> <tr> <td>G.</td> <td>A.</td> <td>N.</td> </tr> </table>	N.	A.	G.	G.	A.	N.	m
N.	A.	G.						
G.	A.	N.						
II	<table border="1"> <tr> <td>N.</td> <td>A.—G.</td> </tr> <tr> <td>N.—A.</td> <td>G.</td> </tr> </table>	N.	A.—G.	N.—A.	G.	m		
N.	A.—G.							
N.—A.	G.							
III	<table border="1"> <tr> <td>N.—A.</td> <td>G.</td> </tr> <tr> <td>N.—A.</td> <td>G.</td> </tr> </table>	N.—A.	G.	N.—A.	G.	f, n		
N.—A.	G.							
N.—A.	G.							

А Р Т И К Л Ъ

I	<table border="1"> <tr> <td>N.</td> <td>A.</td> <td>G.</td> </tr> <tr> <td>N.</td> <td>A.</td> <td>G.</td> </tr> </table>	N.	A.	G.	N.	A.	G.	m
N.	A.	G.						
N.	A.	G.						
II	<table border="1"> <tr> <td>N.</td> <td>A.</td> <td>G.</td> </tr> <tr> <td>N.</td> <td>A.</td> <td>G.</td> </tr> </table>	N.	A.	G.	N.	A.	G.	f
N.	A.	G.						
N.	A.	G.						
III	<table border="1"> <tr> <td>N.—A.</td> <td>G.</td> </tr> <tr> <td>N.—A.</td> <td>G.</td> </tr> </table>	N.—A.	G.	N.—A.	G.	n		
N.—A.	G.							
N.—A.	G.							

Формы артикля в маниотском диалекте *

Артикль	Sing.									Pl.								
	m			f			n			m			f			n		
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.
1. ó	+																	
2. ĩ				+														
3. ðo(v)		+																
4. ðou			+						+									
5. ðŋ(v)					+													
6. ðŋ(ɕ)						+												
7. ðo								+	+									
8. ðou(ɕ)											+							
9. ði(ɕ)													+					
10. ðouv												+		+				+
11. ða																	+	+
12. oi											+		+					

* 12 форм образуют 18 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I	N.—A.—G.			m, f
	N.—A.	G.		

II	N.—A.	G.	m, n
	N.—A.	G.	

А Р Т И К Л Ь

I	N.	A.	G.	m, f
	N.	A.	G.	

II	N.—A.	G.	n
	N.—A.	G.	

Формы артикля в законском диалекте *

Артикль	Sing.									Pl.					
	m			f			n			m		f		n	
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.
1. ó	+														
2. τó		+					+	+							
3. τoū			+						+						
4. á				+											
5. τᾶρ					+										
6. τάν						+									
7. oi										+		+			
8. τι											+				
9. τίρ													+		
10. τά														+	+

* 10 форм образуют 15 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ АРТИКЛЯ

I	N.	A.	G.	m, f
	N.		A.	

II	N.—A.		G.	n
	N.—A.			

Формы артикля в диалекте Демирдеси *

Артикль	Sing.									Pl.					
	m			f			n			m		f		n	
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.
1. ḡ	+			+											
2. τó							+	+							
3. τḡ			+			+			+						
4. τó(v)		+													
5. τi(v)					+										
6. oi										+		+			
7. ti											+		+		
8. τá														+	+

* 8 форм образуют 15 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I	N.	A.—G.
	N.—A.	

А Р Т И К Л Ь

I	N.	A.	G.	m, f
	N.		A.	
II	N.—A.		G.	u
	N.—A.			

Формы артикля в диалекте Фарасы *

Артикль	Sing.									Pl.					
	m			f			n			m		f		n	
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	N.	A.	N.	A.
1. ó	+														
2. ḡ				+											
3. τó							+	+							
4. τó (v)		+													
5. τḡ (v)					+										
6. τoō				+					+						
7. ζς						+									
8. oi									+	+					
9. τά														+	+
10. τi(ςζ)										+	+				

* 10 форм образуют 15 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I	N.	A.	G.	m
N. — A.				

А Р Т И К Л Ь

I	N.	A.	G.	m, f
N.	A.			

II	N. — A.	G.	m, f, n
N. — A.			

II	N. — A.	G.	n
N. — A.			

как переход к аналитизму в склонении существительного и сохранение синтетического выражения падежных форм в артикле. Сходная картина, хотя и не столь явно выраженная, наблюдается в малоазийском диалекте Демирдеси, расположенном в районе Бруссы (табл. 19)²², где трехчленной парадигме существительного соответствует пятичленная парадигма артикля (оба они потеряли грамему G. Pl). Но если маниотский и цаконский по состоянию склонения артикля и существительного дают сочетание II, 1, то диалект Демирдеси относится к типу II, 2, так как артикль в нем в значительной степени утерял противопоставление по роду. Подобная утеря различий в роде встречается и в других малоазийских диалектах, например в диалекте Анаку. К типу II, пожалуй, следует отнести и малоазийский диалект Фарасы²³ (табл. 20), где артикль обладает бóльшим разнообразием форм, чем существительное. Диалект утерял грамему G. Pl. Артикль возможно определить как тяготеющий к 1-му типу, так как в общем он совпадает с димотикой, новым является только смещение *m* и *f* в форме $\tau\iota$ (ζ , ς) для A. Pl.

К типу III (S. > Art.) можно отнести, например, северо-понтийский (северочерноморский) диалект²⁴, который хоть по территориальному принципу и не должен включаться в описание, все же достаточно интересен для того, чтобы быть специально упомянутым (табл. 21). Существительное в нем обладает шести-, пяти- и четырехчленной парадигмами, артикль — четырех- и трехчленной. Однако трудно решить, к какому из трех типов относится артикль, так как можно было бы признать за ним различие и рода, и числа, и падежа, если бы не сгусток нейтрализации в форме $\tau\iota$:

$$\tau\iota \rightarrow \text{III} \vee \text{VI} \vee \text{IX} \vee \text{XI} \vee \text{XII} \vee \text{XIV} \vee \text{XV} \vee \text{XVIII},$$

где нивелируются различия и в роде, и в числе, и в падеже. Впрочем, это касается несовершенства схемы, которая обеспечивает разделение лишь в самом общем смысле.

Большая сохранность склонения в существительном по сравнению с артиклем вообще характерна для ряда малоазийских диалектов (Улагач, Аравани в Каппадокии). В этих диалектах, хоть и в редуцированном виде, сохраняется склонение существительного (различаются формы N.—A. Sing./G. Sing./N.—A. Pl., т. е. обнаруживается трехчленная парадигма). Что же касается артикля, то он обладает только двумя формами: *do*—Sing. и *da*—Pl. всех трех родов. Таким образом, эти диалекты

²² C. Danguistis. Etude descriptive du dialecte de Démirdési. Paris, 1943.

²³ R. M. Dawkins. Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916.

²⁴ A. Semenov. Der nordpontische Dialekt des Neugriechischen. «Glotta», XXIII, 1935.

Формы артикля в североопонтийском диалекте *

Артикль	Sing.									Pl.								
	m			f			n			m			f			n		
	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.	N.	A.	G.
1. o	+																	
2. ι				+						+			+					
3. τι			+			+			+	+			+	+				+
4. του		+																
5. τιν				+														
6. τα																+	+	
7. το							+	+										

* 7 форм образуют 18 словоформ.

ТИПЫ ПАРАДИГМ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

I	N.	A.	G.	m, f
	N. — A.		G.	

II	N.	A.	G.	m
	N.	A.	G.	

III	G.	N.	A.	f
	N.	A.	G.	

IV	N. — A.		G.	n
	N. — A.		G.	

А Р Т И К Л Ъ

I	N.	A.	G.	m
	N.	A.	G.	

II	N.	A.	G.	f
	N.	A.	G.	

III	N. — A.		G.	m
	N. — A.		G.	

представляют сочетание III, 3. Правда, артикль не может стоять перед существительным в G. Sing., так что его присутствие означает, что это либо N., либо A., но ясно, что это может быть лишь паллиативом, тем более что, например, в диалекте Улагача, артикль не употребляется перед собственными именами.

Вообще малоазиатские диалекты отличаются интересными особенностями в употреблении артикля. Скажем, в каппадокийских диалектах Дельмесо, Потамии, Синасоса²⁵ формы артикля N. и A. m и f не употребляются при личных существительных. В диалекте Силли определенный артикль сохранился только в A. Sing. и Pl. при том, что существительное обладает шести- или четырехчленной парадигмой (так что диалект Силли можно определить как сочетание III, 3). Интересно также отметить для ряда каппадокийских диалектов существование в Sing. формы определенного A. и неопределенного A. (совпадает с N.), например, в диалекте Дельмесо форма $\acute{\alpha}\delta\rho\omega\tau\omicron\varsigma$ служит для выражения N. и A. indef., а форма $\acute{\alpha}\delta\rho\omega\tau\omicron$ — для выражения A. def. Все эти особенности явно вытекают из влияния турецкого языка и, пожалуй, нигде более не отмечаются.

Распределение диалектов по схеме дает следующие основные сочетания: I, 1; II, 1 $\vee$ 2; III, 3.

Интерпретируя их в содержательном плане, можно прийти к выводу, что в общем существует некоторое равновесие между состоянием склонения существительного и артикля. Если исключить тип I, 1, где (в огрубленном виде) артикль дублирует флексии существительного, то в остальных случаях мы как бы имеем дело с некоторой константой, внутри которой и происходят изменения таким образом, что усиление одной стороны означает ослабление противоположной. Правда, наряду с этим существует и тенденция к редукции склонения и к более широкому употреблению фиксированных предложных конструкций. Сказанное выше имеет значение и для синтеза, так как хотя по количеству формообразующих средства примерно равны тем, которые зафиксированы в димотике, их распределение меняется, что и вызывает соответственные частные изменения в приемах. Однако для синтеза остается проблема образования множественного числа, состоящая в правильном выборе флексии. В данном случае можно ограничиться лишь одним примером — образованием множественного числа в цаконском диалекте, в наибольшей степени отличающемся от димотики; в нем не род определяет число, а число определяет род (табл. 22). Распределение флексий в цаконском диалекте показывает, с одной стороны, очень сильную нейтрализацию по роду,

²⁵ R. M. Dawkins. Указ. соч.

Образование множественного числа в цаконском диалекте

Sing.	Pl.												
	2. -ε	9. -οι	10. -αδῆς	10. -εδῆς	10. -γδῆς	5. -οο	11. -οουε	10. -οοδῆς	12. -ιδῆς	13. -αε	1. -α	14. -ιοο	15. -τοο
1. -α	m ∨ f	m	m			m				f			n
2. -ε		m		m			m						
3. -η	f		f										
4. -ο		m					m				n		
5. -οο								m ∨ f					
6. -ια			f						f				
7. -ι												n	
8. -λι						n							

и, с другой, — разнообразие флексий для образования множественного числа (табл. 23). Выясняется, что экономнее всего давать при исходной форме флексию Pl., так как сочетание флексий Sing. и Pl. почти всегда (за исключением двух случаев) однозначно определяет род²⁶ (при синтезе существительного в димотике флексия Pl. однозначно выводилась на основании информации об исходной форме и роде). Выше говорилось в основном о сравнительном состоянии склонения существительного и артикля и лишь вскользь упоминалось об общей тенденции к редукции склонения. Эта редукция, проявляющаяся в утрате граммем G. и слияния N. и A. (что в Pl. проявляется уже в димотике)²⁷, в ряде диалектов вызывается и чисто фонетическими причинами. Так, в цаконском утрата конечного ς уничтожает в Sing. родовое и падежное противопоставление и увеличивает нейтрализацию по числу (например, для флексии -ε). Это служит довольно наглядным показателем состояния склонения в димотике, которое практически держится именно на этом конечном ς . Это важно отметить ввиду общевалканистической тенденции к утрате склонения, особенно

²⁶ Полная аналогия с румынским языком (см. соответствующую главу).

²⁷ См. об этом в наиболее авторитетной грамматике Хатцидакиса: G. H. Hatzidakis. Einleitung in die neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892.

Распределение флексий в цаконском диалекте *

Флексия	Sing.			Pl.		
	m	f	n	m	f	n
1. -α	+	+	+			+
2. -ε	+	+		+	+	
3. -η	+	+				
4. -ο	+		+			
5. -ου	+	+		+		+
6. -ια		+				
7. -ι			+			
8. -λι			+			
9. -οι				+		
10. -δε				+	+	
11. -ουε				+		
12. -ιλε					+	
13. -αε					+	
14. -ιου						+
15. -του						+

* 15 флексий образуют 27 словоформ.

в существительном. Новогреческие диалекты крайне интересны именно с этой точки зрения, благодаря тому что они предлагают большое разнообразие и по абсолютному, и по относительному сохранению склонения. При этом для наших целей, пожалуй, наиболее интересны изолированные пелопоннесские диалекты — цаконский и маниотский, в которых утрата склонения у существительного вызвала переход форморазличительной нагрузки на артикль и увеличение тем самым степени его грамматичности.

Глава IV

РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК

В качестве исходного материала берется фрагмент системы существительного (основные типы склонения) в письменной форме румынского литературного языка (дакорумынский диалект).

АНАЛИЗ

Анализ румынского существительного ведется фономорфологическими и синтаксическими средствами. Некоторые особенности румынского языка (о них будет сказано ниже) заставляют четко разграничить морфологический и синтаксический уровень анализа с соответственным выделением граммем, получающих выражение либо на обоих уровнях по-разному (например, граммема падежа), либо только на одном уровне (например, граммема одушевленности на синтаксическом). На морфологическом уровне румынское существительное характеризуется сочетанием трех граммем: рода, числа и падежа. Различаются два рода — мужской (m) и женский (f)¹, два числа — единственное и мно-

¹ Проблеме существования в румынском языке среднего рода и выбора критериев для его выделения посвящено много работ — из последних см., например: А. Росетти. *Slavo-romanica* (о категории среднего рода и категории личности в румынском языке). ВСЯ, вып. 4, 1959; Он же. *Despre genul neutru și genul personal în limba română*. — «Stud. cerc. lingv.», VIII, 1957, № 4; Он же. *Remarques sur la catégorie du genre en roumain*. «*Studia linguistica*», 1959, № 2; Он же; *Neutrul în română*. «*Stud. cerc. lingv.*», I, 1950; Al. Graur. *Discuții în jurul genului neutru*. «*Viața românească*», 1957, № 5; Он же. *Genul neutru în românește*. — LR, 1954, № 1; I. Pătruț. *Despre genul neutru în limba română*. «*Cercetări de lingvistică*», I, 1956, № 1—4; I. Bujor. *Genul substantiveilor în limba română*. — LR, 1955, № 6; R. Jakobson. *On the Rumanian neuter*. «*Cercetări de lingvistică*», III, 1958 (supliment); E. Vasiliu. *Observații asupra categoriei genului în limba română*. «*Stud. cerc. lingv.*», XI, 1960, № 3; S. Marcus. *Le genre grammatical et son modèle logique*. «*Cahiers*», 1962, № 1; Он же. *O analiză sincronică a genului gramatical*. «*Stud. cerc. lingv.*», XIII, 1962, № 3 и др. В данной работе при анализе оказалось возможным исключить средний род из рассмотрения (не отка-

жественное (Sing. и Pl.) и два падежа — прямой (Dir.) и косвенный (Obl.). Насчитывается восемь разных сочетаний граммем (I—VIII).

I Dir. Sing. m	V Dir. Pl. m
II Obl. Sing. m	VI Obl. Pl. m
III Dir. Sing. f	VII Dir. Pl. f
VI Obl. Sing. f	VIII Obl. Pl. f

Эти сочетания граммем обслуживаются 10 флексиями, способными образовывать 30 словоформ, что само по себе свидетельствует о наличии нейтрализации граммем, в то же время существует синонимия флексий (см. табл. 24).

Таблица 24

Распределение флексий имени существительного в румынском языке (анализ) *

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+						
2. -i [i ∨ i̇ ∨ 'i]**	+	+		+	+	+	+	+
3. -e [e]	+	+	+	+			+	+
4. -u [u]	+	+						
5. -ă [ə]	+	+	+					
6. -a [a]			+					
7. -ea [ʼa]			+					
8. -ale [ale]				+			+	+
9. -ele [ele]				+			+	+
10. -uri [urʼ]							+	+

* 10 флексий образуют 30 словоформ.

** Флексия № 2 разобьется на три. В конце слова после гласных [i] — *fi-i* — [fi], после согласных [ʼ] — *lur-i* [lurʼ]; в остальных случаях [i].

зываясь, однако, от этого понятия вообще, но считая его существующим в парадигматическом плане), так как анализ ведется в синтагматическом плане (т. е. по тексту), и, следовательно, невозможно найти ни одной формы, где бы средний род отличался одновременно от мужского и женского,

Система склонения в румынском языке крайне редуцирована — различие Dir. и Obl. проявляется только в женском роде в единственном числе; определенные группы существительных не имеют особой формы множественного числа (например, m на -i); исходная форма существительного далеко не всегда может однозначно определить его род. Возможность выделения восьми указанных выше сочетаний граммем обеспечивается наличием так называемого членного склонения, т. е. склонения существительного вместе с определенным артиклем, обычно постпозитивным, составляющим с ним единое целое и в общем являющимся показателем падежа, своего рода флексией² (см. табл. 25).

Таблица 25

Членное склонение румынского существительного *

Артикль **	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
a) x + -(u)l	+							
b) x + -le	+						+	
c) x + -lui √ lui + S.		+						
d) x + -i				+	+			
e) x + -lor						+		+
f) x + -ua			+					
g) x √ y + -a			+					

* 7 форм артикля образуют 10 словоформ.

** x — флексия существительного (S.); y — последний согласный основы. Имеется в виду случай, *casă* — *casă*, где считается, что форма определенного артикля заменяет собой флексию существительного.

Для целей анализа следует перечислить все виды нейтрализации, тем более что она существует не только в каждом виде склонения в отдельности, но и между ними.

² См.: E. Vasiliu. Observații asupra flexiunii nominale în limba română. «Stud. cerc. lingv.», IV, 1953. — См. также оригинальную постановку проблемы склонения в работе Моисила (G. Moisil. Problèmes posés par la traduction automatique. La déclinaison en roumain écrit. «Cahiers», 1962, № 1), где проводится разбиение существительных на группы соответственно всем существующим видам парадигм.

Нейтрализация в нечленном склонении

По падежу

- 1) № 1 → I ∨ II, читается: если флексия № 1 (-#), то это либо I (Dir. Sing. m), либо II (Obl. Sing. m) сочетание граммем, например *muncitor-#* (Dir. ∨ Obl. Sing. m);
- 2) № 4 → I ∨ II, например *codr-u* (Dir. ∨ Obl. Sing. m);
- 3) № 10 → VII ∨ VIII, например *mărf-uri* (Dir. ∨ Obl. Pl. f).

По падежу и роду

- 1) № 5 → I ∨ II ∨ III, например *tat-ă* (Dir. ∨ Obl. Sing. m), *cas-ă* (Dir. Sing. f).

По падежу и числу

- 1) № 8 → IV ∨ VII ∨ VIII, например *mant-ale* (Obl. Sing. ∨ Dir. ∨ Obl. Pl. f);
- 2) № 9 → IV ∨ VII ∨ VIII, например *st-ele* (Obl. Sing. ∨ Dir. ∨ Obl. Pl. f).

По падежу, роду и числу

- 1) № 2 → I ∨ II ∨ IV ∨ V ∨ VI ∨ VII ∨ VIII, например *och-i* (Dir. ∨ Obl. Sing. ∨ Dir. ∨ Obl. Pl. m), *cărți-i* (Obl. Sing. ∨ Dir. ∨ Obl. Pl. f).

Нейтрализация в членном склонении

По роду

- 1) *e* → VI ∨ VIII, например *ochi-lor* (Obl. Pl. m), *cărți-lor* (Obl. Pl. f).

По роду и числу

- 1) *b* → I ∨ VII, например *frate-le* (Dir. Sing. m), *case-le* (Dir. Pl. f).

По роду, числу и падежу

- 1) *d* → IV ∨ V, например *ochi-i* (Dir. Pl. m), *luni-i* (Obl. Sing. f).

Нейтрализация между членным и нечленным склонением

По артиклю

- 1) № 6 (*g*) → III s. Art. ∨ c. Art., читается: если флексия № 6 (форма артикля — *g*), то это либо Dir. Sing. f без артикля (*sine articulo*), либо с артиклем (*cum articulo*), например *mant-a* (III s. Art.), *cas-a* (III c. Art.);
- 2) № 7 (*g*) → III s. Art. ∨ c. Art., например, *st-ea* (III s. Art.), *cart-ea* (III c. Art.).

По роду, числу, падежу и артиклю

- 1) № 9 (*b*) → I c. Art. ∨ IV s. Art. ∨ VII s. Art. ∨ VIII s. Art. ∨ VII c. Art., например *frate-le* (Dir. Sing. m c. Art.),

ste-le (Obl. Sing. √ Dir. √ Obl. Pl. f s. Atr.), *cărți-le* (Dir. Pl. f c. Atr.).

Нейтрализация в членном склонении менее существенна, так как она в большой степени снимается сочетанием флексий существительного с формой артикля, например № 3 + *-lor* → VIII (*cas-e-lor*, f).

Обычно грамматики придерживаются четырехпадежной системы румынского языка: N., A., G., D. Критерием служит возможность замены существительного соответствующими формами личного местоимения³; это в данном случае неприменимо, так как анализ ведется в синтагматическом плане и притом в пределах простого предложения, так что могут быть использованы только безударные формы личных местоимений, являющихся репризой существительного.

Различение основных логико-синтаксических единиц переносится на синтаксический уровень (кроме того, на синтаксическом уровне появляется возможность выражения категории одушевленности, хотя и в ограниченных масштабах). Далее (табл. 26) показано, как выражаются логико-синтаксические единицы средствами морфологического уровня (с учетом обоих видов падежной системы румынского языка: традиционной и принятой здесь).

Нейтрализация G. и D. для выражения атрибута несущественна: употребление D. в роли G., сейчас восстанавливаемое только исторически, не вносит никаких особых содержательных оттенков. На синтаксическом уровне не будет рассматриваться каждое в отдельности значение предложных конструкций для выражения адверба, так как оно определяется семантикой конкретного предлога; исключение делается только для предлога *pe*, имеющего в некоторых положениях чисто грамматическое значение (категория одушевленности). Анализ предполагается вести отдельно на каждом уровне, с учетом разного количества и содержания сочетаний граммем на каждом из них. Для анализа выбираются следующие средства:

1. Флексия существительного.
2. Форма артикля (определенный, притяжательный, определительный).
3. Флексия согласованного определения (прилагательное, числительное, местоимение, причастие).
4. Безударные формы личных местоимений.
5. Сведения, заключенные в форме глагола.
6. Порядок слов.

---

³ Из последних работ см: P. Diaconescu. Le système casuel du roumain. — Cahiers, 1962, 1; V. Hořejší. Cazul direct și sintaxa lui în limba română. «Stud. cerc. lingv.», 1960, 3; Он же. Quelques traits caractéristiques du système casuel roumain. «Philologica pragensia», 1964, № 1.

Синтаксический уровень	Морфологический уровень	Деление в грамматиках
1. Subj.	Dir.	N.
2. Obj. dir.		A.
3. Adv.*	Dir., Obl.	N.**, A., G.
4. Atr.	Obl.	G., D.
5. Obj. obl.		D.

* Адverb как правило выражается сочетанием существительного в прямом (Dir. √ A.) или косвенном падеже (Obl. √ G.) с предлогом; кроме того, в ряде случаев адverb может выражаться и беспредложным Dir. (см. об этом; T. Fotitch. *The linguistic physiognomy of modern Rumanian*. «Orbis», I, 1952); обычно такое употребление считают переходом существительного в категорию наречия (см., например: A. Guillemlou. *Manuel de langue roumaine*, Paris, 1953). Подробную классификацию такого употребления существительных по семантическим признакам см.: L. Seche. *Substantive sau adverbe?* — LR, 1958, № 6.

** Предположительно, так как нельзя найти пример с заменой существительного в Adv. личным местоимением (*пришел бегом — им.*).

Морфологический уровень

Единственная определенная информация, которую можно извлечь из флексий нечленного склонения, заключается в следующем: № 2 ≠ III, т. е. если флексия *-i*, то это не может быть Dir. Sing. f. Поэтому анализ начинается с шага II: флексия существительного и форма определенного артикля. Определенный артикль⁴ выбирается по некоторым общим соображениям типологического характера. В румынском языке он не является средством с наибольшей разрешающей способностью, уступая в разнообразии формы неопределенному артиклю (правда, если с некоторой натяжкой принять для Dir. Pl. формы *unii* и *unele*), определительному артиклю, указательным местоимениям.

II шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме артикля.

Табл. 27 читается: если флексия № 1 и форма артикля *-ul*, то это I сочетание граммем, например *muncitor-#-ul* (Dir. Sing. m).

II шаг разрешает 24 формы из 30.

⁴ Систематическое изложение функций определенного артикля в румынском языке см. в работе Хансена: A. R. Hansen. *Artikel systemet i rumænsk*. København, 1952.

Разрешающая способность определенного артикля в румынском языке

Флексия	Артикль								
	-l [l]	-ul [ul]	-i [i]	-le [le]	-lui [lui]	-lor [lor]	-a [a]	-ua [ua]	-ului [ului]
1. -#		I							II
2. -i [i]		I	IV ∨ V	VII		VI ∨ VIII			II
3. -e [e]			IV	I ∨ VII	II	VIII	III		
4. -u [u]	I				II				
5. -ă [ə]	I						III		
6. -a [a]								III	
7. -ea [ea]								III	
8. -ale [ale]			IV	VII		VIII			
9. -ele [ele]			IV	VII		VIII			
10. -uri [ur']				VII		VIII			

II-а шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и флексии прилагательного с основой на твердый согласный (тип *bun-#*, *-ă*):

- № 2+ *-ilor* → VI, например *bun-ilor tovarăș-i* (Obl. Pl. m);
- № 2+ *-elor* → VIII, например *bun-elor vulp-i* (Obl. Pl. f).

II-а шаг определяет 2 сочетания граммем и 2 словоформы из 6 оставшихся.

III шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного, форме определенного артикля и форме определительного артикля.

- № 2+ *-i + cei* → IV, например *lun-i-i cei...* (Obl. Sing. f);
- № 2+ *-i + cei* → V, например *och-i-i cei...* (Dir. Pl. m);
- № 3+ *-le + cel* → I, например *frat-e-le cel...* (Dir. Sing. m);
- № 3+ *-le + cele* → VII, например *cas-e-le cele...* (Dir. Pl. f).

III шаг определяет 4 сочетания граммем и 4 словоформы из 4 оставшихся. В III шаге определенный артикль избыточен — определительный артикль содержит исчерпывающую информацию о сочетании граммем. Однако от этой избыточности нельзя освободиться, так как определительный артикль может появ-

ляться только при членной форме существительного. Анализ на морфологическом уровне этим заканчивается. На синтаксический уровень переносится только снятие нейтрализации между членным и нечленным склонениями.

Синтаксический уровень

Снятие нейтрализации по артиклю

1. S. + Art. adj. → S. c. Art., читается: если после существительного следует определительный артикль, то существительное стоит в членной форме, например *casa* (S. c. Art.) *cea mare*.

2. Art. indef. + S. → S. s. Art., читается: если существительному предшествует неопределенный артикль, то существительное стоит в нечленной форме, например *o manta* (S. s. Art.).

3. Adj. c. Art. + S. → S. s. Art., читается: если существительному предшествует прилагательное (причастие) в членной форме, то существительное стоит в нечленной форме, например *buna manta* (S. s. Art.).

4. Praep. + S. → S. s. Art., читается: если существительному предшествует предлог (кроме *cu*), при том что оно не имеет при себе определения, то существительное стоит в нечленной форме, например *pe stea* (S. s. Art.).

5. Adj. dem. + S. → S. s. Art. } по положению указательного
S. + Adj. dem. → S. c. Art. } прилагательного *acest*, например: *aceasta stea* (S. s. Art.),
по *cartea* (S. c. Art.) *această*.

Перечислены основные, наиболее обозримые способы разрешения нейтрализации между членным и нечленным склонением. Дальнейшей задачей синтаксического уровня является различение логико-синтаксических единиц.

Определение граммем специально синтаксического уровня

Casus Directus

Прямой падеж может употребляться в роли субъекта, прямого объекта и адверба.

Предварительно выделяются основные синтагмы, в которые входит существительное в прямом падеже и где происходит отмеченная нейтрализация: 1) «существительное + существительное» и 2) «существительное + глагол»; при этом комбинируется взаимное положение членов словосочетания.

1. а) S. Dir. + V. → Subj. + Praed., например: *luna* (Subj.) *se ridică*; читается: если существительное в прямом падеже морфологического уровня стоит перед предикатом, ему может приписываться роль субъекта;

b) S. Dir. + V. → Obj. dir. + Praed., например: *casa* (Obj. dir.) *am văruit-o*.

2. a) V. + S. Dir. → Praed. + Subj., например: *de aici decurge o tendință* (Subj.) *nouă*;

b) V. + S. Dir. → Praed. + Obj. dir., например: *Eu vă trimit o scrisoare* (Obj. dir.);

c) V. + S. Dir. → Praed. + Adv., например: *a venit fuga* (Adv.).

3. a) S. Dir. + S. Dir. → Subj. + Subj. √ Obj. dir. + Obj. dir. (аппозиция, например: *Ion pădurarul*);

b) S. Dir. + S. Dir. + (V) → Adv. + Subj. √ Obj. dir. + (Praed.), например: *fiicare dimineata* (Adv.) *tatăl* (Subj. √ Obj. dir.);

c) (V) + S. Dir. + S. Dir. → (Praed.) + Subj. √ Obj. dir. + Adv., *eu am văzut caștanii* (Obj. dir.) *primăvara* (Adv.).

Описанные словосочетания комбинируются в последовательности, представляющие собой некоторые общие конструкции фраз румынского языка. Достаточно выделить две таких «фразы», перечислив все их возможные воплощения на синтаксическом уровне:

1. S. Dir. + V. + S. Dir. → Subj. + Praed. + Obj. dir. √ Obj. dir. + Praed. + Subj. √ Adv. + Praed. + Subj. √ Subj. + Praed. + Adv. √ Subj. + Praed. + Subj., например:

a) *În limba română actuală articolul* (Subj.) *are și rolul* (Obj. dir.) *de morfem al cazului oblic*.

b) *Toate sunetele* (Obj. dir.) *unii limbi date le-descrie fonetică* (Subj.).

c) *Primăvara* (Adv.) *cîntă privighetorile* (Subj.).

d) *Lacrimi* (Subj.) *pică șiroaie* (Adv.).

e) *Nominativul* (Subj.) *este cazul* (Subj.) *subiectului*.

2. S. Dir.₁ + S. Dir.₂ + V. + S.' Dir. + S." Dir. → Subj. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Obj. dir. √ Obj. dir. + Obj. dir. + Praed. + Subj. + Subj. √ Adv. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Adv. √ Adv. + Obj. dir. + Praed. + Subj. + Adv. √ Adv. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Obj. dir. √ Subj. + Subj. + Praed. + Obj. dir. + Adv. . . .

Прочие комбинации не приводятся, ввиду того что они не вносят ничего качественно нового.

Вводить S. Dir. 3 и т. д. излишне, так как это может быть только аппозиция (например, *iarna cavalerul Dimitru Dăscălescu . . .* — все S. Dir.). Приведенные конструкции представляют собой крайний случай, пик нейтрализации, так как в них исключаются прочие вспомогательные средства — вообще вместо существительных могут стоять другие части речи (местоимение, наречие), играющие ту же синтаксическую роль. При наличии таких вспомогательных средств падеж существительного может определяться методом исключения, например: *el avea ochi verzi* — *el* — Subj., следовательно, *ochi* — Obj. dir.

Конструкция первая и особенно вторая свидетельствуют о том, что порядок слов играет довольно относительную роль:

фиксировано, пожалуй, только положение адверба относительно субъекта и прямого объекта и то, что субъект и прямой объект должны быть разделены предикатом. Именно предикат оказывается основным средством распознавания. Предикат может указывать на возможность присутствия в фразе субъекта, прямого объекта, в некоторых случаях адверба (если S. Dir. не есть Subj., а Praed. выражен переходным глаголом). Его различающая способность ограничена тем, что он не может отличить субъект от прямого объекта. Средствами для распознавания являются сведения о лице и числе (где это возможно), переходности, залоге, наклонении, что можно раскрыть следующим образом (положение существительного относительно предиката безразлично):

1. S. Dir. + V. 1—2 л. √ Imperat. → Obj. dir., например: *ascultăți, oameni buni, povestea* (Obj. dir.) *mea*;

2. S. Dir. + V. intrans. → Subj., например: *din limbile slave a intrat în limba română consoană* (Subj.) *laringală «h»*;

3. S. Dir. + V. pass √ refl. → Subj., например: *au fost renovate 5 pavilioane* (Subj.);

4. S. Dir. + V. a fi + S. Dir. → Subj. + Praed. + Subj., например: *neferecirea* (Subj.) *e un dar* (Subj.) *ceresc*;

5. S. Dir. + V. intrans. √ pass. √ refl. + S. Dir. → Subj. + Praed. + Adv. √ Adv. + Praed. + Subj., например: *o scrisoare* (Subj.) *a venit azi dimineața* (Adv.).

6. Если в предикате есть указание на число, а S. Dir.₁ и S. Dir.₂ различаются по числу, то Subj. будет то S. Dir., которое согласуется в числе с глаголом, например: *elevele* (Pl.—Subj.) *au scris* (Pl.) *o scrisoare* (Sing.).

Если в предложении есть по крайней мере два существительных, о которых известно, что одно из них может быть субъектом, а другое — прямым объектом (S. Dir.₁ + V. + S. Dir.₂), то стоящее перед предикатом S. Dir. есть субъект, а после — прямой объект (если нет указания на инверсию), например: *concertul* (Subj.) *a oferit melomanilor o seară* (Obj. dir.) *memorabilă*. Указанием на инверсию, т. е. на начальное положение во фразе Obj. dir., является реприза безударной формы личного местоимения в падеже Obj. dir., например: *un rol important l'au avut cercurile științifice*. Однако это не всегда соблюдается, например: *un loc* (Obj. dir.) *aparte ocupă formațiile* (Subj.) *în -ism și -ist*⁵. Вообще эффективным средством анализа в румын-

⁵ См. статью Ф. Асана (F. Asan, Reluarea complementului în limba română. «Studii de gramatică», III, 1961), где говорится о зависимости местоименной репризы от наличия артикля при имени. С другой стороны, в современном литературном языке зафиксированы случаи появления репризы независимо от положения во фразе объекта, например: *a iubit-o pe Emilia* (обычно при существительных личных). См. об этом: I. Coteanu, Anticiparea complementului prin pronume, o regulă gramaticală nouă? — LR, 1963, № 3.

ском языке является так называемая «отрицательная» информация. Особое значение она приобретает при спитии нейтрализации субъекта, прямого объекта и адверба, когда для того, чтобы приписать S. Dir. значение адверба или прямого объекта, надо доказать, что S. Dir. не является субъектом. Предполагается, что во фразе всегда содержится указание (предикатом, контекстом и т. п.) на возможность присутствия в ней субъекта. Рассуждение ведется следующим образом. Есть последовательность Sq. (S. Dir. + Praed.), где предикат может или не может иметь субъект, то: 1) если в предложении не может быть субъекта (например, предикат выражен безличной или неопределенно-личной формой глагола) — S. Dir. → Obj. dir. √ Adv.; 2) если предикат должен иметь при себе субъект, то нейтрализация снимается указанными выше способами.

В целом ряде случаев нейтрализация может разрешаться только на лексико-семантическом уровне, что особенно касается адверба, где возможно смешение с аппозицией (*doamna Maria...* и *toamna Maria...*). Синтаксически этот случай может быть разрешен только если S. Dir.₁ и S. Dir.₂ не согласованы по числу, например: *toamna copii...*

Casus Obliquus

Косвенный падеж морфологического уровня служит для выражения атрибута и косвенного объекта. Как и для Dir., выделяются основные словосочетания, в которые входит существительное в Obl.; при этом обычно оно занимает последнее место:

1. Adj. + S. Obl. → Obj. obl., читается: если существительное в Obl. сочетается с прилагательными, то оно выражает косвенный объект, например: *credincios țării* (Obj. obl.) *sale*.

2. V. + S. Obl. √ S. Obl. + V. → Obj. obl., читается: если существительное в Obl. стоит непосредственно перед или после предиката, то это — косвенный объект, например: *am dat calcului* (Obj. obl.) *apă*.

3. S. + S. Obl. → Atr. √ Obj. obl., например: *cazul obiectului* (Atr.), *salut luptătorilor* (Obj. obl.). Трудность представляет только третий случай, где нейтрализация атрибута и косвенного объекта, может вызвать двусмысленность (*imnul moldovenilor*, *imn moldovenilor* 'гимн молдаван' или 'гимн молдаванам').

Существуют следующие возможности снятия нейтрализации:

1. Притяжательный артикль. S. + Art. poss. + S. obl. → Atr., например: *stăpîn al casei* (Atr.).

2. Местоименная реприза. S. Obl. + Pron. Obl. + V → Obj. obl., например: *prefectului îi jucară iarăși ochii*.

По правилу реприза появляется, только если косвенный объект стоит перед предикатом; однако засвидетельствованы

и случаи появления репризы при прямом порядке слов, например: *i-a aruncat valetului, i-a făcut semn lui Indrea* и т. п.⁶

3. S. с. Art.+S. Obl. → Atr., например: *scrisoarea vecinului* (Atr.); S. s. Art.+S. Obl. → Obj. obl., например: *scrisoare vecinului* (Obj. obl.).

Однако в ряде случаев S. Obl., стоящее после S. s. Art., имеет значение Atr. (в грамматиках это классифицируется как употребление D. в роли G., обычно приводимый пример *preot deșteptării noastre*). Они немногочисленны, имеют скорее стилистическое значение и без затруднений разрешаются на лексико-семантическом уровне⁷.

Нельзя не упомянуть еще об одной особенности румынского языка, заключающейся в том, что в определенных положениях Dig. может иметь значение Obl.: если существительные мужского рода в единственном числе или существительные во множественном числе входят в сочетание с другими словами, то только первое ставится в Obl., например: *cuvintele bătrînului Radomir*⁸; *tatăl Annei Frank, fetița de 13 ani*. Средством, обнаруживающим эту особенность, является правильное синтагматическое разбиение, т. е. правильное соотнесение определяющего и определяемого, что в данном варианте анализа дается в условии.

Категория одушевленности

Категория одушевленности обнаруживается лишь в некоторых положениях:

1) Если S. n. → S. inanim. (что соответственно может выделяться уже на морфологическом уровне, при введении категории среднего рода).

2) Если перед существительным, играющим роль прямого объекта, есть предлог *pe* (который имеет грамматическое значение только после переходных глаголов), то это может быть одушевленное существительное, например: *Pavel bate pe cîine* (Subst. anim.). Необходимо отметить ограничения в употреблении *pe* для выражения одушевленности:

a) в некоторых случаях *pe* может вводить косвенное дополнение, например: *s'au cam supărat pe frații săi*⁹.

b) наличие или отсутствие *pe* может зависеть, в частности, от артикулированности существительного, например: *iubesc pe fata — iubesc o fată*¹⁰.

⁶ См.: I. Coteanu. Указ. соч.

⁷ См. об этом: I. Iordan. *Limba romînă contemporană*. București, 1956.

⁸ Подробно это описано в кн.: Kr. Sandfeld, H. Olsen. *Syntaxe roumaine*, I, Paris, 1936.

⁹ См.: I. Rîzescu. *Observații asupra complementului indirect sau al atribuirii*. — LR, 1961, № 5.

¹⁰ См.: Al. Niculescu. *Asupra obiectului direct prepozițional în limbile romanice*. «Stud. cerc. lingv.», X, 1959, № 2.

3) Внутри категории одушевленности румынский язык выделяет категорию личности. Категория личности проявляется в Obl. путем препозиции определенного артикля при собственных и некоторых нарицательных существительных мужского рода, например: *artea lui Eminescu* (S. личн.)¹¹.

На этом процедура анализа заканчивается.

СИНТЕЗ

Синтез румынского существительного, как и анализ, осуществляется последовательно на двух уровнях — морфологическом и синтаксическом. Каждое существительное с помощью собственной флексии может образовать самое большее две разных формы, в которых осуществляется противопоставление Sing. — Pl. (а для f — Dir. Sing. — Obl. Sing. √ Pl.). Набор флексий переносится из анализа без каких бы то ни было изменений, однако

Таблица 28

Распределение флексий имени существительного в румынском языке (синтез)*

Флексия	Sing.						Pl.					
	m		f		n		m		f		n	
	Dir. I	Obl. II	Dir. III	Obl. IV	Dir. V	Obl. VI	Dir. VII	Obl. VIII	Dir. IX	Obl. X	Dir. XI	Obl. XII
1. -#	+	+			+	+						
2. -i [i √ i √ ']	+	+		+			+	+	+	+	+	+
3. -e [e]	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+
4. -u [u]	+	+			+	+						
5. -ă [ə]	+	+	+									
6. -a [a]			+									
7. -ea [a]			+									
8. -ale [ale]				+					+	+		
9. -ele [ele]				+					+	+		
10. uri [ur']									+	+	+	+

* 10 флексий образуют 42 словоформы.

¹¹ О некоторых других способах выражения категории личности см.: «Gramatica limbii române». I. București, 1954.

распределение флексий меняется из-за введения грамемы среднего рода (n), табл. 28.

Принятие среднего рода оказалось необходимым потому, что синтез ведется от исходной формы к искомой, таким образом, в операции участвуют две формы, что автоматически разбивает существительные на три группы, соответствующие мужскому, женскому и среднему роду. При синтезе возникает необходимость и в некоторых дополнительных сведениях, к которым относятся огласовка основы, исход основы, ударение. Все эти сведения должны содержаться в словаре, правила же их применения будут даны непосредственно в ходе синтеза. При том, что флексия *Dir. Sing.* дается в словаре, задачей синтеза на морфологическом уровне остается определение рода существительного и образование второй формы парадигмы.

Морфологический уровень

Основная трудность синтеза состоит: 1) в разрешении синонимии флексий, образующих множественное число женского (от основ на -a) и среднего рода (от основ на -# и -u), и 2) в снятии нейтрализации по роду, проявляющейся в *Sing.* и *Pl.*

1. *Pl.* f → № 2 ∨ № 3 ∨ № 10, например *pietr-e, creng-i, mărġ-uri*;

Pl. n → № 3 ∨ № 10, например *fruct-e, dor-uri*.

Синонимия может быть частично разрешена, например, отсылкой к суффиксу (существительные f на -*ută, -ană* и т. д. имеют в *Pl.* флексию -e¹²). Реальным способом ее разрешения является список¹³.

2. Распределение флексий по родам (для *Sing.* и *Pl.* отдельно) происходит следующим образом:

<i>Sing.</i> № 1 → m ∨ n,	например	<i>sac-# (m), fruct-# (n)</i> ;
№ 2 → m,	»	<i>och-i (m)</i> ;
№ 3 → m ∨ f ∨ n,	»	<i>frat-e (m), cart-e (f), num-e (n)</i> ;
№ 4 → m ∨ n.	»	<i>socr-u (m), tablo-u (n)</i> ;
№ 5 → f ∨ m,	»	<i>cas-ă (f), tat-ă (m)</i> ;
№ 6 → f,	»	<i>mant-a (f)</i> ;
№ 7 → f,	»	<i>st-ea (f)</i> .

Основным препятствием для синтеза является полная нейтрализация мужского и среднего рода, не разрешимая никакими

¹² См.: I. Iordan, *Gramatica limbii române*. București, 1937.

¹³ В данной работе не будут рассматриваться варианты формы *Pl.* для существительных f, составляющие сравнительно небольшое число, не поддающиеся никаким формальным правилам и относящиеся, скорее, к семантическому уровню (см. об этом: S. Pop, *Grammaire roumaine*. Berne, 1948).

способами, кроме априорного знания, и препятствующая правильному выбору флексии для Pl.¹⁴

№ 2 → m √ f √ n, например *socr-i* (m), *cărț-i* (f);
studi-i (n);

№ 3 → f √ n, » *cas-e* (f); *num-e* (n);

№ 8 → f, » *mant-ale* (f);

№ 9 → f, » *st-ele* (f);

Pl. № 10 → f √ n, » *mărț-uri* (f), *vrem-uri* (n).

Более точные сведения о роде можно получить на основании сочетаний флексий Sing. и Pl.:

1. № 1, № 2 → m, например *sac-#*, *sac-i* (m);

2. № 1, № 3 √ № 10 → n, » *fruct-#*, *fruct-e*,
dor-#, *dor-uri* (n);

3. № 2, № 2 → m, » *och-i*, *och-i* (m);

4. № 3, № 2 → m √ f, » *frat-e*, *fraț-i* (m), *cart-e*,
cărț-i (f);

5. № 3, № 3 → f √ n, » *servitoar-e*, *servitoar-e*
(f), *num-e*, *num-e* (n);

6. № 4, № 2 → m √ n, » *fi-u*, *fi-i* (m), *studi-u*,
studi-i (n);

7. № 4, № 3 √ № 10 → n, » *noroi-u*, *noroi-e* (n),
tablo-u, *tablo-uri* (n);

8. № 5, № 2 → m √ f, » *tat-ă*, *tați* (m), *creang-ă*,
creng-i (f);

9. № 5, № 3 √ № 10 → f, » *cas-ă*, *cas-e*, *marf-a*, *mărț-*
uri (f);

(8. и 9. можно объединить: № 5, № 2 √ № 3 √ № 10 → m √ f).

10. № 6, № 8 → f, например *mant-a*, *mant-ale* (f);

11. № 7, № 9 → f, » *st-ea*, *st-ele* (f).

Флексия множественного числа и род являются функциями друг от друга, но по крайней мере что-нибудь одно должно быть приписанным извне для того, чтобы определить другое. Возникает вопрос, что целесообразнее, приписать существительному в словаре род (тогда придется прибегнуть к спискам в 2., 7. и 9.) или приписать флексию Pl. (тогда придется избавляться от нейтрализации по роду в 4., 5. и 8. В 4. и 5. следует пользоваться списком, причем в 5. он будет очень коротким — приблизительно десять существительных, в 8. показателем женского рода будет суффикс *-toare*). Пожалуй, более экономным будет приписать в словаре флексию Pl., выводя род из сочетаний флексий Sing. и Pl.

¹⁴ А. Гийерму (A. Guillelmoiu. Указ. соч.) дает таблицу распределения румынского существительного по родам в зависимости от исхода основы (три и более звуков). Таблица подтверждает полную нейтрализацию m и n. В какой-то степени можно воспользоваться категорией одушевленности (не n), но этот способ не может различить неодушевленные m и n, не говоря уже о том, что его нельзя считать формальным критерием.

Благодаря этому для синтеза второй формы парадигмы остается только определить графические изменения, происходящие в основе при присоединении к ней окончаний Pl. В результате этой процедуры существительные разбиваются по родам и для каждого из них устанавливаются две формы:

Для m: Dir. $\vee$ Obl. Sing. и Dir. $\vee$ Obl. Pl.

Для f: Dir. Sing. и Obl. Sing. $\vee$ Dir. $\vee$ Obl. Pl.

Для n: Dir. $\vee$ Obl. Sing. и Dir. $\vee$ Obl. Pl.

Следующим этапом синтеза должно быть разрешение нейтрализации по падежу для существительных мужского и среднего рода и по числу и падежу для существительных женского рода. Эта нейтрализация снимается применением форм определенного артикля, например:

Dir. Sing. m $\rightarrow$ № 1 + -ul $\vee$ № 2 + ul $\vee$ № 5 + -l $\vee$ № 4 + -l;

Obl. Sing. m $\rightarrow$ № 1 + -ului $\vee$ № 2 + -ului $\vee$ № 5 + -lui $\vee$ № 4 + -lui.

Так как род определен в начале процедуры, нейтрализация определенного артикля по роду (-le для m и f) не принимается во внимание. Так как нейтрализация определенного артикля

Синтез румынского

Исходная форма	Морфологи				
	I	II	III	IV	V
1. -#, -i, m	№ 1 + -ul	№ 1 + -ului			
2. -#, -e $\vee$ -uri, n					№ 1 + -ul
3. -i, -i, m	№ 2 + -ul	№ 2 + -ului			
4. -e, -i, m $\vee$ f	№ 3 + -le	№ 3 + -lui	№ 3 + -a	№ 2 + -i	
5. -e, -e, f $\vee$ n			№ 3 + -a	№ 3 + -i	№ 3 + -le
6. -u, -i, m $\vee$ n	№ 4 + -l	№ 4 + -lui			№ 4 + -l
7. -u, -e $\vee$ -uri, n					№ 4 + -l
8. -ă, -i, m $\vee$ f	№ 5 + -l	№ 5 + -lui	(-ă) $\rightarrow$ -a	№ 3 + -i	
9. -ă, -e $\vee$ -uri, f			(-ă) $\rightarrow$ -a	№ 3 + -i	
10. -a, -ale, f			№ 6 + -ua	№ 8 + -i	
11. -ea, -ele, f			№ 7 + -ua	№ 9 + -i	

по роду всегда (кроме *-lor*) является и нейтрализацией по падежу и числу, то знание о роде автоматически определяет падеж и число (*-le, m* → Dir. Sing.; *-le, f* → Dir. Pl.) и, таким образом, снимает нейтрализацию. Все задачи синтеза на морфологическом уровне (табл. 29) оказываются выполненными. Можно добавить, что замена в исходных данных флексии множественного числа родом никак не изменила бы процедуру в отношении новых приемов — разница заключалась бы только во введении более громоздких списков.

Синтаксический уровень

Задачей синтеза на синтаксическом уровне является выражение основных логико-синтаксических единиц. Здесь чрезвычайно трудно обойтись только формальными синтаксическими приемами, не прибегая к семантическому уровню. Семантический же уровень нежелателен потому, что трудно сказать что-нибудь более точное, чем «выбрать такое S. Dir. и такой глагол, чтобы в соче-

Т а б л и ц а 29

существительного

ческий уровень						
VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
	№ 2 + -i	№ 2 + -lor				
№ 1 + -ului					№ 3 + -le № 10 + -le	№ 3 + -lor № 10 + -lor
	№ 2 + -i	№ 2 + -lor				
	№ 2 + -i	№ 2 + -lor	№ 2 + -le	№ 2 + -lor		
№ 3 + -ului			№ 3 + -le	№ 3 + -lor	№ 3 + -le	№ 3 + -lor
№ 4 + -lui	№ 2 + -i	№ 2 + -lor			№ 2 + -le	№ 2 + -lor
№ 4 + -lui					№ 3 + -le № 10 + -le	№ 3 + -lor № 10 + -lor
	№ 2 + -i	№ 2 + -lor	№ 3 + -le	№ 3 + -lor		
			№ 3 + -le № 10 + -le	№ 3 + -lor № 10 + -lor		
			№ 8 + -le	№ 8 + -lor		
			№ 9 + -le	№ 9 + -lor		

тании они давали Subj. и Praed., а не Obj. dir. и Praed. и не Adv. и Praed.». Поэтому возникает противоречие: практически (скажем, при первых шагах в изучении языка) синтезирование фраз типа: Subj. — Praed. является элементарным, однако вывести формальные правила, по которым осуществляется синтез таких фраз, весьма затруднительно. Главным препятствием является нейтрализация субъекта и адверба. Распознавание этих падежей представляло все-таки меньшую сложность, чем их синтезирование. Может быть, целесообразно дать список, куда войдут, например, существительные, играющие роль обстоятельства времени (*днем, ночью*) и т. п., а более сложные случаи объявить редкими и исключить из рассмотрения. Такой выход из положения, естественно, нельзя считать лучшим, единственное оправдание ему заключается в несоизмеримости трудности различения субъекта и адверба и распространения (частоты встречаемости) последнего в румынском языке. Кроме того, ниже будут указаны некоторые случаи, в которых адverb, хотя и отчасти, может быть определен синтаксическими средствами.

Принятые ограничения облегчают синтез субъекта: Subj. → → S. Dir. + V. intrans. √ refl. (положение S. относительно V. несущественно), например: *anii (Subj.) se trecură*.

По аналогии с анализом, синтез прямого объекта осуществляется, имея отправной точкой указание на субъект: Obj. dir. → → Subj. + V. trans. + S. Dir. √ S. Dir. + Pron. Dir. + V. trans. + Subj., например: *singurătatea (Subj.) scrie istoria (Obj. dir.) vremei*; (во втором варианте переходность глагола избыточна, так как наличие перед ним безударной формы личного местоимения в прямом падеже вполне достаточно для того, чтобы приписать существительному роль прямого объекта).

Можно найти и вариант для синтеза адверба: Adv. → Subj. + + V. intrans. √ refl. + S. Dir., например: *cîine s'a făcut colac (Adv.)*.

Для синтеза атрибута и косвенного объекта, без каких бы то ни было ограничений и добавлений, могут быть использованы приемы, установленные для анализа (сочетаемость с различными частями речи и местоименная реприза).

1. Атрибут:

- a) Atr. → Art. poss. + S. Obl., например: *(tată) al Annei Frank*.
- b) Atr. → S. c. Art. + S. Obl., например: *tatăl Annei Frank*.

2. Косвенный объект:

- a) Obj. obl. → V. + S. Obl. √ S. Obl. + Pron. Obl. + V., например: *i-am dus bătețelului...*
- b) Obj. obl. → Adj. + S. Obl., например: *credincios țării...*
- c) Obj. obl. → (V.) + S. Dir. s. Art. + S. Obl., например: *fură oăie ciobanului*.

Синтез категории одушевленности при выражении прямого объекта осуществляется с помощью предлога *pe*, а при выраже-

нии атрибута и косвенного объекта (для собственных имен и некоторых личных — мужского рода) — путем препозиции определенного артикля, при условии, что одушевленность/неодушевленность существительного известна заранее. На этом процедура синтеза заканчивается.

ДИАЛЕКТЫ

Нужды типологических сопоставлений внутри балканского языкового союза и необходимость определения направления движения письменного языка по сравнению с другими (нелитературными) формами языка заставляют обратиться к многочисленным диалектам румынского языка. Целесообразно, с одной стороны, в несколько ином аспекте рассмотреть проблему близости диалектов друг к другу, а с другой стороны, попытаться выяснить, как проявляется в диалектах по сравнению с литературным языком тенденция к балканизации, т. е. попытаться проследить этот процесс на чрезвычайно пестром лингвистическом пространстве. Сравнение проводится главным образом между дакорумынским (литературный вариант), истрорумынским, мегленорумынским и арумынским. Как известно, существуют разногласия по поводу того, считать ли арумынский, мегленорумынский и истрорумынский самостоятельными балканороманскими языками (А. Граур, И. Котяну) или дивергентными диалектами румынского языка (Р. Тодоран, Д. Макря)¹⁵. В данной работе этот вопрос вообще не рассматривается и остается в стороне, так как он не является существенным для принятого аспекта рассмотрения БЯС. Поэтому употребление слова «диалект» здесь не является строго терминологичным.

К сожалению, невозможность непосредственного знакомства с диалектами именно в их нынешнем состоянии и отсутствие полных, исчерпывающих диалектных описаний заставляют ограничиться достаточно краткими замечаниями, способными дать лишь общую картину и никак не претендующими на полноту.

Неравноценность и разнородность материала затрудняет составление вариантов анализа и синтеза, полностью соответствующих описанию, сделанному для литературного языка. Поэтому целесообразно произвести сравнение по некоторым доста-

---

¹⁵ См. об итогах дискуссий по этому вопросу: I. Coteanu. *Criteriile de stabilire a dialectelor limbii române.* — LR, 1959, № 1; D. Macrea. *Cîteva precizări în problema raporturilor dintre limbă și dialect. «Cercetări de lingvistică»,* IV, 1959; R. Florin. *Despre stadiul actual al istroromînei. «Fonetică și dialectologie»,* IV, 1960. См. также: Г. П. Клепикова [рец.]. I. Coteanu. *«Elemente de dialectologie a limbii române.»* București 1961. — ВЯ, 1964, № 2.

точно общим основаниям, которые в то же время являются определяющими степень трудности анализа и синтеза. За такие основания принимаются:

- 1) разрешающая способность флексий существительного;
- 2) разрешающая способность форм определенного артикля;
- 3) разрешающая способность флексий согласованного определения;
- 4) возможность синтеза других форм морфологического уровня на основании информации, заключенной в исходной форме (т. е. возможность синтеза Pl. по Sing.);
- 5) возможность анализа—синтеза падежей синтаксического уровня;
- 6) возможность анализа—синтеза категории одушевленности¹⁶.

С первого взгляда обнаруживается сходство в морфологическом отношении между диалектами: категория среднего рода может быть определена только по двум формам — Dir. Sing. и Dir. Pl.; существительное различает в парадигме две формы: Dir. Sing. — Dir. Pl. (за исключением существительных женского рода, где противопоставляется Dir. Sing. — Obl. Sing. и Dir. Pl.) и т. д., вплоть до того, что основной набор флексий остается постоянным. (-#/, -u, -e, -i ([i], [ʹ#], [i]), -a, -ă, -uri), претерпевая несущественные фонетические изменения (e в истрорумынском соответствует â в дакорумынском). Однако разное распределение одинакового материального набора, с одной стороны, некоторые его варианты, с другой, в достаточной степени влияют на уменьшение или увеличение трудности анализа и синтеза.

Разрешающая способность флексий существительного¹⁷

В таблицах (30—32) интересны не столько новые, по сравнению с дакорумынским, флексии (см., например, № 6 ир., сводимая к № 5 др; № 7 и № 1 ар.; № 7 мр)¹⁸, сколько иное распределение уже имеющих. Так, характерной особенностью истрорумынского диалекта является распространение флексии

¹⁶ Будут отмечаться только моменты расхождения.

¹⁷ Основой для составления таблиц по диалектам послужили следующие работы: S. Pușcariu. Studii istroromâne, I—II. București, 1921; T. Cantemir. Texte istroromâne. Cluj, 1959; I. Popovici. Dialectele române din Istria. Halle, 1909; Th. Capidan. Aromânii. București, 1932; Он же. Die Mazedo-Rumänen. București, 1941; Он же. Meglenoromânii, I—III. București, 1923; G. Weigand. Vlach-Meglen, Leipzig, 1892; Он же. Die Aromunen. Leipzig, 1894. Он же. Ethnographie von Makedonien. Leipzig, 1894; M. Caragiu-Marioțeanu. Flexiunea substantivelor în aromână. «Stud. cerc. lingv.», XV, 1964, № 2.

¹⁸ Ир — истрорумынский; др — дакорумынский; мр — мегленорумынский; ар — арумынский.

Распределение флексий имени существительного в истрорумынском диалекте *

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+			+	+	+	+
2. -u	+	+						
3. -e			+	+	+	+	+	+
4. -ure							+	+
5. -i					+	+	+	+
6. -e	+	+	+					

* 6 флексий образуют 23 словоформы.

Распределение флексий имени существительного в мегленорумынском диалекте *

Флексия	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+						
2. -u	+	+						
3. -e	+	+		+			+	+
4. -i	+	+		+	+	+	+	+
5. -ă	+	+	+	+			+	+
6. -a			+					
7. -az					+	+		
8. -le (li)			+				+	+
9. -ur							+	+

* 9 флексий образуют 30 словоформы.

Распределение флексий имени существительного в арумунском диалекте *

Флексии	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	I Dir.	II Obl.	III Dir.	IV Obl.	V Dir.	VI Obl.	VII Dir.	VIII Obl.
1. -#	+	+						
2. -u	+	+						
3. -o	+	+	+	+			+	+
4. -ă	+	+	+	+	+	+	+	+
5. -o	+	+	+	+				
6. -i				+	+	+	+	+
7. -adi (ati)					+	+	+	+
8. -a			+					
9. -le							+	+
10. -ani/îni					+	+		
11. -ate							+	+
12. -uri							+	+

* 12 флексий образуют 40 словоформ.

№ 1 (-#) на множественное число всех родов, что сразу значительно увеличивает степень нейтрализации по числу¹⁹.

Однако в том же истрорумынском флексия № 4 (-ure) в отличие от литературного языка образует Pl. только у существительных среднего рода (что в таблице не получило отражения, так как по аналогии с дакорумынским в ней даны только m и f). Истрорумынский отличается от остальных диалектов (включая дакорумынский) более скудным набором флексий.

¹⁹ Интересно аналогичное неразличение Sing. и Pl. у существительных с исходной формой на твердый согласный в одном из говоров в районе Клужа, что, как и для истрорумынского, вызвано чисто фонетическими причинами (см.: Gr. R u s u. Glosar dialectal din comuna Şieu Măgheruş, raionul Bistriţa, reg. Cluj, «Mat. cerc. dialect», I, 1960).

Наборы, которыми располагают арумынский и мегленорумынский гораздо обширнее, хотя степень распространения отдельных флексий различна. Так, арумынский в основном использует для Pl. флексии № 3, № 6, № 7, № 9 и № 12. Степень нейтрализации по числу увеличена в арумынском и мегленорумынском за счет распространения флексий *-ă* на Pl.²⁰ Следует отметить и тенденцию диалектов к неразличению Dir. и Obl. Sing. *f*: в истрорумынском форма Obl. есть только у существительных с исходной формой на *-e*, в Obl. меняющих его на *-e*²¹. (Мы не касаемся надежных форм типа *za țiru*, возникших под славянским влиянием и имеющих ограниченное применение)²². Ослабление оппозиции Dir.—Obl. отмечено и в молдавском диалекте дакорумынского.

В диалектах не обнаружено никаких новых граммем по сравнению с литературным языком²³. Набор флексий приблизительно одинаков. Существенным является его распределение. По изменениям распределения можно судить о степени сохранения противопоставления Sing./Pl. и соответственно этому расположить диалекты в языковом пространстве.

Основанием для сохранения или исчезновения противопоставления по числу является сохранение или утрата флексии *-i* во множественном числе для основ на согласный (*-#*), так как статистически они составляют большинство, определяющее характер словоизменительной системы существительного. Падение конечного *-i* в истрорумынском позволяет говорить о том, что в нем почти нет противопоставления по числу. К точке максимального различия Sing./Pl. тяготеет, пожалуй, дакорумынский (но, например, в мунтянском, это противопоставление выражено гораздо слабее). В отношении же различия Dir. и Obl. Sing. *f* можно сказать об общей тенденции диалектов к ликвидации этого противопоставления (при том, что оно явно существует).

²⁰ Подобное явление в диалектах метрополии отмечено, например, для говоров Черного Криша. См.: T. Teaha. Graiul din valea Crișului Negru. București, 1961.

²¹ См.: S. Pușcariu. Studii istororomîne; I. Coteanu. Cum dispăre o limbă (istororomina). București, 1957.

²² Вообще в диалектах существуют интересные, остаточные или заимствованные, падежные формы. Например, в говорах Олтении Гамилльег отмечает формы Obl. Sing. обычно в значении Dat. Poss. для существительных *frate* и *tate* (*kăsa frăți nimiu*). См.: E. Gamillscheg. Oltenische Mundarten, Wien, 1919. — В некоторых говорах существительные *f* различают Dir. Sing., Obl. Sing. и Dir. √ Obl. Pl., т. е. имеют трехчленную парадигму, например: *casă* (Dir. Sing.) — *căsi* (Obl. Sing.) — *căs* — (Dir. √ Obl. Pl.). См.: T. Marcu. Glosar dialectal din comuna Deda. «Mat. cerc. dialect», I, 1960.

²³ Если не считать двух примеров Dualis, приведенных Гамилльегом (E. Gamillscheg. Die Mundart von Șerbanești—Titulești. Jena & Leipzig, 1936).

Разрешающая способность форм определенного артикля

Основные различия проявляются в степени употребления препозитивного артикля (табл. 33) для Obl. В истрорумынском это единственный способ для образования Obl. Sing. и Pl. m, f, n; в мегленорумынском он дублируется в Sing. формами *-ului* для m и *-lă* для f; в арумынском он функционирует в форме *ali* для G. Sing. f, *alu* для G. Sing. m²⁴. Однако даже сравнительно ограниченное употребление препозитивного артикля в арумынском значительно шире, чем проклита *lui* перед собственными именами в дакорумынском²⁵. Наименьшую степень пейтрализации форм определенного артикля и, следовательно, наиболее благоприятные условия для анализа и синтеза дает арумынский (единственный случай пейтрализации — форма *-lor* для Obl. Pl. m и f). Пейтрализация увеличена в мегленорумынском и особенно в истрорумынском из-за того, что форма артикля *lu* несет информацию только о падеже. Эта пейтрализация может сниматься сочетанием артикля *lu* с членной формой существительного (в отличие от литературного варианта препозиция не исключает употребление второго определенного артикля — постпозитивного; таким способом в истрорумынском может сниматься, например, пейтрализация по роду для Obl. Pl. m и n). Наличие формы артикля *-u* для Dir. Sing. m и n создает в истрорумынском и фершеротском диалектах пейтрализацию по артиклю, так как существительные, оканчивающиеся в нечленной форме на *-u*, в членной форме остаются без изменения (то же самое в истрорумынском для формы артикля *-i*).

Одновременное употребление двух артиклей вообще характерно для румынского языка (Art. poss. / Art. adj. + Art. def., что в большинстве случаев избыточно, так как указание на падеж содержится в обоих артиклях). Однако в диалектах оно представляет особый интерес именно благодаря четкому разделению функций каждого из них, что в полной мере устраняет избыточность. Пожалуй, наиболее определенно это выражено в мегленорумынском (*lu ampirat-u — lu un ampirat*), где постпозитив-

²⁴ Проклитическое употребление *lu* наблюдается в банатских (см., например: R. Flora. Graiurile românești din Banatul iugoslav. «Fonetica și dialectologie», I, 1958) и кришанских говорах (в последних иногда встречается старая форма *li*). Интересный случай препозиции артикля женского рода *i* отмечен в диалекте Марамуреша: *la casa i Docă (la casa Docăi)*. См.: I. Coteanu. Elemente de dialectologie a limbii române. — В то же время существует и обратное явление: использование постпозитивного артикля при существительных собственных, например *Radului*. См.: St. Jacob. Note despre graiul din Țara Birsei. — LR, 1959, № 5.

²⁵ Некоторые вариации проклиты *lui* замечены в одном диалекте района Клужа (R. Todoran. Material dialectal. II. Graiul din Vilcele. «Mat. cerc. dialect.», I, 1960), где эта форма употребляется при терминах родства независимо от рода существительного (*bani lui mamă*).

Формы артикля в диалектах

I. ИСТРОРУМЫНСКИЙ

Артикль	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.
1. S. +- (l)u	+							
2. S. +-i					+			
3. S. +-le	+						+	
4. S. +-a			+					
5. lu + S.		+		+		+		+

II. МЕГЛЕНОРУМЫНСКИЙ

Артикль	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.
1. S. +- (u)(l)	+							
2. S. +- (u) lui		+						
3. S. +-a			+					
4. S. +-lă				+				
5. S. +-li					+		+	
6. lu + S.		+		+		+		+

III. АРУМЫНСКИЙ

Артикль	Sing.				Pl.			
	m		f		m		f	
	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.	Dir.	Obl.
1. S. +-l(u)	+							
2. S. +-le	+						+	
3. S. +-lui		+						
4. S. +-li					+			
5. S. +-lor						+		+
6. S. +-a			+					
7. alu + S.		+						
8. ali + S.				+				
9. S. +-lei				+				

ный артикль выражает род, число и определенность, а препозитивный — только падеж. Стремление к аналитическому выражению падежа приводит к использованию предлогов, с одной стороны, и к утрате формы Obl. у определенного артикля, с другой, как это происходит в фершеротском диалекте, где Obl. = a+S. Dir. с. Art., например *om-u* (Dir.) — *a om-u* (Obl.)²⁶.

Разрешающая способность флексий согласованного определения

В данном случае интерес представляет истрорумынский диалект, где под славянским влиянием определенная группа прилагательных различает три рода. Однако вряд ли это можно считать регулярным средством для распознавания, так как форма среднего рода употребляется главным образом в адвербиальном значении.

Синтез Pluralis

Синтез множественного числа по исходной форме в литературном варианте представлял значительную трудность, так что необходимым оказывалось либо заранее дать сведения о роде, чтобы определить флексию Pl., либо флексию Pl., чтобы определить род (рассматриваются m, f и n).

В диалектах (табл. 34) флексия Pl. и род тоже взаимосвязаны и являются функциями друг от друга, так что одной только исходной формы (Dir. Sing.) недостаточно для полной характеристики имени, т. е. для определения рода и флексии Pl. (правда, существующие описания диалектов часто не могут дать точных сведений о распространенности того или иного способа образования множественного числа). Случаев нейтрализации по роду в среднем меньше, чем в литературном языке; но за счет того, что приблизительно одинаковому набору флексий Sing. соответствует большее, чем в дакорумынском, количество флексий в Pl., синонимия флексий заметно возрастает. Это касается в особенности флексии Sing. -ă в арумынском, которой могут соответствовать все восемь флексий Pl. Поэтому целесообразно при синтезе на материале диалектов принять совершенно такую же процедуру, как и при синтезе в литературном варианте, т. е. указывать при исходной форме флексию Pl. и однозначно выводить род из сочетания флексий Sing. и Pl., в трудных случаях прибегая к спискам. Указание при исходной форме флексии Pl. для диалектов представляется очевидным, если предполагать материал описанным полностью (изменить такой выбор могут, кроме того, статистические дан-

²⁶ См.: M. Caragiu-Marioțeanu. În legatură cu articolul enclitic al masculinelor în aromână (cu privire specială la graiul fărșeroților). «Fonetica și dialectologie», IV, 1962.

Образование множественного числа по диалектам

I. ИСТРОРУМЫНСКИЙ

Sing.	Pl.			
	1. -#	3. -e	4. -ure	5. -i
1. -#	m	n	n	
2. -u				m ∨ n
3. -e	f	f	f ∨ n	
6. -e	f	f		f

II. МЕГЛЕНОРУМЫНСКИЙ

Sing.	Pl.					
	3. -e	4. -i	5. -ă	7. -az	8. -le	9. -ur
1. -#		m ∨ n				n
2. -u		m				n
3. -e		m ∨ f				
4. -i		m		m		n
5. -ă	f	m ∨ f	f			f
6. -a					f	

III. АРУМЫНСКИЙ

Sing.	Pl.								
	6. -i	4. -ă	7. -adzi	3. -e	9. -le	11.-ate	12.- uri	10.-ani	
1. -#	m	m ∨ n		n			n	m	
2. -u	m	n		n			n		
3. -e	m	m ∨ f ∨ n	m	f			f		
4. -ă	f	f	m ∨ f	f	f	f	f	m	
5. -o			m						
6. -i			m						
8. -a			m		f				

ные, которыми мы не располагаем: может оказаться более удобным дать существительные с редкими флексиями списком и в таком случае указывать при исходной форме род).

Анализ—синтез основных логико-синтаксических единиц

В диалектах не было обнаружено новых способов для выражения субъекта и прямого объекта, за исключением, пожалуй, только конструкции *la+S. Dir. → Obj. dir.*, отмеченной в мунтянском и банатском диалектах (например, *mănîncă la oameni*)²⁷.

Уже в литературном варианте, особенно в узусе, отмечается тенденция к аналитическому выражению атрибута и косвенного объекта, притом с помощью индивидуальных для каждого из них конструкций (атрибут с помощью предлогов *de, din*, косвенный объект с помощью предлога *la*)²⁸. Еще более определенно эта тенденция проявляется в диалектах, причем набор предлогов в основном совпадает с литературным. Крайний случай представляет мегленпорумынский, где существует регулярное и обязательное различие атрибута и косвенного объекта.

1. Atr. → S. Obl. с. Art. √ *lu+S. Dir. с. Art. √ s. Art.*, например *featală, lu feată, lu feata*.

2. Obj. obl. → *la+S. Dir. с. Art. √ s. Art.*, например *la feată, la feata*.

Замена существительного в Obl. существительным в Dir. с предлогом отмечается в банатских (*la+S. Dir. → Obj. obl.; dă+S. Dir. → Atr.*) и в кришанских говорах (*de, de la, la+S. Dir. → Atr.; la, cîtă, cîtă+S. Dir. → Obj. obl.*). Намечается и тенденция к образованию косвенного падежа с помощью и флексии, и предлога (см., например, в арумунском *a+S. Obl.*).

Если говорить о балканистических процессах, захватывающих диалекты, то, пожалуй, более существенной окажется именно это стремление к аналитизму, стремление выразить косвенные падежи либо с помощью предлогов (*Obj. obl. → la+S. Dir.* и т. д.), либо с помощью других частей речи, играющих роль предлогов. В самом деле, в форме *lu* определенный артикль для большинства диалектов опознается только этимологически, если же описать его в синхронии, т. е. как «неизменяемую часть речи, которая ставится перед существительным для выражения косвенного падежа», то такое описание, скорее, соответствует предлогу. Не потому ли вызывает разногласия *a* перед Obl., которое трактуют то как предлог (восходящий к *ad*), то как форму possessивного артикля *al*, в то время как по функции (например, в арумунском) оно может быть только

²⁷ См.: I. Coteanu. Elemente de dialectologie a limbii romîne.

²⁸ См. об этом: I. Coteanu. Aspecte de limbajului popular actual. — LR, 1963, № 1.

предлогом²⁹. Существование регулярных средств для различения атрибута и косвенного объекта, естественно, облегчает анализ и особенно синтез (так как значительно уменьшает необходимость обращаться к семантическому уровню). Правда, в целом ряде диалектов аналитические конструкции для выражения атрибута и косвенного объекта совпадают и тем самым заставляют прибегать к более тонким синтаксическим и подобным приемам.

Однако аналитизм, отмечаемый в диалектах, не принял такую форму, при которой каждой логико-синтаксической единице соответствуют собственные специальные конструкции; поэтому при анализе и синтезе придется изыскивать дополнительные средства для разрешения их нейтрализации, хотя такие средства и будут применяться более ограниченно, чем в литературном языке.

Нельзя не упомянуть и еще об одном интересном способе выражения косвенного падежа, отмеченном Э. Гамилльшегом в говоре Шербанешть-Титулешть: для выражения косвенного объекта употребляется *S. Dir.*, а падежная форма выражается соответствующим падежом личного местоимения, например *lapteli, âl ânkygă*³⁰.

Анализ—синтез категории одушевленности

Категория одушевленности в литературном варианте, как уже было сказано, проявляется нерегулярно. Диалекты не знают конструкции с предлогом *pe*, имеющей какое-либо другое, кроме адвербиального, значение. Из всего сказанного выше это, пожалуй, единственное отличие от литературного варианта, не имеющее отклонений. Отмечены лишь некоторые способы выражения категории личности (например, в арумьнском и мегленорумьнском существительные собственные могут образовывать *Atr.* с помощью артикля *al*).

Сравнение основных балканороманских языков, или диалектов, проведенное на перечисленных выше основаниях, позволяет прийти к некоторым выводам, которые, правда, могут носить только предварительный характер:

1. По первым трем пунктам (морфологические характеристики) истрорумьнский диалект противопоставлен остальным

---

²⁹ См. об этом: Th. Caridan. Aromânii. — В ряде дакорумьнских диалектов (молдавский, кришанский) possessивный артикль функционирует в неизменяемой форме *a*, являясь показателем только синтаксической роли последующего существительного. См., например: L. Sfirlea. Coexistența mai multor sisteme morfologice în același grai regional (Valea Sebeșului). «Cercetări de lingvistică», II, 1957; Gh. Iftinchi. Graiul din Frătăuții-Vechi (raionul Rădăuți, regiunea Suceava). — LR, 1960, № 4.

³⁰ E. G. Gamillscheg. Die Mundart von Șerbanesti-Titulești.

диалектам. Ограниченные морфологические средства в системе имени существительного, которыми он располагает, привели к значительному ослаблению противопоставления Sing./Pl.; исчезновение постпозитивного артикля в косвенном падеже приближает истрорумынский к «собственно-аналитическим» языкам, отделяя его от других диалектов, в большей степени сохраняющих на морфологическом уровне различия по роду, числу и падежу. С другой стороны, наличие среднего рода у прилагательных, падежные формы, которыми истрорумынский обязан славянскому влиянию, выделяют его из общерумынского лингвистического пространства.

По степени применения препозитивного артикля диалекты располагаются в следующем порядке: дакорумынский—арумынский—мегленорумынский—истрорумынский (от меньшего к большому).

2. Четвертый пункт, касающийся синтеза, менее показателен из-за недостатка материала. Поэтому о нем можно сказать лишь, что диалекты не обладают сколько-нибудь существенными, бросающимися в глаза различиями — эти различия носят частный характер и должны быть описаны при более подробном и тонком исследовании.

3. Анализ — синтез на синтаксическом уровне проводит заметную грань между диалектами в зависимости от того, как в них проявляется тенденция к аналитическому выражению косвенных падежей и к образованию индивидуальных конструкций для выражения атрибута и косвенного объекта. В этом смысле законченную картину представляет мегленорумынский, где для каждого из падежей существует особая обязательная конструкция.

4. Что же касается категории одушевленности, то остается повторить, что она существует только в литературном варианте (т. е. в дакорумынском).

Выводы, изложенные выше, можно представить в виде таблицы соотношения между литературным языком и диалектами в зависимости от следующих признаков:

1) наличие противопоставления Sing./Pl. (ир = 0); 2) употребление препозитивного артикля (др = 0); 3) различие атрибута и косвенного объекта; 4) наличие категории одушевленности.

Диалекты	1	2	3	4
др	+	—	—	+
мр	+	+	+	—
ар	+	+	—	—
ир	—	+	—	—

Дакорумынский совпадает с мегленорумынским и истрорумынским по одному признаку, с арумынским — по двум; мегленорумынский совпадает с арумынским по трем признакам, с истрорумынским — по двум, арумынский совпадает с истрорумынским по трем признакам.

В целом диалекты достаточно сходны в морфолого-синтаксическом отношении для того, чтобы процедура анализа и синтеза, примененная к ним, оставалась в общем единой и претерпевала только частные изменения.

Глава V

АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Метод описания, примененный к прочим языкам и теперь используемый для албанского, несколько нивелирует его, выделяя общевалканские черты в ущерб, быть может, специфическим албанским. Однако никаких дополнительных приемов вводиться не будет, так как все-таки конечной целью является не албанское имя само по себе, а описание его в свете балканистики. Поэтому сочтено возможным сделать описание более редуцированным, опуская многие подробности (которые будут специально оговорены), существенные сами по себе, но не для данной работы.

Албанское существительное обладает граммемами рода, числа и падежа. Отмечаются два рода — мужской (m) и женский (f)¹, два числа — единственное (Sing.) и множественное (Pl.) и четыре падежа: N., A., Obl., Abl. (Obl. соответствует G. и D.; по традиции, в грамматиках они даются отдельно, однако не существует ни одной формы, в которых они расходятся: различие проводится только по окружению, поэтому здесь G. и D. объединены в один падеж).

Насчитывается 16 сочетаний граммем (I—XVI):

I N. Sing. m	V N. Sing. f
II A. Sing. m	VI A. Sing. f
III Obl. Sing. m	VII Obl. Sing. f
IV Abl. Sing. m	VIII Abl. Sing. f

---

¹ Ввиду малочисленности существительных среднего рода, который к тому же вымирает (сохраняясь в основном только в субстантивированных прилагательных и причастиях), сочтено возможным пренебречь им при необходимости обращаясь к соответствующим спискам, как это и делается в ряде работ, ср., например: Н. Pedersen. Das albanesische Neutrum. — KZ, 34, 1895, № 2; G. Pekmezî. Grammatik der albanesischen Sprache. Wien, 1908; G. Weigand. Albanesische Grammatik. Leipzig, 1913; A. Feizi. Gramatica della lingua albanese. Napoli, 1929; K. Cipo. Gramatika shqipe. Tiranë, 1949; M. Lambertz. Albanisches Lesebuch, I. Leipzig, 1948; А. В. Десницкая. О морфологической структуре албанского языка. — ВЯ, 1958, № 5.

Распределение флексий в албанском языке*

Флексия **	Sing.								Pl.							
	m				f				m			f				
	I N.	II A.	III Obl.	IV Abl.	V N.	VI A.	VII Obl.	VIII Abl.	IX N.	X A.	XI Obl.	XII Abl.	XIII N.	XIV A.	XV Obl.	XVI Abl.
1. -#	+	+							+	+						
2. -i [i]	+	+	+	+	+	+							+	+		
3. -u [u]			+	+												
4. -a [a]									+	+			+	+		
5. -e [e]					+	+	+	+	+	+			+	+		
6. -ë [ə]	+	+			+	+			+	+			+	+		
7. -ve [ve]										+				+		
8. -sh [š]													+			+
9. -(g)-je [g'e, je]							+	+	+	+						
10. -ën [ən]									+	+						
11. -ra [ra]									+	+						
12. -(g)(n)j [g', n']									+	+						

* 12 флексий образуют 48 словоформ.

** О чередованиях типа *mik—mij*, (см. в разделе «Синтез»).

IX N. Pl. m	XIII N. Pl. f
X A. Pl. m	XIV A. Pl. f
XI Obl. Pl. m	XV Obl. Pl. f
XII Abl. Pl. m	XVI Abl. Pl. f

Распределение флексий албанского существительного показано на табл. 35. Албанское существительное имеет два варианта склонения: нечленное и членное, т. е. склонение с постпозитивным определенным артиклем. Техника присоединения артикля, равно как и флексий, в большинстве случаев агглютинативная, она будет освещена в разделе «Синтез». Существует высокая степень нейтрализации как внутри каждого варианта склонения, так и между ними. В большой степени она объясняется тем, что A. и Abl. имеют особую флексию только в определенных случаях: A. — в Sing. определенного склонения; Abl. — в Pl. неопределенного склонения². Далее перечисляются все случаи нейтрализации.

Нейтрализация в нечленном склонении

Нейтрализация по падежу

- 1) № 10 → IX √ X, например *mbret-ën* (N. √ A. Pl. m);
- 2) № 11 → IX √ X, например *mall-ra* (N. √ A. Pl. m);
- 3) № 12 → IX √ X, например *turtu-j* (N. √ A. Pl. m);
- 4) № 9 → VII √ VIII, например *lul-je* (Obl. √ Abl. Sing. f).

Нейтрализация по роду

- 1) № 7 → XI √ XV, например *shokë-ve* (Obl. Pl. m), *bukë-ve* (Obl. Pl. f);
- 2) № 8 → XII √ XVI, например *shokë-sh* (Abl. Pl. m), *bukë-sh* (Abl. Pl. f).

Нейтрализация по числу и падежу

- 1) № 1 → I √ II √ IX √ X, например *nxënës-#* (N. √ A. Sing. √ Pl. m).

Нейтрализация по роду, числу и падежу

- 1) № 5 → V √ VI √ VII √ VIII √ IX √ X √ XIII √ XIV, например *lul-e* (N. √ A. Sing. √ Pl. f), *fjal-e* (Obl. √ Abl. Sing. f), *mal-e* (N. √ A. Pl. m).
- 2) № 6 → I √ II √ V √ VI √ IX √ X √ XIII √ XIV, например *kal-ë* (N. √ A. Sing. m), *fush-ë* (N. √ A. Sing. √ Pl. f), *punëtor-ë* (N. √ A. Pl. m).

Нейтрализация в членном склонении

Уже говорилось, что албанский язык использует по преимуществу агглютинативную технику (хотя существуют и откло-

² Некоторые исследователи придерживаются того мнения, что форма Abl. па -sh не имеет специального значения неопределенности и является потому единой для обоих видов склонения. См.: W. Ci m o c h o w s k i. Le dialecte de Dushmani. Poznań, 1951.

Разрешающая способность артикля в албанском языке

Флексия	Артикль *						
	-a	-ja	-n/në	-s/së	-(i)t/të	-i	-u
1. -#					IX ∨ X	I	I
2. -i	V		II ∨ VI	VII ∨ VIII	III ∨ IV ∨ XIII ∨ XIV		I
3. -u			II		III ∨ IV		
4. -a					IX ∨ X ∨ XIII ∨ XIV		
5. -e		V	VI	VII ∨ VIII	IX ∨ X ∨ XIII ∨ XIV		
6. -ë	V		VI	VII ∨ VIII	IX ∨ X ∨ XIII ∨ XIV	I	
7. -ve					XI ∨ XII XV ∨ XVI		
9. -(g) je					IX ∨ X		
10. -ën					IX ∨ X		
11. -ra					IX ∨ X		
12. -(g)-(n)j					IX ∨ X		

* Формы артикля *-e*, *-i*, *-ja*, присоединяясь к флексиям *-e* и *-ë*, поглощают их.

нения, когда флексия исходной формы поглощается формой артикля, например *lul-e — lul-ja*, *fish-ë — fish-a*), поэтому следует всегда принимать во внимание флексию, к которой присоединяется артикль.

Нейтрализация в членном склонении показана на табл. 36 (которая одновременно демонстрирует и разрешающую способность артикля). Читается: если к флексии № 5 (*-e*) прибавляется форма артикля *-t*, то это N. или A. Pl., либо *m*, либо *f*, например *mal-e-t* (*m*), *lul-e-t* (*f*) и т. д.

Нейтрализация между членным и нечленным склонением

Нейтрализация по падежу и артиклю

1) № 2 (-i) → I s. Art. √ II s. Art. √ III s. Art. √ IV s. Art. √ I c. Art., например *mal-i* (Obl. √ Abl. s. Art. √ N. c. Art. Sing. m), *bar-i* (N. √ A. s. Art. Sing. m).

2) № 3 (-u) → III s. Art. √ IV s. Art. √ I c. Art., например *mik-u* (Obl. √ Abl. s. Art. √ N. c. Art. Sing. m).

Нейтрализация по роду, числу, падежу и артиклю

1) № 4 (-a) → IX s. Art. √ X s. Art. √ XIII s. Art. √ XIV s. Art. √ V c. Art., например *lis-a* (N. √ A. Pl. m. s. Art.), *ar-a* (N. √ A. Pl. s. Art. √ N. Sing. c. Art. f).

АНАЛИЗ

Морфологический уровень³

Ни одного сочетания граммем нельзя полностью однозначно определить, исходя только из флексии существительного. Определение сочетания трех граммем начинается со II шага.

II шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме определенного артикля.

- 1) № 2 + -a → V, например *lir-i-a* (N. Sing. f);
- 2) № 2 + -në → VI, например *lir-i-në* (A. Sing. f);
- 3) № 2 + -n → II, например *bar-i-n* (A. Sing. m);
- 4) № 6 + -i → I, например *djal-i* (N. Sing. m);
- 5) № 6 + -n → II, например *djal-(ë)-i-n* (A. Sing. m);
- 6) № 2 + -u → I, например *bar-i-u* (N. Sing. m);
- 7) № 3 + -n → II, например *shok-u-n* (A. Sing. m);
- 8) № 5 + -ja → V, например *lul-ja* (N. Sing. f);
- 9) № 5 + -n → VI, например *lul-e-n* (A. Sing. f);
- 10) № 6 + -n → VI, например *fjal-ë-n* (A. Sing. f);
- 11) № 6 + -a → V, например *fjal-a* (N. Sing. f).

II шаг определяет четыре сочетания граммем и 11 словоформ из 48. Определению подлежат 37 словоформ.

II-a шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и флексии прилагательного. (Употребляемый при этом связующий артикль не несет нужной для данного случая информации).

- 1) № 7 + (të) + -ë → XI, например *shokë-ve të mir-ë* (Obl. Pl. m);

³ По условию, мы умеем находить существенное во фразе, отличая его от других частей речи. Не нуждаясь в специальных средствах, все-таки упомянем субстантивирующий артикль, который употребляется перед терминами родства и субстантивированными прилагательными и причастиями, отделяя их таким образом от не-существительных.

2) № 7 + (të) + -a → XV, например *fjalë-ve të mir-a* (Obl. Pl. f);

3) № 8 + (të) + ë → XII, например *shokë-sh të mir-ë* (Abl. Pl. m);

4) № 8 + (të) + -a → XVI, например *fjalë-sh të mir-a* (Abl. Pl. f).

II-a шаг определяет 4 сочетания граммем и 4 словоформы из 37. Определению подлежат 33 словоформы.

II-b шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме связующего артикля:

1) № 1¹ + -i → I, например *mal-# i...* (N. Sing. m).

II-b шаг определяет 1 сочетание граммем и 1 словоформу из 33. Определению подлежат 32 словоформы.

В дальнейшем средствами морфологического уровня могут быть однозначно определены только сочетания двух граммем — рода и числа, при том что падеж выбирается из двух возможных. Это происходит в силу уже указанной особенности албанского языка, не различающего в Sing. Obl. и Abl., а в Pl. — N. и A. (в членном и нечленном склонении). Разрешение этой нейтрализации осуществляется на синтаксическом уровне.

I шаг. Определение сочетания двух граммем по флексии существительного.

1) № 10 → IX √ X, например *mbret-ën* (N. √ A. Pl. m);

2) № 11 → IX √ X, например *mall-ra* (N. √ A. Pl. m);

3) № 12 → IX √ X, например *zo-gj* (N. √ A. Pl. m).

I шаг определяет 2 сочетания граммем и 6 словоформ из 32. Определению подлежат 26 словоформ.

II шаг. Определение сочетания граммем по флексии существительного и форме определенного артикля.

1) № 1 + -it → IX √ X, например *nxënës-#-it* (N. √ A. Pl. m);

2) № 2 + -të → XIII √ XIV, например *lir-i-të* (N. √ A. Pl. f);

3) № 2 + -s(ë) → VII √ VIII, например *lir-i-së* (Obl. √ Abl. Sing. f; в неопределенной форме Obl. и Abl. флексия № 5);

4) № 2 + -t → III √ IV, например *mal-i-t* (Obl. √ Abl. Sing. m, исходная форма оканчивается на -#);

5) № 9 + -t → IX √ X, например *bre-gje-t* (N. √ A. Pl. m);

6) № 3 + -t → III √ IV, например *shok-u-t* (Obl. √ Abl. Sing. m).

7) № 5 + -s → VII √ VIII, например *lul-e-s* (Obl. √ Abl. Sing. f; в неопределенной форме Obl. и Abl. флексия № 9).

II шаг определяет 8 сочетаний граммем и 14 словоформ из 26. Определению подлежат 12 словоформ.

III шаг. Определение производится по флексии существительного и форме определенного артикля и флексии прилагательного.

1) № 5 + -t + (e) + -ë → IX √ X, например *mal-e-t e mir-ë* (N. √ A. Pl. m) (или *mir-a*, см. стр. 150);

2) № 5 + -t + (e) + -a → XIII √ XIV, например *lul-e-t e mir-a* (N. √ A. Pl. f);

3) № 6 + -t + (e) + -ë → IX √ X, например *punëtor-ë-t-e mir-ë* (N. √ A. Pl. m);

4) № 6 + -t + (e) + -a → XIII √ XIV, например *fjal-ë-t e mir-a* (N. √ A. Pl. f);

5) № 4 + -t + (e) + -ë → IX √ X, например *brez-a-t e mir-ë* (N. √ A. Pl. m);

6) № 4 + -t + (e) + -a → XIII, √ XIV, например *fusha-t e mir-a* (N. √ A. Pl. f).

III шаг определяет 4 сочетания граммем и 12 словоформ из 12. На этом заканчивается морфологический уровень анализа.

Синтаксический уровень

Одной из задач анализа на синтаксическом уровне является различие субъекта и прямого объекта в том случае, когда существительные стоят в форме множественного числа и, следовательно, не различаются по флексии. Так как порядок слов Subj. — Praed. — Obj. dir. не является обязательным, приходится изыскивать иные способы разрешения этой нейтрализации. Достаточно эффективна местоименная реприза, т. е. дублирование прямого объекта краткой формой местоимения: *Paqetat* (Obj. dir.) *i* (Pron. Dir.) *kanë humb, e jo letrat*.

Правда, местоименная реприза тоже не обязательна⁴. В прочих случаях приходится обращаться к сведениям, заключенным в форме глагола (залог, рефлексивность, переходность и т. п. см. в предыдущих главах) или переходить на содержательный уровень.

На синтаксическом уровне Obl. морфологического выполняет функции атрибута и косвенного объекта.

1. Атрибут распознается по наличию перед ним формы связующего артикля⁵ в синтагме типа S. † Art. deict. † S. Obl. → → Atr., например, *molla e djalit* (Atr.).

⁴ Правила использования местоименной репризы см., например, в грамматике С. Маина (S. E. Maин. A short Albanian grammar. London, 1932); о распространении репризы преимущественно в фольклоре см.: К. Сиро. Sintaksa. Tiranë, 1952.

⁵ Связующий артикль, изоморфный соответствующему румынскому, заключает в себе информацию о предшествующем существительном (род, число, падеж, определенность) и о последующем (падеж); это дает возможность использовать его и на морфологическом, и на синтаксическом уровне.

2. Косвенный объект распознается по положению после предиката и по наличию местоименной репризы в синтагме типа Pron.Obl. + Praed. + S.Obl. → Praed. + Obj.obl., например: *ay i foli shokut* (Obj. obl.).

Если в фразе есть реприза и прямого объекта и косвенного, то соответствующие краткие формы личных местоимений сливаются в одну (например, *më + e* → *ma*), что создает некоторые трудности для анализа, требуя введения специальных правил о соответствии слитных и неслитных форм.

Нейтрализация в системе кратких форм личных местоимений (например, *i* — A. Pl. √ Obl. Sing. 3-го лица) снимается сочетанием с флексией существительного: *i ... moll-ët* (A. Pl.), *i ... em-ës* (Obl. Sing.).

Так как Abl. имеет особую флексию (-*sh*) только в Pl. неопределенной формы⁶, его нейтрализация с Obl. (играющим роль атрибута и косвенного объекта) должна отчасти разрешаться на синтаксическом уровне. Наиболее действенным способом является предложное управление, сообщаемое в словаре (например, *prej + S.* → Abl.). В прочих случаях следует обращаться к помощи синтагматического членения. Существительное в Abl. может входить в синтагмы типа S.+S. и V.+S. В первом случае оно отличается от Obl. (в роли атрибута) отсутствием связующего артикля, например, *sistem i edukimit* (Obl.—Atr.) *fabrika duhani* (Abl.); однако удалось найти пример, где при Abl. употребляется связующий артикль *nji sumë të hollash*. Кроме того, в положении после существительного, т. е. формально на месте атрибута, Abl. может перетягивать на себя и функции Obl., оставляя последнему в основном значении Gen. Obj. и Gen. Subj. Обозначения качества, количества регулярно происходят с помощью Abl⁷. Таким образом, в синтагме S.+S. → Atr. существует дополнительное распределение Abl. и Obl., причем выбор формы в основном определяется на содержательном уровне⁸. В синтагме типа V.+S. за Abl. обычно сохраняется собственное значение (т. е. удалительное, например *m'u hiq sysh*, или ограничительное, например *u këputa*

⁶ Существовала возможность объединить их уже на морфологическом уровне, считая флексию -*sh* алломорфом морфемы Obl., как это делает, например, Л. Ньюмарк (см.: L. Newmark. Structural grammar of Albanian. — IJAL, 23, 1957, № 4.). С. Шутерика (см.: S. Shuteriqi. Mendime e vërejtje rreth gramatikes shqipe. — BSS, 1954, № 2) предлагает вообще исключить Abl. из числа основных падежей, ограничивая систему албанского склонения тремя падежами: N., A., D. Однако разница, отмечаемая на синтаксическом, не говоря уже о содержательном уровне, заставляет здесь рассматривать эти падежи дискретно.

⁷ Надо отметить интересное явление: ашпозиция в конструкции, соответствующей Gen. generis, например *gotë ujë* (аналогично болгарскому и македонскому: *чаша вода*). См.: S. E. Mann. Указ. соч.; M. Lambert z. Указ. соч.

kambësh. В данном случае, пожалуй, единственным формальным средством придется признать сведения об управлении глагола, которые следует сообщить в словаре.

СИНТЕЗ

При синтезе албанского существительного встает обычная проблема: образование формы множественного числа требует дополнительных сведений и специальных правил. В албанском языке существует явная разница между степенью трудности образования множественного числа в женском и мужском роде: правила в первом случае чрезвычайно просты (чуть ли не единственный из рассмотренных языков, в котором для образования Pl. женского рода почти нет синонимии флексий), во втором случае (т. е. в мужском роде) для устранения синонимии флексий требуется учитывать исход основы (до трех букв), количество слогов, ударение в исходной форме. Специфической особенностью албанского языка является агглютинирующая техника: во множественном числе, где флексии, выражающие число и падеж, разделены, следует помнить, что флексия косвенных падежей (*-ve*, *-sh*) присоединяется не к исходной форме, а к форме N. Pl. Для определенной формы единственного числа наиболее экономными оказались правила, сформулированные следующим образом: в мужском роде падежные окончания присоединяются к форме N. Sing. с. Art. (*shok-u — shok-u-t*), в женском роде — к форме N. Sing. s. Art. (*fush-ë — fush-ë-s*). Табл. 37 указывает основные способы образования множественного числа албанского существительного.

Таблица 37

Образование множественного числа в албанском языке

Sing.	Pl.									
	1. -#	2. -i	4. -a	5. -e	6. -ë	9. -(g)je	10. -ën	11. -ra	12. -(g)j	
1. -#	m		m	m	m	m	m	m	m	
2. -i		f							m	
5. -e				f						
6. -ë			f√m		f				m	

Как видно из таблицы, для образования множественного числа род релевантен только в двух случаях (при флексии № 2 и при флексии № 6; в последнем случае это небольшая группа слов, в которую входят в основном термины родства). Затруднения возникают при выборе флексий множественного числа для существительных мужского рода с исходной формой на *-#* и существительных женского рода с исходной формой на *-ë*. Эти затруднения снимаются или во всяком случае уменьшаются дополнительной информацией, о которой говорилось выше. Так как подобные перечисления правил образования множественного числа можно найти в любой нормативной грамматике и приводить их здесь полностью было бы излишне, ограничимся указанием основных типов (в общей таблице синтеза они будут обозначаться номерами):

Существительные мужского рода с исходной формой на *-#*:

Тип 1. Образование множественного числа большинства существительных с основой на заднеязычный (*k, g*; они же присоединяют определенный артикль в форме *-u*) и *-ll* происходит с помощью флексий *-j/-je* с некоторыми графическими особенностями: *k* меняется на *q, j* при этом не пишется (*mik — miq, qark — qarqe*), *ll* перед *-j* выпадает (*yll — yj; pyll — pyje*)⁹.

Тип 2. Образование множественного числа большинства одушевленных существительных и некоторых других, дающихся списком, происходит с помощью флексии № 4, например *lis-# — lis-a*.

Тип 3. Образование множественного числа существительных односложных и всех, оканчивающихся на *-nd, -im*, происходит с помощью флексии № 5, например *mal-# — mal-e; vënd-# — vënd-e*.

Тип 4. Множественное число существительных на *-ës, -as, -ues* образуется с помощью флексии № 1, например *nxënës-# — nxënës-#*. В этом типе образование N. — A. Pl. с Art. происходит с помощью форм артикля *-it*.

Тип 5. Образование множественного числа существительных мужского рода с основой на *-or, -ar, -ok, -ak, -esh* происходит с помощью флексии № 6, например *punëtor-#, punëtor-ë*¹⁰.

Полностью синтез албанского существительного показан на табл. 38. При исходной форме указывается флексия, род и тип образования множественного числа, т. е. сведения о характере основы; для женского рода синонимия флексий № 4 и № 6 при

⁹ Отступление от этого правила представляют существительные на *-ak* и *-ok*, относящиеся к типу 5.

¹⁰ Специально не выделено только образование множественного числа с помощью флексии *-ën* и *-ra*, действительное для небольшого числа существительных, при том что флексия *-ra* имеет помимо чисто грамматического еще и собирательное значение.

образовании множественного числа от основ на *-ë* устраняется с помощью списка. Таблица читается следующим образом (1-я строка): если от существительного мужского рода типа 1 (основа на задненёбный) надо образовать I сочетание граммем (N. Sing. m), то берется флексия № 1 и форма связующего артикля *i*, например *mik-# i. I*, для образования IX $\vee$ X (N. $\vee$ A. Pl. m) сочетания граммем выбирается флексия либо № 9, либо № 12 (по списку) в сочетании с формой постпозитивного артикля *-t*, например *bre-gje-t*; если от существительного женского рода с основой на *-e* (8-я строка) требуется образовать XVI (Abl. Pl. f) сочетание граммем, то берутся флексии № 5, № 8 (избыточная) форма артикля *të* и флексия прилагательного *-a*, например *lul-e-sh (të) mir-a*.

При синтезе применяется разбивка окончаний в соответствии с агглютинирующей техникой, чем было возможно пренебречь при анализе. Это в ряде случаев оказывается более экономным, например, для Abl. в анализе выделена флексия *-sh* и для женского, и для мужского рода, и нейтрализация снимается сочетанием с флексией согласованного определения. При синтезе Abl. существительных женского рода с исходной формой на *i* сочетание флексий *-i + -sh* однозначно определяет XVI сочетание граммем. Таким образом, необходимое добавление новых по сравнению с анализом сведений и приемов (учет характера основы, агглютинация) в некоторых положениях облегчает, а не усложняет процесс. Звездочками отмечены случаи, в которых полное определение сочетания всех трех граммем переносится на синтаксический уровень: разрешение нейтрализации между N. и A. Pl., во-первых, и между Obl. и Abl. Sing., во-вторых; к этому надо добавить то, что Obl. морфологического уровня выступает в роли атрибута и косвенного объекта. Средствами для различия являются окружение, местоименная реприза, сведения, заключенные в глаголе. Правила, действующие при этом, являются зеркальным отражением правил анализа. Как и при анализе, выделяются синтагмы, в которых искомый падеж по возможности получает однозначное выражение.

1. Subj. $\rightarrow$ S. + V. intrans. $\vee$ reflex., например *dy burra (Subj.) janë pleq.*

2. Obj. dir. $\rightarrow$ (S) + Pron. Dir. + V. trans. + S. Dir., например *djali e ha libra (Obj. dir.)*.

3. Obj. obl. $\rightarrow$ (S.) + Pron. Obl. + V. + S. Obl., например *profesori i foli nxënësit (Obj. obl.) me të ashpër.*

4. Atr. $\rightarrow$ S. Art. deict. + S. Obl., например *jetesa e Ilirvet.*

5. Abl $\rightarrow$ S. c. Art. + S. Obl., например *fabrika duhani.*

Кроме того, остается возможность различения падежей по предлогам, которые ими управляют. На этом процедура синтеза заканчивается.

Синтез албанского существительного на морфологическом уровне

Исходная форма	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
1. -#/, м, т. 1	№ 1 + i	№ 1 + -и + -п	№ 1 + -у + -т *	№ 1 + -и + -т *				
2. -#/, м, т. 2	№ 1 + i	№ 1 + -i + -и	№ 1 + -i + -т *	№ 1 + -i + -т *				
3. -#/, м, т. 3	№ 1 + i	№ 1 + -i + -п	№ 1 + -i + -т *	№ 1 + -i + -т *				
4. -#/, м, т. 4	№ 1 + i	№ 1 + -i + -п	№ 1 + -i + -т *	№ 1 + -i + -т *				
5. -#/, м, т. 5	№ 1 + i	№ 1 + -i + -п	№ 1 + -i + -т *	№ 1 + -i + -т *				
6. -i, f					№ 2 + -а	№ 2 + -нë	№ 2 + -së*	№ 2 + -së*
7. -i, m	№ 2 + i	№ 2 + -п	№ 2 + -у + -т *	№ 2 + -у + -т *				
8. -e, f					№ 5 + -ja	№ 5 + -п	№ 5 + -s*	№ 5 + -s*
9. -ë, m	№ 6 + i	№ 6 + -i + -п	№ 6 + -т *	№ 6 + -т *				
10. -ë, f					№ 6 + e	№ 6 + -п	№ 6 + -s*	№ 6 + -s*

* — случаи, которые не могут быть полностью разрешены на морфологическом уровне.

Таблица 38 (продолжение)

Исходная форма	IX	X	XI	XII
1. -#, м, т, 1	№ 9 ∨ № 12 + -t *	№ 9 ∨ № 12 + -t *	№ 9 ∨ № 12 + -ve + (të) + -ë	№ 9 ∨ № 12 + -sh + (të) + -ë
2. -#, м, т, 2	№ 4 + -t + (e) + -ë *	№ 4 + -t + (e) + -ë *	№ 4 + -ve + (të) + -ë	№ 4 + -sh + (të) + -ë
3. -#, м, т, 3	№ 5 + -t + (e) + -a ∨ -ë *	№ 5 + -t + (e) + -a ∨ -ë *	№ 5 + -ve + (të) + -ë	№ 5 + -sh + (të) + -ë
4. -#, м, т, 4	№ 1 + -it *	№ 1 + -it *	№ 1 + -ve	№ 1 + -i-sh
5. -#, м, т, 5	№ 6 + -t + (e) + -ë *	№ 6 + -t + (e) + -ë *	№ 6 + -ve + (të) + -ë	№ 6 + -ve + (të) + -ë
6. -i, f				
7. -i, m	№ 12 *	№ 12 *	№ 12 + -ve	№ 12 + -sh
8. -e, f				
9. -ë, m	№ 4 *	№ 4 *	№ 4 + -ve	№ 4 + -sh
10. -ë, f				

* — случаи, которые не могут быть полностью разрешены на морфологическом уровне.

Таблица 38 (окончание)

Исходная форма	XIII	XIV	XV	XVI
1. -#, м, т. 1				
2. -#, м, т. 2				
3. -#, м, т. 3				
4. -#, м, т. 4				
5. -#, м, т. 5				
6. -i, f	№ 2 + -të *	№ 2 + -të *	№ 2 + -ve	№ 2 + -sh
7. -i, m				
8. -e, f	№ 5 + -t + (e) + -a *	№ 5 + -t + (e) + -a *	№ 5 + -ve + (të) + -a	№ 5 + -sh + (të) + -a
9. -ë, m				
10. -ë, f	№ 4 ∨ № 6 + -t + (e) + -a *	№ 4 ∨ № 6 + -t + (e) + -a *	№ 4 ∨ № 6 + -ve + (të) + -a	№ 4 ∨ № 6 + -sh + (të) + -a

* — случаи, которые не могут быть полностью разрешены на морфологическом уровне.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АЛБАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Сравнение двух основных диалектов албанского языка — гегийского и тоскского (хотя считается, что различия между ними не определены с исчерпывающей полнотой) приводит к выводу, что в морфологии имени (уже в глаголе изменения более значительны) они обладают несущественными различиями по сравнению, например, с фонетическим уровнем¹¹. Это дало нам основание составлять варианты анализа и синтеза для литературного албанского языка, хотя в строгом смысле такого пока не существует¹² (есть лишь решение считать литературным языком переходный диалект Тираны и Эльбасана). Расхождения же между гегийским и тоскским диалектами, не оговоренные в основной части, покажут, что на принимаемом уровне подробности при составлении анализа-синтеза ими можно было пренебречь.

В литературе по албанскому языку имеется достаточное число грамматик, описывающих тоскский и гегийский диалекты¹³. К сожалению, албанский язык до последнего времени остается принадлежащим к числу малоизученных, и лакуны особенно остро ощущаются в области диалектологии. Большинство из имеющихся работ¹⁴ посвящены фонетике и лексике;

¹¹ О несущественности различий между диалектами на морфологическом уровне, см.: D. Shuteriqi. Mbi gjuhën letrare kombëtare shqipe. — BSS, 1952, № 4.

¹² О литературном албанском языке см., например: В. П. Сухотин, А. Кастелари. Основные проблемы албанского языкознания. — ВЯ, 1953, № 4; V. Vubert. Problém spisovné albanštiny. «Casopis pro moderní filologii», 37, 1955, № 1.

¹³ Достаточно назвать для тоскского языка уже упоминавшуюся грамматику К. Ципо, грамматику Дозона, описывающую диалект Пермети (A. Dozon. Manuel de la langue shqipe ou albanaise. Paris, 1878), работы Ньюмарка (L. Newmark. Structural grammar of Albanian; Он же. Colloquial Tosk. Bloomington, 1954). Эльбасанский диалект описан в работе А. Джувани (A. Xhuvani. Libri i gjuhës shqipe. Tiranë, 1930). Гегийскому диалекту посвящена грамматика Вейгана (G. Weigand. Albanische Grammatik im Südgegischen Dialekt. Leipzig, 1913), кроме того см: J. Pisko. Kurzgefaßtes Handbuch der nordalbanischen Sprache (Dialekt von Shkodra). Wien, 1896; T. Cordignano. Lingua albanese (dialekt ghego). Milano, 1931; M. Lambertz. Albanisches Lesebuch. I—II. Leipzig, 1948. — Четкое разделение диалектов проводится в широко известной грамматике Г. Пекмези. См. также: Е. Намр. [реп.]. W. Si-mochowski. Le dialecte de Dushmani. — «Language», XXIX, 1953; M. Lambertz. Указ., соч. I; Гл. Елевович. Знатније разлике између две групе говора у арбанашком језику: гегиске и тоскиске. — ЈФ, XVIII, 1949—1950, № 1—4 и др.

¹⁴ Упомянем некоторые из наиболее известных работ, посвященных албанским диалектам Балканского п-ова. Подробную библиографию см.: I. Ajeti. Istorijski razvitak gegijskog govora arbanasa kod Zadra. Sarajevo, 1961; V. Polak. Les origines de la differenciation dialectale en Albanie. «Orbis», XII, 1963, N 2. — Описания «далматинского албанского», в частности диалекта Борго Эрицо, сделаны Г. Вейганом и К. Тальявини (см.,

грамматический комментарий занимает скромное место. По этим причинам не удалось составить сколько-нибудь полного обзора. Некоторым оправданием может являться то, что (как будет изложено ниже) различия между гегийским и тоскским в отношении имени существительного действительно минимальны. Они сводятся к следующему:

1. В гегийском диалекте существительные мужского рода на *-ue* принимают перед гласным в Pl. элемент *-n-*, например гегийский *ftue — ftoni*; тоскский *ftua — ftoi* (правда, это архаическое *-n* перед *-i* засвидетельствовано и в ряде южнотоскских говоров).

2. В тоскском диалекте употребляется элидированная форма A., например *lisën, lisenë* (вместо *lisin*).

3. В гегийском диалекте Obl. существует только в определенной форме (*-it, -et*); в тоскском для выражения Obl. употребляются флексии неопределенной формы (*-i, -e*)¹⁵.

4. В тоскском диалекте связующий артикль мужского рода *të* может употребляться при существительных женского рода.

5. Существительное, употребленное с предлогом или с определением, в тоскском принимает определенную форму, а в гегийском — неопределенную, в частности, существительное в сочетании с указательным местоимением или количественным

например: C. Tagliavini. L'albanese di Dalmazia. Firenze, 1937). Тальявини является и автором описания албанских говоров на территории Македонии («Le parlate albanesi di tipo Ghego orientale» (Dardania e Macedonia nordoccidentale). Roma, 1942). На этом ареале провел исследование С. Младенов (S. Mladenoff. Bemerkungen über die Albaner und des Albanische in Nordmacedonien und Altserbien. «Balkan-Archiv», I, 1925). К сожалению, автор ограничился перечислением фонетических особенностей. Характеристику албанских диалектов на территории Косова см.: I. Ajeti. Najstariji dokument kosovskog arbanaškog govora na agrarskom pismu. «Gjurmime albanologjike», 1962, № 1; на территории Греции: Φοοριχ ή. 'H èv 'Αττηκ ή έλληναλβανική διάλεκτος. Athens, 1932—1933; G. Weigand. Das Albanische in Attika. «Balkan-Archiv», II, 1926; правда, грамматический комментарий их касается только глагола, а тексты слишком немногочисленны, чтобы по ним можно было сделать какие-либо определенные выводы об имени в этом интересном диалекте, подвергшемся сильной грецизации. Албанские диалекты в Италии описаны М. Ламберцом (M. Lambertz. Albanesische Mundarten in Italien. «Indo-germ. Jahrbuch», II, 1914; Он же. Italo-albanische Dialekt-Studien.—KZ, 51, 1923, № 3—4; 52, 1923, № 1—2; 53, 1925, № 1—2; 3—4); на территории СССР они освещены в ряде работ Н. С. Державина (см., например: Н. С. Державин. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР. «Советская этнография», 1948, № 2 и др.) и Н. В. Котовой («Материалы по албанской диалектологии». — Уч. Зап. ИС АН СССР, XIII, 1956). Наконец, нельзя не назвать двух едва ли не самых первых диалектологических работ: И. Хана (I. Han. Albanesische Studien, Jena, 1854), и описание тоскского диалекта Чамери, сделанное X. Педерсеном (H. Pedersen. Albanesische Texte mit Glossar, Leipzig, 1895).

¹⁵ Подробно о различии определенных и неопределенных форм в гегийском и тоскском см.: H. Boissin. Formes nominales déterminées et indéterminées en albanais. — BSLP, 46, 1950, № 1.

числительным в тоскском употребляется в определенной (аналогия с новогреческим *тоѣто тѣ хорѣтѣ* и македонским *тој мажот*), в гегийском — в неопределенной форме.

6. В албанском языке некоторые группы существительных мужского рода во множественном числе принимают показатели женского рода: существительные мужского рода, принимающие во множественном числе флексии *-e* в гегийском диалекте, *-a* — в тоскском сочетаются с согласованными определениями, идущими по женскому роду (гегийский — *temel-e të shëndosha* в тоскском — *lis-at e thata*). Такое смешение грамматических показателей по роду выделяет среди существительных особую группу, которую весьма условно можно назвать третьим родом. Не вдаваясь в исторические причины его возникновения¹⁶, можно высказать предположение, что на уровне синхронного описания допустимо видеть здесь некоторый изоморфизм с румынским языком, где третий (так называемый средний) род тоже реализуется путем сочетания показателей мужского и женского рода¹⁷.

7. В некоторых тоскских говорах отмечается образование Obl. Pl. без форманта *-v-*, например *çoban i dhëne* (вместо *dhëneve*)¹⁸.

8. Следует упомянуть и о живых формах местного падежа на *-t* в ряде южнотоскских говоров, например, в диалектах Берата (*ipi në fikt*), Мюзете, Скрапари, Дангели, Опари, в переходном говоре Суловы¹⁹.

Таковы более или менее универсальные различия между двумя основными диалектами албанского языка.²⁰ К сожалению, мы не можем сказать ничего определенного о грецизованных тоскских говорах в Аттике и потому ограничимся характеристикой некоторых гегийских говоров, находящихся на терри-

¹⁶ Они вместе с замечаниями о распространении этого явления в диалектах изложены в подробной статье Э. Хемпа (E. Hampa. Gender shift in Albanian plurals, «Romance philology», XII, 1958, № 2).

¹⁷ Однако ряд говоров не знает этого явления, например тоскский говор Опари — *lisa të lartë*. См.: J. Gjinari. Një vështrim mbi të folmet e Oparit. «Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës». 1957, № 4.

¹⁸ См.: Z. Sako. Dialektet e gjuhës shqipe. — BSS, 1952, № 4. — В говорах Мюзете G—D. Pl. образуется с помощью флексии *-t* — *buqet, miqet*. См.: J. Gjinari. Të folmet e Myzeqesë. «Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës» 1958, № 4.

¹⁹ См.: I. Gjinari. E folmja e qyteti të Berati. — BSS, 1957, № 1; Он же. E folmja e Skraparit. «Buletin i universitetit shtetëror të Tiranës», 1958, № 1; S. Floqi. Skicë e së folmes së Dangëllisë. — Там же, 1958, № 3; Q. Naxhahasani. Një vështrim mbi të folmen e krahinës së Sulovës. — BSS, 1955, № 3 — и уже упомянутые работы.

²⁰ Итальянские диалекты албанского языка исключаются из рассмотрения, так как их особенности (например, употребление описательного G. с предлогом *de*) находятся в прямой зависимости от влияния итальянского языка и, следовательно, не входят в зону действия балканистических процессов.

тории Албании и Югославии. Так, значительный интерес представляет северногегийский говор Душмани²¹, где, помимо общегегийских черт, проявляется и ряд индивидуальных особенностей. Дialeкт подтверждает отсутствие среднего рода (он проявляется только в субстантивированных прилагательных и причастиях; существительные, когда-то принадлежавшие среднему роду, переходят в мужской). Некоторые фонетические изменения вызвали перераспределение окончаний и в связи с этим иную нейтрализацию. Так, падение конечного *-ë* приводит к тому, что существительные женского рода в N. Sing. s. Art. оканчиваются на согласный (*lop-#* вместо *lop-ë*) и соответственно нейтрализуются с существительными мужского рода. Это создает дополнительные трудности для анализа. При установлении набора сведений, которые следует придавать исходной форме для синтеза множественного числа, пришлось бы вводить показатели долготы-краткости гласных, так как форма Pl. может отличаться от формы Sing., кроме всего прочего, и по количеству. Наблюдение над соотношением форм определенного и неопределенного склонения позволяет Цимоховскому высказать ряд мыслей вообще о категории определенности-неопределенности. Значение определенности, ослабленное в албанском языке, здесь проявляется еще более затушеванно; артикль еще в большей степени стремится ограничиться деривационным значением. Формы Obl. и Abl. Sing m. и Abl. Sing. f. (последний в данном диалекте обладает собственным окончанием *-et*) всегда функционируют с формантом *-t* (в противоположность, скажем, говорам Центральной Албании), т. е. только в определенной форме. Она, следовательно, является чисто номинальной. С Obl. Sing. f с. Art. (флексия *-s*) может сочетаться неопределенный артикль *ni*; это представляет некоторую аналогию с мегленорумынским (разница заключается в том, что в последнем детерминатив падежа находится в препозиции). Тенденция к оставлению за определенным артиклем только грамматического значения является наиболее интересной особенностью диалекта Душмани в аспекте общевалканских процессов. Эта же тенденция проявляется и в других говорах северногегийского типа²², в частности, расположенных на территории Далмации (Задар) и Черногории (так, в говорах Бриски и Шестана существительные женского рода сохраняют различие по определенности/неопределенности только в N. и A. Sing. и Pl.). В задарском говоре, кроме того, связующий артикль имеет только один вид, считающийся неопределенным. Это тоже в какой-то мере может

²¹ См.: W. Cimoschowski. Указ. соч.

²² Например, в говоре Шкодера также потеряно детерминативное значение форманта *-t* для Obl., см.: G. Valentini. La declinazione determinata e indeterminata in Albanese. «Ricerche linguistiche», II, 1951.

свидетельствовать о редукции категории определенности. В то же время южноегийские говоры сохраняют регулярное различие между определенным и неопределенным склонением. Вообще при наличии достаточного материала целесообразно было бы составить некоторую классификацию албанских говоров в зависимости от того, насколько четко в них проявляется различие между обоими видами склонения. Можно предположить, что диалекты, проявляющие тенденцию к смешению склонений, означающую вместе с тем повышение специально грамматической роли артикля, подверглись более активному действию балканистических процессов.

Глава VI

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТАХ БАЛКАНСКОГО П-ВА

На территории Балканского п-ва, где в течение длительного времени господствовал турецкий язык, ныне остались лишь некоторые его диалекты (причем число говорящих на них сравнительно невелико). Естественно предположить, что столь длительный симбиоз вызвал в рассмотренных языках и в диалектах турецкого языка совпадения, которые можно было бы трактовать в свете балканистических процессов.

При рассмотрении системы склонения имени существительного не обнаруживается сколько-нибудь существенных сходжений, и возможно лишь высказать некоторые предположения об изоморфности ряда конструкций турецкого и остальных балканских языков¹. Набор граммем в сравниваемых языках не совпадает ни количественно, ни содержательно: турецкий не имеет граммем рода; обладает граммемами шести падежей; категория единственного числа (точнее, речь идет о формах, не имеющих специального аффикса множественного числа) содержательно не совпадает с категорией единственного числа в других балканских языках². Принципиально другим является и способ выражения определенности (определенный артикль — нулевой; отсутствие неопределенного артикля *bir* в сочетании с некоторыми дополнительными средствами делает слово определенным)³. Сходство обнаруживается в агглютинативной технике присоединения словоизменятельных аффиксов в турецком и албанском языках, где совпадает и порядок присоединения — показатели падежа следуют за показателями числа (следует еще раз заметить, что это сопоставление узкосинхронно и не касается исто-

¹ О незначительном влиянии турецкого языка на другие балканские в области морфологии и синтаксиса говорил уже Сандфельд (см.: Кг. Sandfeld. *Linguistique balkanique*. Paris, 1930).

² См.: А. И. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

³ См.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М., 1957.

рических и генетических особенностей развития обоих языков). Можно высказать и некоторые предположения о том, что наличие связующего артикля в румынском и албанском языках является в каком-то смысле модификацией изафетной конструкции. Основной функцией связующего артикля, отягченного информацией о роде, числе, падеже и определенности предшествующего существительного, является все-таки указание на то, что члены данного словосочетания находятся в отношении определяемого и определения (порядок слов в балканских языках обратный собственному турецкому изафету, но совпадает с персидским). Ряд исследователей предлагает приписать значение постпозитивного определенного артикля аффиксу G. (основной функцией которого является выражение принадлежности), например: *at-in yelesi — la crinière du cheval*, но не *d'un cheval*. Речь идет о двусоставном изафете, где аффикс G. только как показатель отношения был бы избыточным, поскольку он дублировал бы релятивный аффикс. Тщательный анализ показывает, что в его функции входит указание на определенность⁴.

Любопытно отметить один случай изафета с нулевыми морфологическими показателями при обозначении материала (G. *genetis*), например *bir parça ekmek* 'кусочек хлеба'⁵, что соответствует аналогичным конструкциям в болгарском, македонском, албанском и сербско-хорватском языках⁶. Как известно, в балканских языках существует плеонастический способ выражения принадлежности, заключающийся в том, что притяжательные местоимения повторяются два раза (например, в болгарском — *на мене ми*). Такое дублирование существует и в турецком языке, хотя сама конструкция является другой: имеется в виду так называемый морфосинтаксический способ, когда принадлежность выражается формой родительного падежа соответствующего местоимения и аффикса принадлежности, присоединяющихся к названию предмета обладания, например, *benim bab-am* 'мой отец'⁷. Особому влиянию турецкого языка подвергались и подвергаются новогреческие диалекты Малой Азии

⁴ См.: С. С. Майзель. Указ. соч.; А. И. Кононов. Указ. соч.; J. Deçu. *L'osmanli moderne et le turc de Turquie*. — В сб.: «*Philologiae turcicae fundamenta*». I. Wiesbaden, 1959.

⁵ См.: В. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928; Н. Kissling. *Osmanisch-türkische Grammatik*. Wiesbaden, 1960.

⁶ О существовании такой конструкции в сербско-хорватском языке см.: Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому взаимодействию. «Доклады АН СССР», 1928, № 3.

⁷ Определение и примеры взяты из уже упоминавшейся грамматики А. И. Кононова. Автор указывает, что эта конструкция используется главным образом тогда, когда «морфологический способ не обеспечивает безусловного понимания речи, текста». Это кажется достаточно существенным ввиду того, что на ареалах с полилингвизмом, подобным Балканскому п-ову, естественно ожидать появления плеонастических конструкций, облегчающих понимание.

(о чем уже говорилось в соответствующем разделе). Интересно то, что влияние турецкого языка проявляется главным образом в отношении категории определенности/неопределенности (исчезновение форм определенного артикля, возникновение формы, изоморфной неопределенному падежу турецкого языка). Пожалуй, сказанным выше можно ограничиться в отношении собственно турецкого языка. Более актуальным является рассмотрение тюркских диалектов Балкан.

На территории Балканского полуострова встречаются румелийские диалекты (так называемый фракийский и македонский турецкий) и гагаузские (те и другие принадлежат к огузской группе тюркских языков⁸). Ряд исследователей сближает с гагаузским языком диалект сургучей и гаджалов (или делиорманских турков), тогда во вторую группу войдут диалекты караманли, юруков, кызылбашей и тозлуков⁹. В самом общем виде можно сказать, что гагаузская группа подверглась славянизации, в то время как румелийские диалекты сохраняют более тесную связь с турецким. Обзор румелийских диалектов¹⁰ приводит к выводу, что в них не наблюдается сколько-нибудь существенных отклонений от турецкого языка (речь идет только о морфологии и синтаксисе имени существительного)¹¹. Наиболее крупным отличием является нейтрализация падежей (А.—D. и D.—L.), но она, как указывает ряд авторов, происходит по чисто фонетическим причинам¹².

Напротив, гагаузские диалекты заслуживают специального рассмотрения. Гагаузы, турки по этническому происхождению

⁸ См.: J. Benzing, K. Menges. Classification of the Turkish languages. — В сб. «Philologiae turcaicae fundamenta»; M. Mollova. Les ga-dialectes turcs dans les Balkans et leur rapports avec les autres langues turques. «Балканско езиковзнание», IV, 1962.

⁹ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. — Т. Ковальский предлагает называть гагаузские диалекты и диалект Дели-Ормана «дунайским турецким» (Т. Kowalski. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du nord-est. Kraków, 1933).

¹⁰ См. в частности: А. Сафероглу. Die anatolischen und rumelischen Dialekte. — В сб.: «Philologiae turcaicae fundamenta». — Достаточно подробная библиография имеется в работах И. Бенцинга (I. Benzing. Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Türkologie. Wiesbaden, 1953) и Д. Синора (D. Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden, 1963). См. также подробное перечисление диалектов на территории северо-восточной Болгарии в докладе Д. Гаджанова (D. G. Gadžanov. Aufträge der Balkankommission zum Zwecke von türkischen Dialektstudien durch Nordost-Bulgarien unternommene Reisen. Anzeiger WAW, Phil-hist. Klasse, 1911, № 5).

¹¹ Об этом говорит, в частности, Т. Ковальский в статье о тюркских диалектах, помещенной в Энциклопедии ислама (Enzyklopaedie des Islam. IV, Leipzig, 1934).

¹² См.: Т. Kowalski. Einige Probleme der osmanisch-türkischen Dialektforschung. «Rocznik orientalistyczny», VII, 1929—1930; А. Сафероглу. Die anatolischen und rumelischen Dialekte. — В сб.: «Philologiae turcaicae fundamenta».

и христиане по вероисповеданию, являются своего рода посредниками между миром ислама и христианским миром¹³. В настоящее время на территории Балканского полуострова сохранились лишь немногочисленные поселки гагаузов (районы Варны, Тырнова, Добруджи), так как большая их часть в конце XVIII—начале XIX вв. переселилась в Бессарабию. Судить о гагаузских диалектах в основном можно по описаниям языка именно бессарабских гагаузов¹⁴, хотя язык балканских гагаузов с большей последовательностью сохраняет собственно ту рецкие черты¹⁵. Среди особенностей, свойственных именно гагаузским диалектам¹⁶, особое внимание привлекают следующие:

1. Появление граммы женского рода в результате заимствования славянского суффикса *-(й)ка* для обозначения лиц женского пола (*балдыс-ка, хажый-ка* и т. п.)¹⁷.

2. Случаи употребления аффикса принадлежности в таких ситуациях, где ему возможно приписать функции артикля (существительные со «вторичной основой», по термину Н. К. Дмитриева, например *бойн-у, койн-у*).

3. Тенденция выражения принадлежности аналитическим способом (сочетание имени существительного с притяжательным местоимением, исключающее употребление аффиксов принадлежности — *беним евлър* вместо *евлер-им*).

4. Значительное разрушение тюркской категории неопределенности (имеется в виду «неопределённый» падеж).

5. Употребление личных местоимений в родительном падеже в значении притяжательных местоимений (*бен-им* — мой). Ср. аналогичное явление в других балканских языках.

6. Существенные изменения произошли на синтаксическом уровне в отношении порядка слов. Достаточно часто свободный «славянский» порядок слов, подчиняющийся в основном содержательно-логической стороне, занимает место жестко фиксированного порядка слов, типичного для турецкого языка (*var bir adam Beşalmada* 'есть один человек в Бешалме' — сказуемое на первом месте, что вообще несвойственно тюркским языкам)¹⁸.

¹³ См.: С. Pees. Christliche Türken oder türkische Christen. «Österreichische Monatsschrift für den Orient», XX, 1894.

¹⁴ Обзор и подробную библиографию работ по гагаузскому языку см.: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, см. также: D. Sinor. Указ. соч.; G. Doerfer. Das Gagausische. — В сб.: «Philologiae turcicae fundamenta».

¹⁵ См.: Т. Kowalski. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du Nord-Est.

¹⁶ Перечисляются по работам: G. Doerfer. Das Gagausische; Н. К. Дмитриев. Гагаузские этюды. В кн.: «Строй тюркских языков». М., 1962; Л. А. Покровская. Указ. соч.

¹⁷ См.: V. Drimba. Études gagaouzes (II). «Revue roumaine de linguistique», IX, 1964, № 3.

¹⁸ Пример взят из «Гагаузских этюдов» Н. К. Дмитриева.

Наиболее распространена в гагаузском языке следующая конструкция простого предложения: Atr. — Subj. — Atr. — Praed. — Obj. dir. — Obj. obl. Она совпадает с аналогичными конструкциями в других балканских языках. Инверсия, происходящая по требованиям стиля или в зависимости от логического ударения, позволяет говорить о нарушении в гагаузском языке 2-го закона Дени (второстепенный член предшествует главенствующему), так как обычный тип синтагм для гагаузского следующий: Praed. & Obj.; Praed. & Adv. По свидетельству исследователей, изменение порядка слов — продолжающийся и развивающийся процесс¹⁹.

Эти особенности синтаксиса гагаузского языка в сопоставлении с данными о порядке слов в других балканских языках наводят на мысль о возможности существования на всем балканском ареале однотипной конструкции простого предложения (в данном случае имеется в виду именно сходство в порядке слов). Можно предположить, что в основе такой конструкции лежит славянская модель, к которой приблизились или приближаются другие языки (например румынский, отошедший от романской традиции более строгого порядка слов). Активная интерференция на синтаксическом уровне является основной чертой языковых союзов. Изменение порядка слов наиболее заметно в гагаузском языке, где исходная точка максимально удалена от конечного результата. Поэтому крайне интересно было бы исследовать синтаксис гагаузского языка в аспекте общей теории языковых контактов.

---

¹⁹ Эти положения содержатся в работе Т. Г. Калякиной-Калединой. «Порядок слов в простом предложении гагаузского языка» (Автореферат канд. дисс., М., 1955).

Глава VII

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ, ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ ПО НЕКОТОРЫМ МОДЕЛЯМ-ЭТАЛОНАМ

Результаты серии предыдущих частных описаний имени предполагается рассмотреть, располагая их в специально устанавливаемой классификационной схеме. Основные элементы схемы естественным образом определяются теми категориями, которые использовались при описании склонения в конкретных языках. Помимо этого состав схемы зависит от более общих предпосылок, связанных, в частности, с принципами, на которых строилась данная работа. Первый из них состоит в том, что описание велось в терминах и понятиях, которые реализуются в языковом поведении говорящих на балканских языках, не осознаваясь ими, и остаются недоступными анализу носителя языка, если только он не лингвист. Следование этому принципу гарантирует то, что можно определить как относительную объективность описания¹. Второй принцип связан с задачей объяснения полученных результатов с определенной точки зрения. В качестве такой точки зрения выбирается гипотеза о сознательном выборе материала — он подбирается не случайно, а таким образом, чтобы была обеспечена целесообразность полученных результатов. Следует заметить, что (за немногими исключениями) лингвистика и многие другие гуманитарные науки не использовали «активный» подход к объекту, когда ставится вопрос «зачем» (а не только «почему»). Тем не менее такой подход актуален для современной науки² вообще и для лингвистики в частности, в особенности для тех важнейших ее разделов, в которых изучается отношение лингвистических систем друг к другу не в отвлече-

¹ О значении этого принципа в лингвистическом исследовании см.: C. Lévi-Strauss. *Anthropologie structurale*. Paris, 1958.

² См.: У. Росс Эшби. *Введение в кибернетику*. М., 1959.

ченном плане, а в аспекте процесса коммуникации. Поэтому он вполне оправдан в отношении балканской языковой ситуации.

В данной работе делается попытка не поддающийся сомнению факт возрастания схождения между балканскими языками осмыслить с точки зрения коммуникативных процессов, когда (хоть и на подсознательном уровне) как бы поставлена задача нахождения оптимальных языковых средств для общения между представителями разных балканских языков, при том что сохраняется использование родного языка. Разумность такой постановки вопроса подтверждается высокой степенью лингвистического разнообразия (в понимании Гринберга)³, характерной для Балкан с их постоянными би- и полиязычными контактами. В такой ситуации целесообразным представляется конструирование некоторой условной модели склонения имени в БЯС (о значении этого фрагмента грамматической системы БЯС уже говорилось), которая, будучи по возможности близкой к каждому из реально существующих балканских языков, была бы вместе с тем построена как часть предполагаемого оптимального языка-посредника. Такая модель могла бы интерпретироваться, с одной стороны, как конечный этап развития, к которому стремятся все балканские языки и который обеспечивает наибольшую простоту в пересчете на любой балканский язык и на язык-посредник. С другой стороны, такая модель может быть представлена как своего рода устройство, которое, получая сведения о состоянии каждого отдельного языка, самонастраивается и образует усредненную систему, связывающую отдельные балканские языки. Введение термина язык-посредник ни в коей мере не означает попытку свести сложный процесс образования БЯС (и языковых союзов вообще) к вполне детерминированному стремлению изобрести некую реальную метасистему, которая в обозримом будущем должна вытеснить существующие балканские языки. Таким образом, привлечение понятия коммуникации для исследования БЯС не следует понимать как категоричное объяснение, претендующее на разрешение проблемы языковых союзов.

Предполагаемый язык-посредник должен удовлетворять условию минимальной затраты усилий при распознавании и синтезировании текста. Простота кодирования и декодирования находится в зависимости от существования достаточно общих, несложных и легко распознаваемых конструкций. Избранный здесь подход обязывает исходить из того, как реализуется план содержания в формальных схемах; в таком случае естественно предположить, что говорящий прежде всего имеет дело

---

³ См.: J. H. Greenberg. The measurement of linguistic diversity. «Language», XXXII, 1956, № 1.

не с отдельными словоформами, а с синтаксическим уровнем⁴, где и появляются конструкции, которые нужно распознать и синтезировать; лишь в дальнейшем они проецируются на морфологический уровень, где в свою очередь вызывают соответствующие изменения. Иными словами, предполагается, что для обеспечения понимания нужно обладать определенным лексическим минимумом и знанием некоторых простейших конструкций, соответствующих универсальным логико-синтаксическим категориям речи (субъект, предикат, прямой и косвенный объект, атрибут, адverb), в терминах которых здесь была описана система имени в отдельных балканских языках⁵. Поэтому сравнение начинается с установления способов выражения упомянутых логико-синтаксических единиц, непременно присутствующих в каждом рассматриваемом языке (как и в любом языке вообще). Предполагается также, что при достаточном разнообразии морфологического строения отдельных языков проекция анализируемых конструкций на морфологический уровень обнаружит фигуры сходных очертаний.

Сопоставление будет проводиться внутри простого предложения, состоящего из четырех—шести слов, схема которого имеет следующий вид: Subj.—(Atr.)⁶—Praed.—Obj. dir.—(Atr.)—Obj. obl.—Adv. Эта схема является типичным образцом разговорной речи, представленной как правило простыми предложениями, состоящими из четырех—шести слов (именно пять слов представляет собой нижнюю границу глубины предложения, по гипотезе Ингве)⁷. Естественно предположить, что при общении с затрудненным пониманием глубина предложения будет приближаться к минимуму. Если считать почвой балканских схождения «этническое взаимопроникновение, билингвизм и неграмотность»⁸ (последняя имеет значение пока-

⁴ Иллюстрацией этого положения может служить резкое изменение синтаксиса гагаузского языка при почти неприкосновенной морфологии (см. стр. 156). Там отмечается подчинение строения фразы славянской синтаксической модели. Это особенно ясно видно при сравнении жесткого порядка слов, свойственного турецким языкам, в частности, турецкому, и свободного, подчиняющегося плану содержания, славянского; аналогичное изменение происходит в румынском, где степень свободы порядка слов выше, чем в других романских языках.

⁵ Перечисленные здесь категории можно считать универсальными единицами плана содержания, по-разному воплощаемыми в разных языках. Для некоторых целей их удобно рассматривать как отношения, или связи: предикативную, атрибутивную, комплетивную и т. д. См. как некоторую аналогию ОНД в работе: И. А. Мелчук. Автоматический анализ текстов. «Славянское языкознание». М., 1963.

⁶ Рассматривается только атрибут, выраженный именем существительным

⁷ См.: V. N. Yngve. A model and hypothesis for language structure. «Proceedings of American Philosophical Society», 104, 1960, № 5.

⁸ См.: Н. Л. Клагстадт. Morpho-syntactic treatment of the Balkan linguistic group. «American contributions to the 5th International Congress of Slavists». 's-Gravenhage, 1963.

Card.), 7 граммем падежей (N., G., D., A., Abl., I., L.), граммема одушевленности и, более узко, личности, граммемы определенности и неопределенности¹⁰. Набор граммем реализуется в языках в следующих комбинациях:

- 1) Албанский: m, f, Sing., Pl.; N., A., Obl. (G.—D), Abl., опред., неопред. — всего 10 граммем.
- 2) Болгарский: m, f, n, Sing., Pl. Pl. Card., N. (Dir.) [A. = Cas. Obl. gen.], [личн.], опред. — всего 10 граммем.
- 3) Македонский: m, f, n, Sing., Pl., Pl. Card., N. (Dir.), [A. = Cas. Obl. gen.], [личн.], опред. — всего 10 граммем.
- 4) Новогреческий: m, f, n, Sing., Pl., N., A., G., опред., неопред. — всего 10 граммем.
- 5) Румынский: m, f, n, Sing., Pl., Dir. (N.—A.), Obl. (G.—D.), [одушевл.], опред., неопред. — всего 10 граммем.
- 6) Сербско-хорватский: m, f, n, Sing., Pl., N., A., G., D., I., L., одушевл., опред. — всего 13 граммем.
- 7) Диалекты Южной и Восточной Сербии (далее ЮВС): m, f, n, Sing., Pl., Pl. Card., N., [A. = Cas. Obl. gen.], [личн.], опред. — всего 10 граммем.

В количественном отношении балканские языки обладают приблизительно равной суммой граммем. Разница обнаруживается в составах конкретных наборов, которые далее рассматриваются более подробно. Граммема рода проходит одинаково по всем языкам за исключением албанского, утерявшего средний род. Существуют разногласия по поводу того, считать ли в румынском языке третий род средним — *neutrum* (см. R. Jakobson. *On the Rumanian neuter*, стр. 103) или обоюдным — *ambigenium* (см.: I. Pătruț. *Despre genul neutru în limba română*, стр. 103). Если принять последнее, следует отметить изоморфную категорию в албанском языке, что дает возможность, по крайней мере теоретическую, приписать последнему также три рода. Все языки обладают граммемами единственного и множественного числа (*Dualis*, сохранившийся лишь в отдельных формах, не учитывался). Болгарский, македонский и ЮВС присоединяют к этому граммему счетного множественного. Наи-

---

¹⁰ В категории определенности рассматривается бинарное противопоставление (существительное с определенным артиклем, существительное с неопределенным артиклем), а не тернарное (существительное с определенным артиклем / существительное с неопределенным артиклем / существительное без артикля), которое строится, в частности, для румынского языка. См., например: M. Zdrenghea. *Articulat-nearticulat*. «*Cercetări de lingvistică*». I, 1956, № 1—4. Ср. попытку введения трех степеней определенности в албанском языке в работе: H. Boissin. *Formes nominales déterminées et indéterminées en albanais*. — BSLP, XLVI, 1950.

более заметны различия в области склонения, где число падежей колеблется от шести (сербско-хорватский) до одного (болгарский, македонский, ЮВС: форма *A.*, имеется только у некоторых существительных). В каком-то смысле к ним можно присоединить и румынский, где формой *Obl.* в нечленном склонении обладают только существительные женского рода на *-ă/-a*. Для албанского и румынского языков в *Obl.* регулярно сливаются *G.* и *D.*; к ним можно присоединить новогреческий, где *G.* в большом числе случаев выполняет функции *D.*; сербско-хорватский различает *G.* и *D.*

На морфологическом уровне граммема одушевленности регулярно существует только в сербско-хорватском языке (для существительных мужского рода), выражаясь в разных типах нейтрализации: *N.—A.* для неодушевленных; *G.—A.* для одушевленных. В румынском языке она может проявляться на синтаксическом уровне, выражаясь с помощью предлога *pe* при прямом объекте; на морфологическом уровне категория личности может быть выражена препозицией определенного артикля. Для болгаро-македонского ареала (с включением ЮВС) она существует тоже как категория личности, притом в ограниченных случаях (флексия *A. -a* при личных именах мужского рода); это явление практически актуально только для диалектов, где оно часто находится в функциональной связи с категорией падежа — последняя охватывает только личные существительные; соответственно наличие или отсутствие падежных флексий может служить показателем личности или неличности существительного¹¹. Следует привести и еще один интересный пример выражения категории личности: изолирующий артикль при терминах родства в албанском языке.

Категория определенности обнаруживает разнообразие как в способах реализации, так и в оттенках значения. Определенность выражается артиклем двух видов: либо постпозитивным, пишущимся слитно с предшествующим словом (все языки, кроме новогреческого, в сербско-хорватском «артикль» присоединяется только к прилагательному), либо препозитивным (новогреческий, балканороманские). В македонском языке и в некоторых македонских и болгарских говорах существуют три степени определенности, в зависимости от пространственного расположения предмета. В румынском и албанском языках имеется, кроме того, особый артикль, служащий показателем атрибутивной связи, причем в румынском употребляются различные формы в зависимости от того, какой частью речи выражен атрибут — существительным или прилагательным. В албанском языке для

---

¹¹ Частным случаем выражения одушевленности, изоморфным румынскому языку, является конструирование прямого объекта с предлогом *na* в некоторых болгарских и македонских диалектах (см. стр. 46).

субстантивации применяется не определенный артикль, как обычно, а особый (изолированный, который, кроме того выделяет термины родства). Интересно отметить, что категория неопределенности в примерно одинаково редуцированной степени проходит по крайней мере в трех балканских языках (албанском, новогреческом и румынском): самостоятельная форма неопределенного артикля, всегда препозитивного, существует только в единственном числе. Во множественном числе эта граммема может выражаться с помощью форм неопределенного местоимения или числительного. (В болгарском языке употреблению числительного *един* в некоторых случаях можно приписать роль неопределенного артикля, тем более, что и в других балканских языках именно это числительное служит неопределенным артиклем). Максимальным набором граммем обладает сербско-хорватский язык (13 из 15), остальные насчитывают по 10 граммем. Граммы роды и числа, в общем проходящие по всем языкам одинаково, не будут в дальнейшем специально рассматриваться, тем более, что при анализе и синтезе, как показали приложенные описания, они имеют, скорее, вторичное значение. То же самое относится к категории одушевленности, которая охватывает балканские языки лишь фрагментарно. Основной интерес вызывает различие падежных систем и способы выражения через них одних и тех же логико-синтаксических категорий¹².

II. Типы падежных систем в балканских языках

Существование артикля, выполняющего функции грамматического показателя и являющегося своего рода флексией, по меньшей мере дублирующей, если не заменяющей флексии существительного, позволяет говорить о двух видах склонения в языках БЯС — неопределенном и определенном (или нечленном и членном). В каждом из них падежные системы реализуются по-разному. Например, прямой падеж — *Dir.* — может выступать либо только в функции *N.* (если есть противопоставление *N.* и *A.*, как в новогреческом и сербско-хорватском), либо в функции *N.—A.* (если ему противопоставлен косвенный падеж — *Obi.* — как в румынском), либо соединять функции прямого и косвенного падежей (как в болгарском, македонском и ЮВС). Поэтому возникает необходимость классифицировать падежные системы таким образом, чтобы они, с одной стороны, были достаточно общими и приложимыми к любому языку, а с другой стороны, учитывали индивидуальные особенности

¹² Рассмотрение адверба, способы выражения которого меняются в зависимости от семантических требований и для которого не существует фиксированных конструкций (определенный падеж, определенный предлог), не представляет интереса, так как здесь производится попытка установления именно универсальных конструкций.

каждого из них, т. е. были ограничены ТМС и ТМП набора граммем (теоретико-множественное произведение, в которое входят грамемы, проходящие по всем языкам). ТМП граммем падежа БЯС формально равно 1 — это Dig. Именно Dig. будет основным членом в классификации, а основным принципом деления будет наличие или отсутствие противопоставления Dig./Obl., т. е. прямого и косвенного падежей, причем Obl. обязательно содержит в себе либо G., либо D., а желательно — нейтрализацию G.—D. В рамках данной классификации несущественно, какие функции выполняет Dig. Выделяются два типа падежных систем:

I. *Беспадежный*. Функционирует только прямой падеж — Dig., без предлога выступающий в роли N. и A., а с предлогом — в роли общего косвенного падежа (Cas. Obl. gen.). В частных случаях (для некоторых групп существительных в болгарском, македонском и ЮВС) значения A. и Cas. Obl. gen. могут выражаться особой формой, которую в данном случае можно рассматривать как «алломорф» Dig.

II. *Двупадежный*. Существительное обладает противопоставлением Dig./Obl., причем Dig. может разворачиваться в N. и A., а Obl. в G. и D. Два эти типа составляют ядро падежных систем БЯС. Из него исключаются падежи, встречающиеся только в одном языке, Abl. в албанском¹³, L. в сербско-хорватском¹⁴.

1. В неопределенном склонении в I тип входят болгарский, македонский и ЮВС. Ко II типу относятся албанский, новогреческий, румынский и сербско-хорватский языки. Последний следовало бы отметить особо, поскольку в нем, единственном, на морфологическом уровне есть противопоставление G. — D.

2. В определенном склонении болгарский, македонский и ЮВС по-прежнему относятся к I типу (только большая группа существительных способна образовывать особую форму для A.). Румынский относится ко II типу с той разницей, что противопоставление Dig./Obl. проходит регулярно (а не только у существительных женского рода на *-ă/-a*). Албанский язык сближается с новогреческим: оба разворачивают Dig. в N. и A., правда, албанский только в единственном числе. (В неопределенном склонении в новогреческом группа существительных мужского рода нейтрализует не N. — A., а A. — G. тип *πάριπας* — N., *πάριπα* — A. — G.)

Соотношение неопределенного и определенного склонения выступает в следующих сочетаниях:

¹³ В данном случае Abl. в албанском трактуется как алломорф G., тем более, что прецеденты этому существуют в албанской грамматической литературе (см. соответствующую главу).

¹⁴ Тем более, что L. в подавляющем большинстве случаев полностью нейтрализуется с D.

- 1) Болгарский, македонский, ЮВС¹⁵: Неопред.: Dir. (N. [A])¹⁶, например *мъж* (N.) — *мъжа* (A); *жена* (Dir.); опред.: Dir. (N., [A]), например *столът* (N.) — *стола* (A); *жената* (Dir.).
- 2) Румынский. Неопред.: Dir. — [Obl.], например *scaun* (Dir. и Obl.), *manta* (Dir.), *mantale* (Obl.); опред.: Dir. — Obl., например *scaunul* (Dir.), *scaunului* (Obl.), *mantale* (Dir.), *mantalei* (Obl.).
- 3) Албанский. Неопред.: Dir. — Obl., например *shok* (Dir.) — *shoku* (Obl.); опред. Dir. (N. — A.) — Obl., например *shoku* (N.), *shokun* (A.), *shokut* (Obl.).
- 3-а) Новогреческий. Неопред.: Dir. — Obl. (N. — A., G. √ N., A. — G.), например *καφές* (N.) — *καφέ* (A. — G.); *γαγά* (N. — A.), *γαγάς* (G.); опред.: Dir. (N., A.), Obl. (G. — [D.]), например *о кафές* (N.), *тoн кафё* (A.), *тоб кафё* (G.).
- 4) Сербско-хорватский: N., A., G., D., например *жена* (N.), *жену* (A.), *жене* (G.), *жени* (D.).

В сербско-хорватском языке категория определенности не отражается в склонении собственно существительного; для удобства в табл., где представлено распределение типов склонения по языкам, сербско-хорватский язык отмечен в обоих видах склонения.

Кроме этого, следует учесть особый тип падежной системы для ряда болгарских и македонских диалектов: N., A., D., хотя формами A. и D. обладают обычно лишь некоторые группы существительных, обычно личные, например *Милан* (N.), *Милана* (A.), *Милану* (D.).

Таким образом, только сербско-хорватский язык обладает морфологическими средствами (в данном случае — набор флексий), достаточными для выражения основных логико-синтаксических единиц. В остальных языках применяются дополнительные средства и прежде всего фиксированные предложные конструкции.

III. Основные способы выражения логико-синтаксических единиц

Приложенные описания балканских языков позволяют установить, что фиксированные предложные конструкции с грамматическим значением суть сочетания предлога *на* или *от* (*на*, *од*, *εις*, *de*, *la*, *pe*) с прямым падежом (или с A.).

Для балканских языков установлены следующие три способа выражения логико-синтаксических единиц:

I. Dir. sine Праер. (прямой падеж без предлога);

¹⁵ Примеры даются болгарские.

¹⁶ Здесь, как и ранее, прямые скобки указывают на то, что данная граммема не регулярна, т. е. либо относится не ко всему классу существительных, либо проходит не по всей парадигме.

II. Dir. cum Praep. (прямой падеж с предлогом);

III. Obl. sine Praep. (косвенный падеж без предлога).

Выражение субъекта и прямого объекта с помощью конструкции Dir. sine Praep. проходит по всем языкам, с той только разницей, что в языках, обладающих противопоставлением N. и A., различие субъекта и прямого объекта происходит на морфологическом уровне (сербско-хорватский, новогреческий, албанский). Конструкция Dir. cum Praep. в румынском, A. cum Praep. в некоторых македонских диалектах является показателем одушевленности (или по меньшей мере личности) существительных при выражении прямого объекта. В болгарском, македонском и ЮВС конструкция *na + Dir. (A.)* регулярно употребляется для выражения косвенного объекта и атрибута; в румынском, албанском и новогреческом эти синтаксические единицы выражаются с помощью Obl. sine Praep. (но в новогреческом косвенный объект в большинстве случаев выражается конструкцией $\epsilon\iota\varsigma + A.$); то же самое происходит в сербско-хорватском с той разницей, что там различие косвенного объекта и атрибута происходит уже на морфологическом уровне, благодаря существованию отдельных форм для G. и D.

Наложение трех способов выражения логико-синтаксических единиц на конкретные падежные системы балканских языков образует следующие семь видов:

a) для Subj.: Dir. sine Praep. $\surd$ N. (1);

b) для Obj. dir.: Dir. sine Praep. $\surd$ A. (2); Dir. cum Praep. (3);

c) для Obj. obl.: (Dir. $\surd$ A.) cum Praep. (4); Obl. sine Praep. (6);

d) для Atr.: (Dir. $\surd$ A.) cum Praep. (5); Obl. sine Praep. (7).

Виды выражения логико-синтаксических единиц распределяются по языкам следующим образом:

1) 1, 2, 6, 7 — албанский, сербско-хорватский;

2) 1, 2, 3, 6, 7 — румынский;

3) 1, 2, 3, 4, 5 — болгарский, македонский, ЮВС;

4) 1, 2, 4, 6, 7 — новогреческий.

Итак, все языки применяют способы 1 и 2. Поэтому сравнение целесообразно вести по способам 4—7, представляющим конструкции для выражения атрибута и косвенного объекта. (Способ 3 употребляется в частных случаях.) Разбиение, предложенное выше, делит языки на группы в зависимости от того, выражаются ли в них косвенный объект и атрибут морфологическим (албанский, румынский, новогреческий, сербско-хорватский) или синтаксическим способом (болгарский, македонский, ЮВС). Балканороманские диалекты и новогреческий могут выражать атрибут и косвенный объект как средствами склонения (в этом случае происходит нейтрализация этих единиц), так и с помощью предложных конструкций (в этом случае нейтрализация снимается; в новогреческом сочетание A. с предлогом $\epsilon\iota\varsigma$ выражает только косвенный объект). Кроме того можно выделить

группу, имеющую особую форму для А.; в нее полностью войдут сербско-хорватский и новогреческий и в некоторой своей части все остальные языки, кроме румынского.

Итак, с установлением способов выражения логико-синтаксических единиц установлен и факт нейтрализации в ряде языков субъекта с прямым объектом и атрибута с косвенным объектом. Как показано в предыдущих главах, эта нейтрализация разрешается на различных уровнях; особенно существенным представляется синтаксический.

IV. Средства синтаксического уровня

Различение субъекта и прямого объекта

1. Порядок слов. Некоторые, достаточно общие рассуждения о порядке слов возможны потому, что для всего БЯС в общем существуют одинаковые способы расположения слов в предложении. Ядерной считается конструкция Subj. — Praed. — Obj.; именно она является исходной точкой всех преобразований, а их может быть достаточно много: указанный порядок слов постоянно нарушается и не обязательно влечет при этом точные указания на инверсию. Этот порядок слов можно представить как результат унификации разных типов построения фразы по «славянскому» образцу: подчинение требованиям, скорее семантическим и ситуационным, и в связи с этим невозможность использования порядка слов в качестве формального средства для кодирования и декодирования. Предполагается, что уступка строгости в пользу смысла, контекста, ситуации вполне отвечает требованиям затраты минимальных усилий. Не следует забывать, что конструируемая модель рассчитана прежде всего на устное общение, в ходе которого некоторые более или менее общие схемы заполняются разным лексическим материалом (соответственно — албанским, греческим, румынским, славянским, тюркским), в результате чего неизбежно получается, что «фатическая»¹⁷ функция языка проявляется не на лексическом (это более или менее бесполезно) и морфологическом (его может практически и не быть), а именно на синтаксическом уровне и прежде всего — в порядке слов; иначе говоря, существует возможность при неполном понимании менять порядок слов несколько раз, выделяя тем самым наиболее существенные моменты содержания, пока оно не станет ясным (это наблюдение действительно и для других случаев межъязыковых контактов)¹⁸.

¹⁷ О фатической функции см.: R. Jakobson. *Linguistics and Poetics*. «Style in language», M. J. T., 1960. Следует отметить, что роль фатической функции предельно возрастает именно в случаях языкового контакта с неполным пониманием.

¹⁸ Важно подчеркнуть, что относительная легкость перестановок слов в предложении соответствует тому факту, что схема предложения в языке

2. Информация, заключенная в глаголе-предикате (подробно освещено в разделах, относящихся к румынскому и болгарскому языкам, см. схему на стр. 30).

Различение косвенного объекта и атрибута

1. Окружение, например V.+S. Obl. → Obj. obl.; S.+S. Obl. → Atr.; изложено в разделах, посвященных румынскому, албанскому, болгарскому, македонскому языкам и ЮВС.

2. Связующий артикль при атрибуте (в румынском и албанском языках), дублирующий кроме того информацию о роде, числе, падеже и определенности предыдущего существительного. Это же значение можно отчасти приписать и новогреческому определенному артиклю в конструкциях типа (ὁ) ἀνδρὸς ὁ ἀγαθός, где он, благодаря своему центральному положению, является показателем связи определяющего с определяемым. Наличие такого специального показателя можно рассматривать как плеоназм, вполне естественный в языковом союзе, где в гораздо большей степени, чем в изолированных языках, существует и даже необходима избыточность.

3. Местоименная реприза, т. е. дублирование прямого и косвенного объекта краткими формами личных местоимений, является едва ли не самым несомненным балканизмом, одинаково проявляющимся во всех балканских языках, по которым она проходит: краткие формы личных местоимений стоят непосредственно перед глаголом в порядке Pron. Obl., Pron. Dir. (см. на стр. 46 конструкцию, выведенную З. Голомбом для македонских диалектов и приложимую в равной степени к другим языкам). Обязательность репризы, устанавливаемая нормативными грамматиками на уровне langue (при инверсии и т. п.), не соблюдается на уровне parole. Местоименная реприза появляется в языках, в которых на морфологическом уровне происходит регулярная нейтрализация косвенного объекта и атрибута, т. е. в болгарском, македонском, ЮВС, албанском и румынском, менее регулярно в новогреческом; слияние G. — D. находится в отношении импликации с появлением репризы. Так, она отсутствует в сербско-хорватском языке, но появляется в ЮВС¹⁹.

(langue), например дерево предложения, строится независимо от порядка слов, который является как бы проекцией дерева на прямую. Относительная строгость порядка слов соблюдается, видимо, лишь в рамках элементарных синтаксических конструкций (обычно двучленных). Закономерности порядка слов в пределах целого предложения, очевидно, являются функцией от порядка слов в элементарных синтаксических конструкциях. Следовательно, чтобы довести мысль до собеседника, можно многими способами менять порядок слов во фразе при относительной стабильности последовательности слов в элементарных синтаксических конструкциях.

¹⁹ Подробный разбор происхождения и употребления местоименной репризы в языках БЯС см. в работе: П. Илиевски. Прилог кон хроно-

Итак, рассмотрение способов выражения логико-синтаксических единиц средствами морфосинтаксического уровня привело к выделению трех основных способов выражения четырех синтаксических единиц; языки разделились на две группы, из которых одна (сербско-хорватский и отчасти новогреческий) выражает логико-синтаксические единицы на морфологическом уровне; вторая группа характеризуется наличием местоименной репризы и в свою очередь делится на две подгруппы: первая (албанский, балканороманские, частично новогреческий) выражает косвенный объект и атрибут синтетически, а вторая (болгарский, македонский и ЮВС) аналитически. В языках с аналитической конструкцией Obl. (здесь можно снова упомянуть новогреческий с его выражением косвенного объекта с помощью предлога *eis* и балканороманские с возможностью употребления индивидуальных конструкций для атрибута и косвенного объекта) возникают дополнительные трудности для распознавания и синтеза, так как предлоги, входящие в фиксированные конструкции, в других случаях могут иметь не грамматическое, а конкретное, например локальное или временное значение.

Средства морфологического уровня

Два типа надежных систем БЯС реализуются с наибольшей последовательностью I — в его славянской части (за исключением сербско-хорватского), II — в румынском и албанском. Пожалуй, нецелесообразным было бы установление единственно возможной модели-эталона сведением ее к беспадежной системе на том основании, что более вероятен путь от синтетизма к аналитизму, а не наоборот. Во всяком случае, на данном этапе кажется разумным признать равноправное существование двух систем, различающихся синтетическим или аналитическим выражением Obl., и считать более существенным наличие свойственного именно балканским языкам противопоставления Dig./Obl., в котором слились G. и D., независимо от того, на морфологическом или морфосинтаксическом уровне осуществляется это противопоставление.

Известно, что флексии существительного в балканских языках сами по себе обладают малой разрешающей способностью; редукция склонения выражается, во-первых, в уменьшении количества падежей и, во-вторых, в чрезвычайно высокой степени нейтрализации. Показателем нейтрализации служит отношение числа флексий к общему числу словоформ (здесь и далее вводятся количественные показатели, основой чему послужили

логјата на еден балканизам во македонскиот јазик. — Мак. јаз. XI—XII, 1962—1963, № 1—2.

принципы количественной типологии Гринберга)²⁰. Интересно, что наибольшая степень нейтрализации наблюдается в сербско-хорватском (92,8%) и новогреческом (92,7%) языках, т. е. в тех языках, где основная информация, казалось бы, должна содержаться именно во флексиях. Поэтому исключение новогреческого и сербско-хорватского из БЯС единственно на основании их флективного строения кажется недостаточно обоснованным: дело, видимо, не столько в наличии или отсутствии флексий, сколько в более общей проблеме — разрешающей способности этих флексий, что, может быть, следует выдвинуть в качестве критерия для определения степени балканистичности. Процедура анализа и синтеза заставила прийти к выводу, что в упомянутых языках собственно флексии существительного имеют весьма ограниченное значение для кодирования и декодирования, так что требуется применение каких-то внешних средств. Поэтому кажется, что сам по себе синтетизм новогреческого и сербско-хорватского — еще недостаточное основание для того, чтобы не считать их членами БЯС.

На морфологическом уровне²¹ для анализа и синтеза использовались следующие средства (оформлявшиеся в виде шагов): I — флексия существительного; II — флексия существительного и форма артикля; III — флексия существительного, форма артикля, флексия согласованного определения.

Эта общность средств синтеза и анализа в балканских языках показательна в том отношении, что в других языках состав этих средств был бы иной, по сравнению с балканскими. (Например, можно предположить, что для французского существенным был бы порядок слов, предложные сочетания, в русском, естественно, отсутствовала бы форма артикля, и флексии существительного обладали бы большей разрешающей силой.)

Наибольшие вариации проявляются в существовании следующих дополнительных шагов: I-a — флексия существительного и акцент, II-a — флексия существительного и флексия согласованного определения и II-b — флексия существительного и определительный артикль. Обычно каждый язык использует три шага (новогреческий, болгарский и македонский — четыре). Выбор шагов распределяется следующим образом:

албанский — II, II-a, II-b;

болгарский и македонский — I, II, II-a, III;

²⁰ См.: J. N. Greenberg. *Essays in linguistics*. Chicago, 1958; Он же. *A quantitative approach to the morphological typology of languages*. — *IJAL*, XXVI, 1960, № 3.

²¹ Нейтрализация, не разрешимая на морфологическом уровне, переносилась на синтаксический, например различие N. и A. среднего рода в новогреческом; в других языках, как в румынском, специально рассматривался синтаксический уровень, так как бедность ресурсов морфологического уровня делала невозможным отождествление на нем основных логико-синтаксических единиц.

новогреческий — I, II, II-a, III;
 румынский — II, II-a, III;
 сербско-хорватский — I, I-a, II-a;
 ЮВС — I, II, II-a.

Характеристикой разрешающей силы каждого шага служит отношение числа словоформ, определяемых средствами этого шага, к общему числу словоформ, подлежащих определению (табл. 40).

Таблица 40

Средства анализа на морфологическом уровне (в %)

Язык	Шаги						Итого
	I фл.,	I-a фл. S. + акцент	II фл. S. + Art.	II-a фл. S. + Adj.	II-b фл. S. + Art. defect.	III фл. S. + Art. + Adj.	
1. Албанский	—	—	18,75	8,33	6,25	—	33,33
2. Болгарский (македонский)	16	—	12	32	—	8	68
3. Новогреческий	7,3	—	32 (31,7)	—	—	10 (9,99)	49 (48,99)
4. Румынский	—	—	80	6,7	—	13,3	100,0
5. Сербско-хорватский	7,1	3,6	—	16	—	—	26,7
6. ЮВС	28,6	—	42,9	21,4	—	—	92,9

Учитываются только случаи определения сочетания трех граммем полностью (т. е. и род, и число, и падеж). В албанском и румынском языках определение сочетания трех граммем только по флексии существительного невозможно; наиболее эффективным I шаг оказывается для ЮВС (28,6%), сравнительно высокие результаты получаются для болгарского (16%), что примерно соответствует и македонскому; крайне низка его разрешающая сила для новогреческого (7,3%) и сербско-хорватского (7,1%). Роль суперсегментных средств весьма ограничена (I-a шаг, применяющийся только в сербско-хорватском языке, различает всего 3,6% словоформ; в новогреческом ударение имеет также весьма ограниченное применение). Гораздо большая нагрузка

падает на II шаг, где основным распознающим средством является форма артикля. II шаг применяется во всех языках, кроме сербско-хорватского; здесь, исключая болгарский и македонский, его разрешающая сила гораздо выше, чем у флексий существительного, что особенно заметно в румынском языке, где I шаг вообще не применяется, а разрешающая сила II шага равна 80%. Остальные языки располагаются в следующей последовательности:

ЮВС — 42,9%;
 новогреческий — 31,7%;
 албанский — 18,8%;
 болгарский
 (македонский) — 12%.

Только в болгарском и македонском языках основная нагрузка падает на II-а шаг (32%); II-а шаг применяется во всех языках (правда, в сербско-хорватском есть основания считать его III шагом, так как распознавание происходит по флексии и определенной форме прилагательного). Разрешающая сила II-а шага составляет в албанском — 8,33%, в румынском — 6,7%, ЮВС — 21,4%, сербско-хорватском — 16%; II-в шаг в албанском разрешает 6,25%. Наконец, III шаг дает умеренные результаты в болгарском с македонским (8%), новогреческом (9,9%) и румынском (13,3%). Виды шагов и разрешающая сила показаны на табл. 40.

Итак, именно артикль является основным грамматическим показателем в системе имени БЯС. В свете теории языковых контактов это можно объяснить тем, что благодаря своей особой форме такая «флексия» более заметна, легче выделяется и узнается²². Предположение об особой, сугубо грамматической роли артикля в балканских языках (понимаемой здесь как исполнение им функций показателя сочетаний грамем) подтверждается, с одной стороны, плеоназмом в его употреблении при отсутствии точно сформулированных правил и, с другой стороны, наличием случаев, когда артикль явно теряет значение определенности и становится показателем падежа. Для того чтобы проверить, действительно ли артикль имеет столь большую разрешающую силу именно в балканских языках, был произведен частный эксперимент с артиклем в немецком языке, по морфологическому разнообразию форм находящемся приблизительно на уровне балканских языков. В результате выяснилось (табл. 41), что артикль в немецком языке способен определить 3 формы из 44, т. е. 6,8%. Это поразительное различие между

²² Существует точка зрения, согласно которой распространение постпозитивного артикля по балканским языкам идет от болгарского языка и объясняется именно прозрачностью форм болгарского артикля. См.: И. Гъ л ъ б о в. Проблемът за члена в български и румънски език. София, 1962.

Разрешающая способность немецкого артикля *

Флексия	Формы артикля					
	der	die	das	des	dem	den
1. -#	I √ VII √ VIII	V √ VI √ XXI √ XXII	IX √ X		IV	
2. -e	XV √ XIX √ XXIII √ √ I	XIII √ XIV √ XVII √ XVIII XXI √ XXII			IV √ XII	
3. -(e)s				III √ XI		
4. -(e)n	XV √ XIX	XIII √ √ XIV √ XVII √ XVIII		III	IV	II √ XVI √ XX √ XXIV
5. -er	XV √ XXIII	XIII √ XIV √ XXI √ XXII				
6. -ern						XVI √ XXIV

НОМЕРА СОЧЕТАНИЙ ГРАММЕМ

I N. Sing. m	IX N. Sing. n	XVII N. Pl. f
II A. Sing. m	X A. Sing. n	XVIII A. Pl. f
III G. Sing. m	XI G. Sing. n	XIX G. Pl. f
IV D. Sing. m	XII D. Sing. n	XX D. Pl. f
V N. Sing. f	XIII N. Pl. m	XXI N. Pl. n
VI A. Sing. f	XIV A. Pl. m	XXII A. Pl. n
VII G. Sing. f	XV G. Pl. m	XXIII G. Pl. n
VIII D. Sing. f	XVI D. Pl. m	XXIV D. Pl. n

* Артикль разрешает 3 формы из 44 (6,8%).

процентом форм, идентифицируемых с помощью артикля в балканских языках и в немецком, является существенным аргументом в пользу особой роли артикля в БЯС.

Вариант анализа с преимущественным использованием форм артикля, сделанный для новогреческого языка, вновь подтверждает грамматическую значимость и самостоятельность артикля. В связи с этим возникает мысль о необходимости иного подхода к артиклю как к балканизму или основанию для включения или невключения языка в БЯС. Балканистичной считается постпозитивность артикля; препозитивность его в новогреческом, в котором артикль в постпозитивном положении встречается в основном в плеонастическом употреблении *tá χρόατα τὰ ἑλληνικά* — является веским доводом в пользу исключения его из БЯС. Это кажется недостаточно основательным. Во всяком случае можно предложить рассуждение, представляющее данную проблему в несколько ином свете (не претендуя на верность, оно, в частности, приводится для того, чтобы показать уязвимость набора балканизмов, который по традиции, не подвергаясь пересмотру, применяется почти автоматически). Прежде всего, исходя из свойств балканских языков, следует определить, что считать постпозитивностью: слитное написание артикля в конце слова или положение его по отношению к определяемому. Если принять первое рассуждение, то следует всегда оговаривать румынский язык (такой несомненный член БЯС, который, кроме того, часто рассматривается как центр балканистических процессов), где, во-первых, есть препозиция уже в литературном языке (ее функциональная нагрузка — выражение личности) и регулярная препозиция в исторорумынском, арумынском и мегленорумынском. Если же принять второе рассуждение, то препозиция появится во всех балканских языках, благодаря способности согласованного определения, стоящего перед существительным, перетягивать на себя артикль. Поэтому стоит поставить вопрос о целесообразности включения в набор не только постпозитивности артикля. Количественные характеристики, способы кодирования и декодирования показали, что высокая степень грамматичности и является несомненным свойством артикля именно в балканских языках и, следовательно, может рассматриваться в качестве балканизма. Лишнее доказательство представляют цаконский и отчасти маниотский диалекты новогреческого языка, где формы артикля служат единственными грамматическими показателями, и новогреческие диалекты Малой Азии, где редукция артикля под влиянием турецкого языка вызывает развитие флексий существительного, при том что не вырабатывается никаких заменителей категории определенности. Возражением этим рассуждениям была бы поразительно малая для БЯС разрешающая способность артикля в болгарском и македонском языках (12%). В этих языках роль

грамматического показателя играют флексии прилагательного, что дает возможность предположить существование в БЯС вообще особого способа для выражения сочетания граммем существительного: вынесение показателя сочетания за пределы собственно существительного, в качестве своего рода свободной флексии. Выполнение этой функции прилагательным объединяет всю славянскую часть БЯС.

При методе исследования, примененном в данной работе, место артикля было несущественным. Именно поэтому нет достаточных оснований для исключения из набора балканизмов постпозитивности (указание на отнесение артикля к одному определенному существительному было дано заранее). Может быть, при определении связи слов в предложении, место и способ присоединения артикля окажутся существенными, но может быть и так, что постпозитивность придется считать лишь особенностью некоторых балканских языков, их индивидуальной чертой, не имеющей значения для процессов анализа и синтеза.

Особенности синтеза

Сказанное до сих пор в равной мере относилось к процессам и анализа и синтеза. Далее излагаются некоторые факты, существенные именно для синтеза, и сопоставляются между собой набор средств для синтеза и набор средств для анализа.

Составленные варианты синтеза показывают, что основной проблемой являлось определение суммы сведений, сообщаемых при исходной форме и необходимых для конструирования остальных форм парадигмы, в особенности формы множественного числа (для части языков это составляет почти единственную задачу и для всех — основную трудность, так как обычно образование формы множественного числа благодаря значительной синонимии флексий отличается от образования форм в парадигме единственного числа). Сопоставление проделанных вариантов синтеза позволило установить следующий набор сведений, сообщаемых при исходной форме: род, исход основы, количество слогов, ударение (место и вид), одушевленность, собственность, флексия множественного числа, суффикс исходной формы, графические изменения (изменения гласных, согласных, ударения). Информация, заключенная в этих данных, не является исчерпывающей: обязательно используются списки. Сведения эти, кроме того, не равнозначны. Наиболее существенна информация об исходе основы (в данном случае имеется в виду именно исход основы, куда входит не только собственно флексия, а при необходимости еще один-два графических знака; в новогреческом пришлось выделить специальный набор флексий, более подробный, чем при анализе, для того, чтобы учесть гласный, предшествующий собственно флексии; для румынского

языка существенна огласовка основы). Пожалуй, вторым по значению является указание рода. Если оно опущено в румынском, то не потому, что род нерелевантен при образовании множественного числа, а потому, что взаимозависимость флексии множественного числа и рода (существующая и в прочих языках) в румынском приняла такие формы, что для данного варианта синтеза оказалось более экономным использовать информацию флексии множественного числа (то же самое отмечается для некоторых диалектов новогреческого языка). Доказательством значимости рода для операции синтеза в румынском языке может служить введение грамем третьего рода, которым оказалось возможным пренебречь при анализе. Менее существенно указание рода в языках и диалектах болгаро-македонского ареала (с включением ЮВС), где в части случаев достаточным оказывается сообщение об исходе основы. Большую разрешающую силу имеет информация о роде в албанском языке, где указания на женский род достаточно для однозначного выбора флексии в подавляющем большинстве случаев, так что все остальные сведения сообщаются почти исключительно для существительных мужского рода. Количество слогов играет роль для выбора флексии множественного числа существительных мужского рода во всей славянской части БЯС и в албанском языке. В албанском, новогреческом, румынском следует принимать во внимание место, а в новогреческом и вид ударения в исходной форме. Категория одушевленности, как известно, регулярно проходит только в существительных мужского рода в сербско-хорватском языке, где и сообщение о ней является обязательным. В албанском языке можно было бы и не отмечать ее специально (даже в скобках, как это сделано в таблице), а дать соответствующие случаи списком — речь идет о выделении терминов родства изолированным артиклем. Личность существительного в болгаро-македонском ареале и ЮВС указывает на возможность образования форм A. Sing. в нечленном склонении (о возможности образования этой же формы в членном склонении свидетельствует флексия-≠ в исходной форме существительных мужского рода). В балканороманских собственных существительных мужского рода и некоторые термины родства вызывают препозицию артикля в косвенном падеже. Сообщение о суффиксе исходной формы существенно для всех рассмотренных языков, но именно оно является частным средством, переходным между правилами и списками и достаточно громоздким, так что для его применения (то есть выбора между ним и списком) нужны специальные статистические данные. При изменении существительного в парадигме происходят некоторые графические вариации, касающиеся гласных, согласных и просодических элементов. Во всех языках, кроме новогреческого, существует чередование гласных (которое, на-

пример в румынском, может захватывать не только исход основы, но и предшествующий ему слог) и чередование согласных (в албанском языке таким способом может быть образовано множественное число). В славянских языках БЯС и албанском существует выпадение гласных (например, *орел — орли, прозорец — прозорци* в болгарском и т. п.). Изменение места и характера ударения на графическом уровне есть только в новогреческом языке (следует помнить, что как правило более точная фонеморфологическая транскрипция не использовалась). Сравнение наборов сведений, необходимых для каждого языка (табл. 42), приводит к выводу, что минимумом ограничиваются языки болгаро-македонского ареала, ЮВС и новогреческий. Румынский, албанский, сербско-хорватский требуют более детальной информации. В табл. 42 сведения, сообщаемые при исходной форме, даны простым перечислением. Между тем они имплицитно связаны между собой. Так, равноправными считаются исход основы и род: это значит, что флексию множественного числа можно определить по роду существительного (например,

Таблица 42

Сведения, сообщаемые при исходной форме

Язык	Род	Исход основы	Колич. слогов	Ударение	Одушевл./неодушевл.	Собственность/нарцат.	Флексия Р.	Суффикс исходн. формы	Графические изменения		
									Изм. гласных	Изм. согласных	Ударен.
1. Албанский	+	+	+	+	[+]	-	-	[+]	+	+	-
2. Болгарский (македонский)	[+]	+	+	-	[+]	-	-	[+]	+	+	-
3. Новогреческий	+	+	-	+	-	-	-	[+]	-	-	+
4. Румынский	-	+	-	+	[+]	+	+	[+]	+	+	-
5. Сербско-хорватский	+	+	+	-	+	-	-	[+]	+	+	-
6. ЮВС	[+]	+	+	-	[+]	-	-	[+]	+	+	-

в албанском — по женскому роду), по флексии в исходной форме (например, флексия *-a* в румынском) и нормально по сочетанию сведений о роде и об исходе основы. Знание этих данных устраняет нейтрализацию флексий полностью, но их синонимию лишь частично. Поэтому приходится прибегать к использованию дополнительных средств, значимость которых определяется отдельно для каждого языка. Дополнительные средства не имеют самостоятельного значения²³ и вступают в процедуру по мере надобности. Как правило необходимость в дополнительных сведениях возникает при сообщении о мужском роде (славянские языки, албанский, отчасти румынский). В новогреческом языке знание флексии достаточно только для существительных среднего рода.

Соотношение анализа и синтеза

Как известно, в достаточно сложных системах анализ и синтез обычно не симметричны. Это вытекает уже из противоположности целей обеих процедур. В самом деле, при декодировании более «выгодно» наличие сколь угодно большой информации, лишь бы она помогла прийти к однозначному решению (хотя, конечно, желательно ограничить ее некоторым минимумом); при кодировании существует стремление затратить наименьшее количество усилий, т. е. употребить как можно меньшее количество приемов. Поэтому с точки зрения анализа удобно, что, например, в новогреческом для выражения основных логико-синтаксических единиц уже на морфологическом уровне существуют индивидуальные способы (*ἡ βουλή* — Subj., *τῆς βουλῆς* — Atg., хотя может быть и Obj. obl.; *τὴν βουλήν* — Obj. dir.; *σὴν βουλήν* — Obj. obl.); с точки зрения синтеза удобнее болгарский язык, где то же самое будет выражено словоформой (*на*) *волята*. Если распределять балканские языки в соответствии с «удобством» анализа и синтеза, понимаемым именно в таком узком смысле, то в первую группу (преимущества при распознавании) попадут сербско-хорватский, новогреческий и отчасти албанский, а во вторую (преимущества при порожде-

²³ Вернее, их самостоятельное значение весьма ограничено. Не исключена возможность построения синтеза для болгарского языка таким образом, чтобы первым сообщалось количество слогов (как можно было видеть, порядок сообщения сведений является существенным). При этом устанавливался бы набор флексий отдельно для односложных и неодносложных существительных. После этого требовалось бы включение всех остальных компонентов и прежде всего рода и исхода основы, так что результат был бы тот же, но достигнутый более сложным путем, так как все сведения пришлось бы повторять для каждой из двух групп в отдельности. Такой эксперимент с переменной последовательности элементов при синтезе помогает установить значимость каждого из них в наборе: они действуют, будучи расположены в определенном порядке.

нии) — все остальные. Эта закономерность действует и внутри каждого языка: обилие формальных средств облегчает анализ и затрудняет синтез и обратно — минимальное количество формальных средств заставляет выдвигать анализ за пределы фономорфосинтаксического уровня, но упрощает синтез. Поэтому синтез новогреческого языка сложнее, чем анализ: он включает в себя все правила анализа и, кроме того, целый комплекс дополнительных сведений и особых процедур (так, для синтеза граммом множественного числа требовалось предварительно сконструировать форму N. Sing. и по ней определить тип склонения). В болгарском языке, в сущности, следовало затратить усилия лишь на образование формы множественного числа, строго говоря, этим требования синтеза были выполнены, но для того чтобы выяснить, является слово *воля* субъектом или прямым объектом, надо было переходить даже не на синтаксический, а на содержательный уровень, т. е. в область неформальных средств. Тип и характер связи между процедурами анализа и синтеза в БЯС определяется тем, на каком уровне преимущественно происходят анализ и синтез — на морфологическом (синтез сложнее анализа) или на синтаксическом (синтез проще анализа). Деление балканских языков по этому принципу совпадает с приведенным на стр. 179. При этом не следует забывать, что в правила синтеза обязательно входит дополнительный набор сведений, сообщаемых при исходной форме и необходимых для синтеза множественного числа.

Некоторые категории обладают разной значимостью для анализа и синтеза. Так, при анализе род был почти избыточен, особенно в данном варианте, где заранее указывались артикль и согласованное определение, относящиеся к анализируемому существительному. Число также не имело особенно существенного значения. Обе эти категории вступали в действие тогда, когда без них невозможно было определить падеж, а определение падежа практически является основной задачей распознавания и порождения.

При синтезе выясняется, что основные трудности связаны именно с категорией числа, что в связи с этим род приобретает первостепенное значение и что синтез собственно падежей в значительной мере упрощается предварительным знанием рода.

Выше указывались достаточно общие закономерности, действующие для всех языков. Кроме того, индивидуальные особенности каждого из них обуславливают появление некоторых своеобразных приемов. Особенно выделяется в этом отношении албанский язык, где при синтезе необходимо было использовать агглютинирующую технику, которой оказалось возможным пренебречь при анализе. Агглютинативное строение албанского языка можно использовать как своего рода метаструктуру по отношению к остальным балканским языкам, раскладывая на

отдельные элементы информацию, заключенную во флексиях²⁴. Некоторую трансформацию агглютинации можно найти и в других балканских языках, в частности в румынском, где в форме Obl. Pl. c. Art. (*mes-e-lor*) флексия существительного выражает род (и число), а форма артикля — падеж (определенность и число). Вообще система существительного в албанском языке характеризуется асимметричностью: чрезвычайно простое образование множественного числа в женском роде и в такой же степени сложное в мужском (это, впрочем, характерно и для славянской части БЯС); изменение набора падежных граммем в зависимости от вида склонения (исчезновение Abl. в определенном склонении) и числа (существование особой формы A. определенного склонения). В соответствии с этими особенностями для определения сочетаний граммем в единственном числе приходится применять средства морфологического уровня, а во множественном числе — средства синтаксического уровня. Таким образом, албанский язык в некотором смысле является посредником между языками с преимущественным использованием морфологического уровня (новогреческий и сербско-хорватский язык, хотя в последнем, несмотря на развитость системы склонения, подавляющее большинство словоформ не получает полного определения на морфологическом уровне и соответственно переносится на синтаксический и далее на содержательный уровень) и языками с преобладанием синтаксического уровня (остальные). Малая порождающая и разрешающая способность сербско-хорватского склонения, как кажется, свидетельствует о происходящих в нем балканистических процессах, осуществляющихся пока только количественно и не приведших к качественным изменениям. Хотя набор граммем сохранился в том же составе (если не считать регулярную нейтрализацию D. — L. в литературном языке и G. — L. в некоторых диалектах), уже приведенные числовые характеристики, несмотря на их предварительный характер, отдалают сербско-хорватский язык от остальных славянских, обладающих категорией склонения. Это подтверждает мысль о том, что балканизмы следует искать не столько в более или менее важных совпадениях, которые могут являться, скорее, принадлежностью текста, а именно в системе языка, хотя бы они и были завуалированы внешним несходством.

Болгарский, македонский, ЮВС и румынский языки характеризуются тем, что в процессах анализа и синтеза большую роль играет специальный выделенный синтаксический уровень, а значение морфологического уровня сведено к минимуму: практически каждое существительное обладает всего двумя фор-

²⁴ См. общие соображения о метаязыковой роли агглютинативных языков по отношению к флективным: Б. А. Успенский. Принципы структурной типологии. М., 1962.

мами в парадигме, и синтез грамлемы множественного числа является единственной задачей морфологического уровня. Она решается таким же образом, как и в прочих языках: флексия множественного числа выбирается в зависимости от сведений, сообщенных при исходной форме. Что же касается синтеза на синтаксическом уровне, то в основном из-за отсутствия фиксированного порядка слов чисто формальные средства недостаточны и практически всегда требуется прибегать к семантическому уровню. В разделах «Болгарский и македонский языки» и особенно «Румынский язык» уже говорилось о трудности синтеза фразы типа *Subj. — Praed. — Obj.* чисто формальными средствами. В то время как практически речь идет лишь о том, чтобы выбрать «подходящий» субъект и «подходящий» предикат, на строго формальном уровне приходится сообщать разнообразные сведения при глаголе, ограничиваться от случаев так называемого адвербиального употребления существительных в *Dir.* и т. д. Правда, синтез облегчается произвольностью выбора, так что не существует необходимости, как при анализе, рассматривать случаи нейтрализации, скажем, субъекта и прямого объекта при переходном глагоде. Та же произвольность облегчает синтез других синтаксических единиц — можно произвольно применять местоименную репризу и подбирать удобное окружение. Однако такие преимущества синтеза объясняются в данном случае не столько строением языка, сколько избранным методом, при котором указывается одна оптимальная возможность синтеза искомого сочетания граммем, а никак не все варианты, которые разбирались при анализе. Если же результатом должен был быть алгоритм такого рода, что он создавал бы возможность реального конструирования фраз, то с первого же шага синтеза на синтаксическом уровне требовалось бы обратиться к содержательной стороне и включить в работу единицы семантического уровня. Вывод из всего сказанного заключается в том, что при анализе и синтезе в языках, обладающих набором морфологических средств, достаточным для проведения этих процедур в полном или почти полном объеме на морфологическом уровне, в минимальной степени привлекаются средства семантического уровня. Те балканские языки, в которых анализ и синтез ведутся в основном на синтаксическом уровне, не обладают достаточно строгими формальными средствами для того, чтобы во всех или хотя бы в большом числе случаев анализ и синтез могли бы быть решены, исходя только из ресурсов синтаксиса. Можно заметить сознательное стремление выработать стабильные конструкции, что особенно четко видно на примере македонского литературного языка, в котором обязательность местоименной репризы предписывается извне. Синтаксические средства балканских языков в достаточной степени асимметричны: с одной стороны, местоименная реприза, иногда

(в болгарских диалектах) захватывающая даже субъект — явный плеоназм, по сути своей типичный для языков, находящихся в контакте и вырабатывающих предельно ясные конструкции с большой избыточностью; с другой стороны, свободный порядок слов, необязательность или даже нежелательность репризы, регулярная невозможность снятия нейтрализации между атрибутом и косвенным объектом в синтагмах вида S.+S. (соответствует русскому *письмо микадо — чье или кому*) без привлечения ситуации в самом широком смысле. Особенно заметно это в болгарском языке, где свободный порядок слов, необязательность репризы, отсутствие регулярных средств для различения атрибута и косвенного объекта сочетаются с крайней морфологической бедностью форм, так что роль лексико-семантической стороны необыкновенно возрастает. Практически для болгарского языка анализ существительного возможен при наличии определенного лексического минимума и знании грамматического значения предлога *на*. Для синтеза к перечисленному следует прибавить правила образования множественного числа. Доказательством сказанного может служить в частности то, что носитель русского языка, не искусственный в специально лингвистических знаниях, из всех славянских языков, пожалуй, с наибольшей легкостью понимает именно болгарский, чему способствует лексическая прозрачность и не мешает (предположительно помогает) отсутствие привычных грамматических средств. Может показаться, что сказанное о болгарском («удобство» анализа) находится в противоречии с делением языков по «удобству» анализа и синтеза, предложенному на стр. 179. Однако эксперимент не доведен до конца. Если бы и новогреческий, и болгарский в равной степени соприкасались лексически с русским языком, так что новогреческий можно было бы представить как болгарский, обладающий дополнительными грамматическими показателями, и при этом все-таки оказалось бы, что настоящий болгарский распознается с большей легкостью, то противоречие можно было бы считать доказанным (нельзя подобрать ни одного славянского языка, соответствующего по своему строению новогреческому).

Попытка построения модели языка-посредника

Если допустить, что сближение некоторых частных систем балканских языков основано на неосознанном стремлении к созданию своего рода системы-посредника между ними, то очевидно, что такая мета-система должна удовлетворять ряду требований. Поскольку взаимодействие начинается не с нулевой ситуации, а в момент, когда каждый балканский язык уже имеет свою особую систему, организация системы-посредника подчиняется не только требованиям создания оптимального

средства для коммуникации, но и зависит от исходных систем. Независимым требованием, предъявляемым к языку-посреднику, следует считать требование простоты, рассматриваемое в двух аспектах:

1) простота качественная, состоящая в том, чтобы для коммуникации использовались однозначные, легко выделяемые конструкции;

2) простота количественная, состоящая в том, чтобы число таких конструкций было минимальным (в обоих случаях имеется в виду только простота формальных грамматических средств).

Эти независимые требования являются универсальными для всех балканских языков. Одновременно каждый язык предъявляет ряд собственных требований, общий смысл которых заключается в том, чтобы структура языка-посредника не была слишком чуждой структуре данного языка, и переход к ней осуществлялся бы в относительно небольшое число шагов.

Выше уже говорилось о том, что требования анализа и синтеза могут вступать в некоторое противоречие друг с другом; специальные добавочные конструкции, например, местоименная реприза, облегчающие анализ, при синтезе могут усложнять процесс, выходя за рамки определенного для кодирования минимума средств. Правда, при акте коммуникации широко привлекаются средства других уровней (лексика, семантика, ситуация и т. п.). Предполагается, что обладая всеми этими средствами, язык-посредник может стремиться к тому, чтобы использовать модель так называемого идеального языка, одновременно синтетически и аналитически простого²⁵. Синтетически простым считается язык, в котором каждому сочетанию граммем соответствует одна флексия (т. е. отсутствует синонимия флексий); аналитически простым считается язык, в котором каждая флексия выражает только одно сочетание граммем (т. е. отсутствует нейтрализация флексий). Кроме того, к синтетически простому языку предъявляется требование количественной простоты, а к аналитически простому языку — требование качественной простоты. Проведя простейший эксперимент на материале балканских языков, можно получить некоторое представление о том, к выбору какой модели они склоняются.

Выбираются три фразы, составленные таким образом, чтобы в них выражались, во-первых, все четыре проанализированные логико-синтаксические единицы и, во-вторых, смешение *G.* и *D.* (или атрибута и косвенного объекта). Для большей наглядности фразы подобраны так, чтобы нейтрализация атрибута и косвенного объекта вызывала двусмысленность. Эти фразы переводятся на все балканские языки и затем сравниваются

²⁵ См. З. М. Волоцкая, Т. Н. Молошная, Т. М. Николаева, И. И. Ревзин, Т. В. Цивьян. Об одном подходе к типологии славянских языков. «Славянское языкознание». М., 1963.

(к переводу предъявляются только требования грамматической правильности: выбирается вполне допустимый для данного языка перевод, не обработанный литературно-стилистически; при опросе информантов, когда перед ними ставится задача перевода этих трех фраз одновременно, обычно наблюдается попытка уйти от единого перевода, чтобы избавиться от двусмысленности).

1. Subj. — Praed. — Obj. dir. — Atr. Obj. dir. — Atr. Atr.
я даю книгу учителя моего сына
2. Subj. — Praed. — Obj. dir. — Obj. obl. — Atr. Obj. obl.
я даю книгу учителю моего сына
3. Subj. — Praed. — Obj. dir. — Atr. Obj. dir. — Obj. obl.
я даю книгу учителя моему сыну

I. Албанский

1. *Unë e jap librin e mësonjësit të birit tim.*
2. *Unë i jap librin mësonjësit të birit tim.*
3. *Unë i jap librin e mësonjësit birit tim.*

II. Новогреческий

1. Ἐγὼ δίνω τὸ βιβλίον τοῦ δασκάλου τοῦ γιουῦ μου.
2. Ἐγὼ δίνω τὸ βιβλίον στὸν δάσκαλο τοῦ γιουῦ μου.
3. Ἐγὼ δίνω τὸ βιβλίον τοῦ δασκάλου στὸν γιουῦ μου.

III. Румынский

1. *Eu dau cartea profesorului fiului meu.*
2. *Eu dau cartea profesorului fiului meu.*
3. *Eu dau cartea profesorului fiului meu.*

IV. Болгарский

1. *Аз давам книгата на учителя на сина ми.*
2. *Аз [му] давам книгата на учителя на сина ми.*
3. *Аз [му] давам книгата на учителя на сина ми.*

V. Македонский

1. *Јас ја давам книгата на наставникот на мој син.*
2. *Јас му ја давам книгата на наставникот на мој син.*
3. *Јас му ја давам книгата на наставникот на мој син.*

VI. Сербско-хорватский

1. *Ја дајем књигу учитеља мог сина.*
2. *Ја дајем књигу учитељу мог сина.*
3. *Ја дајем књигу учитеља мом сину.*

Сравнение показывает, что на болгарском, македонском и румынском языках перевод этих трех разных по содержанию фраз может быть осуществлен с помощью одной и той же конструкции. Возникающая двусмысленность снимается главным образом средствами контекста (на уровне устной речи существует возможность разрешить нейтрализацию с помощью интонации).

Средствами, которые используют балканские языки при конструировании логико-синтаксических единиц, являются падежные показатели, выражаемые либо сочетанием флексий существительного с формой артикля, либо только формой артикля; предложные конструкции, связующий артикль и местоименная реприза. Эти средства распределяются по языкам следующим образом: с наибольшей простотой строятся фразы (вернее, одна фраза) в румынском языке и в болгарском; в последнем в сущности для выражения четырех различных категорий требуется лишь знание правил применения предлога *на* (употребление краткой членной формы в современном литературном языке считается необязательным, а форма *А.*, как было сказано, сохранилась у небольшой группы существительных и также может считаться факультативной). В македонском языке обязательна реприза прямого и косвенного объекта. Однако с ее помощью нельзя конкретно различать косвенный объект и атрибут. В новогреческом языке для выражения косвенного объекта использована предложная конструкция. В албанском языке формальные средства достаточно разнообразны: флексии, связующий артикль, местоименная реприза.

Сербско-хорватский язык на первый взгляд является самым экономным из всех, так как он использует только одно средство — флексию существительного. Однако то, что для четырех форм существительного используются четыре различные флексии, лишает его этого преимущества.

Сербско-хорватский приближается к аналитически простому языку: он стремится выразить каждый вид отношений однозначно, употребляя при этом не повторяющиеся конструкции. Цель достигается затратой значительного количества усилий.

На другом полюсе находятся болгарский (и македонский) языки предельно простые из всех и, может быть, по своему строению ближе подходящие к предполагаемому языку-посреднику (если считать, что легче отбрасывать лишние грамматические средства, чем приобретать новые). Албанский, особенно румынский, и в какой-то степени новогреческий тяготеют к болгарскому; это проявляется в сокращении набора флексий, и в двух первых — необязательности репризы, а в ряде случаев и связующего артикля. Таким образом, эта группа также приближается к синтетически простому языку.

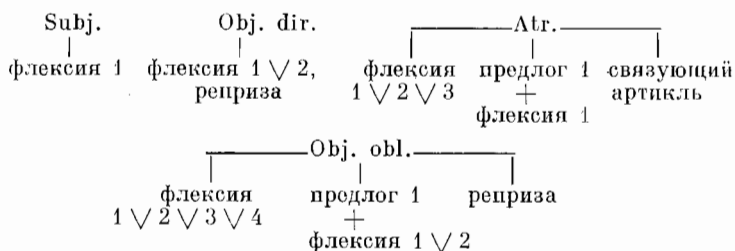
Отношение балканских языков к аналитически и синтетически простому языку можно представить в виде некоторых моделей. Каждой логико-синтаксической единице приписывается информация, используемая отдельными языками (флексия, предлог и т. п.). Тогда фразы будут иметь следующий вид²⁶.

---

²⁶ Каждый последующий номер означает введение нового средства; прямые скобки — факультативность.

Язык	Subj.	Obj. dir.	Atr.	Obj. obl.
I. Албанский	Флексия 1	Флексия 2, [реприза]	Флексия 3, связующий артикль	Флексия 3, [реприза]
II. Новогреческий	Флексия 1	Флексия 2	Флексия 3	Флексия 3 ∨ предлог 1 + + флексия 2
III. Румынский	Флексия 1	Флексия 1	Флексия 2, [связующ. артикль]	Флексия 2
IV. Болгарский	Флексия 1	Флексия 1, [реприза]	Предлог 1 + + флексия 1	Предлог 1 + + флексия 1, [реприза]
V. Македонский	Флексия 1	Флексия 1, реприза	Предлог 1 + + флексия 1	Предлог 1 + + флексия 1, реприза
VI. Сербско-хорватский	Флексия 1	Флексия 2	Флексия 3	Флексия 4

Вся информация сводится воедино, и таким образом конструируется модель, соответствующая ТМС набора средств, используемых балканскими языками для выражения основных логико-синтаксических единиц:

Обладая знанием ТМС набора средств, можно сконструировать модель, соответствующую ТМП набора обязательных средств, используемых балканскими языками для выражения основных логико-синтаксических единиц. При этом следует помнить, что присущим БЯС считается противопоставление двух надежных граммем — Dir./Obl., осуществляемое либо только на морфологическом, либо на морфосинтаксическом уровне (т. е.

флексия 2 для выражения Obl. приравнивается сочетанию флексии 1 с предлогом). Модель ТМП имеет следующий вид:

Subj. флексия 1	Obj. dir. флексия 1	Atr. флексия 2 √ (флек- сия 1 + предлог 1)	Obj. Obl. флексия 2 √ (флек- сия 1 + предлог 1)
-------------------------	-----------------------------	---	--

Модель ТМП представляет собой синтетически простой язык в нашем понимании. Ей полностью соответствует болгарский, мекедонский, ЮВС и румынский языки. Албанский и новогреческий языки отличаются лишней флексией (А.). На том основании, что большинство языков БЯС тяготеет к модели ТМП, можно предположить, что именно эта модель более всего соответствует некоторой мета-системе. Таким образом, выбор производится в пользу синтетически простого языка, с почти полным отсутствием синонимии флексий и минимумом грамматических средств. Существенной особенностью балканских языков является то, что стремление к синтетически простому языку связано в них с удалением от аналитически простого языка. Предельный лаконизм грамматических средств приводит к регулярной нейтрализации логико-синтаксических единиц при анализе (при нерегулярности средств для ее разрешения — порядок слов, местоименная реприза, связующий артикль). То, что такое строение является специфической особенностью именно БЯС, можно проиллюстрировать переводом тех же фраз на другие языки:

I. Французский

1. *Je [vous] donne le livre du maître de mon fils.*
2. *Je donne le livre du maître de mon fils.*
3. *Je donne le livre du maître à mon fils.*

II. Испанский

1. *Doy el libro del profesor de mi hijo.*
2. *[Le] doy el libro al profesor de mi hijo.*
3. *[Le] doy el libro del profesor a mi hijo.*

III. Английский

1. *I give [you] the book of my son's teacher.*
2. *I give the book to my son's teacher.*
3. *I give the teacher's book to my son.*

IV. Немецкий

1. *Ich gebe das Buch des Lehrers meines Sohns.*
2. *Ich gebe das Buch dem Lehrer meines Sohns.*
3. *Ich gebe das Buch des Lehrers meinem Sohn.*

V. Датский

1. *Jeg giver bogen af min søns læreren.*
2. *Jeg giver bogen til min søns læreren.*
3. *Jeg giver lærerens bogen til min søn* и т. д.

Независимо от разнообразия или скудости формальных средств, которыми обладают эти языки, двусмысленность полностью исключена, поскольку существует индивидуальный способ (порядок слов, флексия, предлог) для выражения каждой логико-синтаксической единицы.

Очевидно для БЯС только такой минимум грамматических средств может снять затруднения при кодировании, которые являются более существенными. Что же касается декодирования, то, видимо, условия общения, сравнительная ограниченность ситуации, известность материала и т. п. позволяют перенести тяжесть с грамматического уровня на другие и насколько возможно упростить формальные средства. Преимущественная ориентированность предполагаемого языка-посредника именно на синтез, как кажется, проявляется и в том, что конструкции, направленные на облегчение анализа (например, местоименная реприза), практически не являются обязательными, хоть и предписываются нормативными грамматиками.

Другие эталоны для сравнения балканских языков

Сравнение балканских языков в синхронном плане с некоторыми типологическими эталонами и соответственное расположение их в классификационном пространстве, естественно, не являются единственно возможным аспектом исследования структуры БЯС. С равным основанием следует проводить сравнение и по другим осям, в частности, генетической и исторической. Оно оправдано тем более, что может выявить некоторые вещи, игнорируемые при сравнении с вышеуказанными эталонами, ориентированными на статическое и синхронное состояние. Подобное сравнение помогает определить перспективы развития языка данной генетической группы (например славянской), ставшего балканским языком (например болгарский). Поскольку известно исходное состояние (старославянский язык) и реконструированная общепалканская модель, легко определить направление и место данного языка (болгарского) в его движении от славянских языков к общепалканской модели. Мера отклонения от славянского состояния определяет степень вхождения болгарского языка в БЯС. То же с соответствующими изменениями можно сказать о сравнении с историческими эталонами, определяющими положение конкретного языка уже не в генетическом, а в историческом, диахроническом пространстве. В частности (не касаясь много раз описанного и бросающегося в глаза отличия болгарского языка с его аналитическим строем от других славянских языков), можно упомянуть внутренние изменения в сербско-хорватском склонении, где существует наименьшее из всех славянских языков количество сочетаний граммем и чрезвычайно низкая разрешающая способность флек-

сий; кроме того, сербско-хорватский, единственный из славянских, сохранил в прилагательном категорию определенности. Не менее показательным оказывается сравнение румынского языка с другими романскими: в отличие от родственных языков румынский язык обладает двуннадцатым противопоставлением, реализуемым в формах постпозитивного артикля (при препозитивном артикле в других романских языках); в румынском языке существует нейтрализация G.—D. (в то время как в других романских они выражаются разными предложениями); порядок слов не играет (или почти не играет) грамматической роли; реприза в румынском языке имеет чисто грамматическое значение (правда, аналогичное явление отмечается в испанском); румынский язык обладает четырьмя видами артикля, причем по крайней мере два могут употребляться одновременно; в румынском языке имеются граммы трех, а не двух родов и грамма одушевленности. Здесь перечислены лишь наиболее явные, лежащие на поверхности отличия румынского языка от романских²⁷. Естественно, следует провести более точное, подробное и тщательное сравнение для точного выяснения степени удаления румынского языка от родственных ему. Интересно, что даже этот, достаточно общий способ устанавливает не просто нейтральные черты различия, которые обязательно отмечаются у любых родственных языков, но именно балканские черты румынского языка. Таким образом, уже самое предварительное сравнение в генетическом плане, устанавливая направление развития языка, является убедительным доказательством значимости балканистических процессов.

Подобным же образом может быть осуществлено сравнение в историческом плане. В частности, обладая знанием набора балканизмов, целесообразно определить датировку их появления в каждом конкретном языке. Так, установлено время появления постпозитивного артикля: X—XI века для румынского и болгарского, XIII—XIV века для албанского²⁸. Исчерпывающие сведения о времени возникновения балканизмов помогли бы с большой точностью установить период образования балканского языкового сообщества в целом (естественно, с привлечением и других, в частности лингвистических данных). Обладая материалом для исторического сравнения по всему БЯС, можно выяснить тенденцию развития, скорость изменения, время начала схождения и тот период, когда можно считать балканский языковой союз уже существующим.

²⁷ Балканские черты (случаи постпозиции артикля) отмечены в вышерем романском языке Балканского полуострова — далматинском. См.: M. Bartoli. Das Dalmatische. Wien, 1906, I, II.

²⁸ См.: Р. Г. Пиотровский. О сравнительной хронологии постпозиции артикля в так называемых балканских языках. — ВСЯ, 1959, № 4. — К сожалению, это единственная работа такого рода.

В этом смысле интересно проведение нескольких срезов, каждый из которых соответствует состоянию языка в определенный период. В качестве первого среза целесообразно брать состояние, считающееся для данного языка исходным (например, для славянской части БЯС — старославянский). Естественно, что существуют разнообразные способы исследования каждого из таких срезов в зависимости от конечной цели сравнения.

* * *

Данная работа была подчинена принципу рассмотрения БЯС как результата длительного языкового взаимодействия. Поскольку при активных интерференционных процессах особенно актуальна коммуникативная функция языка, стимулом к созданию БЯС считалось неосознанное стремление к выработке некоторой мета-структуры; поэтому системы отдельных балканских языков рассматривались в зависимости от близости к ней, а при отборе общих черт существенными считались те, которые соответствовали некоторой общей модели такого языка-посредника, могущего быть созданным именно на балканском материале²⁹. Критерием верности этой модели считалась успешность кодирования и декодирования, т. е. успешность осуществления коммуникации. В соответствии с этим предварительные описания балканских языков были сделаны методами анализа и синтеза, что раскрывало распознающую и порождающую способность каждого языка. Конкретно речь шла о способах выражения в БЯС универсальных логико-синтаксических единиц, соответствующих основным типам отношений, реализуемых в языке. Сопоставление таких описаний привело к конструированию модели, основанной на ТМЦ общих черт балканских языков, которая рассматривалась как основа для создания теоретического языка-посредника. А priori предполагалось, что языком-посредником может служить так называемый «идеальный» язык, являющийся простым одновременно синтетически и аналитически. Исследование балканских языков показало, что они в своем развитии тяготеют к модели синтетически простого языка, причем таким образом, что вместе с этим в них происходит удаление от модели аналитически простого языка. Иными словами, специфические условия коммуникации на балканском ареале требуют, чтобы формальные грамматические средства гарантировали легкость кодирования и в связи с этим были возможно более простыми и экономными, сводясь чуть ли не к нулю. Легкость же декодирования должна обеспечиваться средствами других уровней.

---

²⁹ В данной работе речь идет, разумеется, лишь о фрагменте языка-посредника, касающемся только системы имени существительного.

Существенные с точки зрения балканистических процессов черты присущи системе, или парадигматическому плану языка. Это естественно, так как именно структурные ресурсы языка, а не синтагматический план (т. е. текст) являются основой акта коммуникации. Поэтому балканизмы разумнее искать в системных особенностях языка, чтобы не быть обманутыми сходствами, обнаруживающимися на линейном уровне и не всегда существенными для структуры языка. Такая точка зрения позволила рассмотреть традиционный набор балканизмов несколько по-иному, сопоставляя его с общими чертами балканских языков, выделенными в результате системного исследования. В итоге высказывается несколько предположений о том, что целесообразно считать балканизмами. Так, предлагается считать для балканских языков характерным наличие двухпадежной системы с противопоставлением на морфологическом или морфосинтаксическом уровне прямого (Dir.) и косвенного (Obl.) падежей, с нейтрализацией в последнем функций G.—D. Существенным представляется не столько стремление к аналитизму, сколько наличие именно такого противопоставления. При рассмотрении артикля на первый план выдвигается его грамматичность, понимаемая как высокая распознающая и порождающая сила. Вопрос о важности его положения по отношению к существительному (т. е. постпозиция или препозиция) пока остается открытым. Но во всяком случае несомненно, что, говоря о балканском артикле, ограничиваться констатацией его линейного положения недостаточно. Предлагается и другой вариант: учитывая высокую грамматичность флексии прилагательного в славянской части БЯС, считать балканизмом особый способ выражения граммем существительного, выпесенный за его пределы («свободная флексия»). Такое дублирование, или дополнительное выражение благодаря большей четкости вполне соответствует задачам облегчения коммуникации.

Рассмотрение балканских языков в рамках установленной модели позволяет расположить их в пространстве в зависимости от близости к ней. Так, ближе всего к предполагаемому языку-посреднику подходят болгарский, македонский, ЮВС, румынский, затем албанский. На большем расстоянии находятся новогреческий и сербско-хорватский. Однако исключать их из БЯС было бы неправомерно, поскольку в них явно происходят балканистические процессы, хотя и проявляющиеся в несколько трансформированном виде.

Данная работа является попыткой показать актуальность и целесообразность рассмотрения БЯС с точки зрения общей теории коммуникации в ее приложении к процессам языкового взаимодействия; благодаря специфическим особенностям БЯС для достижения этой цели могут быть использованы методы типологические, генетические, исторические.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A. — Accusativus	Obj. dir. — Objectum directum
Abl. — Ablativus	Obj. obl. — Objectum obliquum
Adv. — Adverbium	Obl. — Obliquus (casus)
Art. — Articulus	Pl. — Pluralis
Atr. — Atributum	Pl. card. — Pluralis cardinalis
Cas. Obl. gen. — Casus Obliquus generalis	Praed. — Praedicatum
Д. — Dativus	Pron. — Pronomen
Dir. — Directus (casus)	S. — Substantivum
f — femininum	Sappel. — Sappellativum
g. — Genetivus	Sing. — Singularis
I. — Instrumentalis	Subj. — Subjectum
L. — Locativus	V. — Verbum
m — masculinum	V. intrans. — Verbum intransitivum
n — neutrum	V. pass. — Verbum passivum
N. — Nominativus	V. reflex. — Verbum reflexivum
	V. trans. — Verbum transitivum

* * *

AfSPh — Archiv für slavische Philologie, Wien
 BSS — Buletin për shkencat shoqërore, Tiranë
 BSLP — Bulletin de la société de linguistique de Paris, Paris
 Cahiers — Cahiers de linguistique théorique et appliquée, Bucureşti
 HDZ — Hrvatski dijalektološki zbornik, Zagreb
 IJAL — International Journal of American linguistics, Bloomington
 LR — Limba română, Bucureşti
 Rad JAZU — Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti
 RIEB — Revue internationale des études balkaniques, Belgrad
 «Stud. cerc. lingv.» — Studii şi cercetări lingvistice, Bucureşti
 ZfS — Zeitschrift für Slawistik, Berlin

* * *

БЕ — Български език, София
 ВСЯ — Вопросы славянского языкознания, Москва
 ВЯ — Вопросы языкознания, Москва

Изв. ИБЕ — Известия на Института за българския език, София
ЈФ — Јужнословенски филолог, Београд
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения, Москва
Мак. јаз. — Македонски јазик, Скопје
ПС — Периодическо списание, София
Сб. НУ — Сборник за народни умотворения, София
СДЗ — Српски дијалектолошки зборник, Београд
Списание на БАН — Списание на Българска Академия на науките, София

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. БОЛГАРСКИЙ И МАКЕДОНСКИЙ ЯЗЫКИ	23
Глава II. СЕРБСКО-ХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК	49
Глава III. НОВОГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК	66
Глава IV. РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК	103
Глава V. АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК	134
Глава VI. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТАХ БАЛКАНСКОГО П-ВА	153
Глава VII. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ, ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ ПО НЕКОТОРЫМ МОДЕЛЯМ-ЭТАЛОНАМ	158
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	193

Татьяна Владимировна Цивьян

Имя существительное в балканских языках

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Корозо.*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова.*

Сдано в набор 7/XII 1964 г.
Подписано к печати 1 /III 1965 г. Формат 60×90^{1/16}
Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,1 Тираж 1000 экз.
Изд. № 4639/65. Тип. зак. № 1083.
Темплан 1965 г. № 282

Цена 67 коп.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства «Наука»,
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Цена 67 коп.

31/8 60